

Космическое оружие
Андрей
Ливадный
Мятежный
Проционн

Annotation

*Здесь, на Процион
е, свершилось немыслимое — творцы поменялись местами со своими созданиями. Носители искусственного интеллекта, используя технологию, созданную сгинувшими в лучине времён селенитами, воссоздали… людей. Лишённые памяти о прошлом, которого у них, в общем-то, и не было, они превратились в подопытный материал для андроидов. Лучшие из поколения созданных, Ян Ковальский и Мари Лерман, смертельно рискуя, пытаются найти ответ на вечные вопросы: кто мы? откуда появились? ради чего существуем? Неожиданную поддержку им оказывает смертельный враг, полковник Нагаев — сверхмашина и сверхчеловек в одном теле…*

Также книга издавалась под названием «Процион».

Содержание

Андрей Ливадный Мятежный Процион

Пролог

Стоял хмурый, пасмурный день. Тёплый ветер нёс терпкие запахи леса, смешанные с флюидами далёких вулканических извержений.

Здесь никогда не наступала зима, часто лили тёплые дожди, небо вечно укрывала пелена серых, гонимых ветром облаков, да и смена времён года была заметна лишь благодаря деревьям, кустам и травам, увядавшим по непонятной для столь ровного климата причине и вновь, спустя пару недель, выпускавшим свежие побеги, клейкую листву…

Природа тут соседствовала с искусственными сооружениями, да и большинство посадок, будь то лес или поля, несли явный отпечаток изначальной продуманности, некоей глобальной планировки ландшафтов.

…По нескольким просекам, рассекая лесной массив на симметричные участки, протянулись серые, приподнятые на мощных опорах ленты скоростных автомагистралей.

Вдали, за похожей на распустившийся лист клевера дорожной развязкой, виднелись смутные очертания высотных зданий города.

При ближайшем рассмотрении природа, окружающая приподнятые над землёй автобаны, выглядела вполне заурядно: тихо шумели кронами сосны, молодой ельник граничил с разросшимися на просеках кустарниковыми зарослями, настораживала лишь тишина, в которой не было слышно пения птиц, стрёкота насекомых, хруста сломанной ветки или деловитого жужжания шмеля, вьющегося над соцветьями травянистых растений, словно из обычных, присущих лесу звуков остался лишь монотонный шелест древесных крон.

Подобная тишина кажется зловещей, неестественной, чего-то ждущей: так обычно затихает природа перед грозой, но хмурые облака не предвещали ни ливня, ни ураганного ветра — они лениво клубились над автострадами, изредка роняя морось мелкого, нудного дождя.

Сами магистрали также казались запустелыми, поблекшими: не работали лазерные указатели направлений, на съездах в районе развязки, где плавные спуски перетекали в обыкновенные просёлочные дороги, не было видно свежих следов протекторов, да и просеки изрядно заросли кустарником.

Время как будто застыло.

Даже точка, видневшаяся у горизонта на фоне укутанных дымкой городских окраин, вела себя, будто насекомое, попавшее в густой сироп…

На самом деле мощный, элегантный автомобиль двигался со скоростью двухсот километров в час, просто расстояние от дорожной развязки до города было слишком велико…

За рулём машины сидел молодой человек в лёгкой одежде спортивного покроя. Тонированные стекла машины едва позволяли рассмотреть черты его лица, напряжённые, словно водитель прилагал немалые усилия, чтобы удерживать машину на идеально ровном дорожном полотне.

Внезапно, словно материализовавшись из окружающего город туманного марева, на дороге возникла ещё одна точка.

Скорость второй машины значительно превосходила отметку двухсот километров в час.

Она неслась по автобану, поднимая вслед за собой вихрящийся мусор в виде прошлогодней листвы, мелких веточек, занесённых сюда ветром, да редких, непонятно откуда взявшихся пожелтевших обрывков бумаги…

…На приборной панели первой машины злобно вспыхнул предупреждающий сигнал.

Водитель отреагировал на предупреждение системы лазерных дальномеров с неестественным для его напряжённого облика спокойствием: коснувшись сенсора, он отключил световую индикацию и, передав управление системе автопилота, включил датчики заднего обзора, задав цифровым камерам, расположенным на уровне бампера, максимальное увеличение и разрешающую способность.

На экране, вмонтированном в приборную панель, тут же появилось изображение: несущийся следом автомобиль явно обладал форсированным двигателем и управлялся без посредства автопилота, который не допустил бы вождения на подобных скоростях.

Он понял — отрываться бесполезно. Его машина явно уступала в скоростных характеристиках неумолимо приближающемуся флайкару.

«Принять бой? — промелькнула мысль, и тут же на смену ей пришла другая, несущая оттенок безнадёжной горечи: — Разве что кулаками?..»

Впереди появились строения блокпоста. Автопилот машины, следуя внутренним инструкциям, начал плавное торможение.

Проверка документов.

Этого не избежать. Мощные заграждения не растолкаешь бампером, их убирают только после тщательной проверки, посредством двух временно установленных (и оставшихся навсегда, как всё временное) подъёмных кранов, уже наполовину вросших в почву по обе стороны магистрали.

Нужно расслабить мышцы лица. Об этом приходилось думать: естественная, непринуждённая мимика ещё не успела войти в разряд бессознательно совершаемых действий.

Документы в порядке. Нет причин для беспокойства.

Тёмно-вишнёвый спортивный «Ягуар» плавно завершил торможение, остановившись перед многотонным бетонным блоком, на котором флюоресцировала надпись: «Граница запретной зоны».

Рядом мерцал недвусмысленный знак, обозначающий высшую степень биологической опасности.

Дежуривший на блокпосту офицер выглядел абсолютно спокойным. Молча взглянув в салон через приспущенное ветровое стекло, он не произнёс приветствия и не задал вопроса, лишь требовательно протянул руку, принимая удостоверение личности, затем приложил пластиковый прямоугольник к укреплённому на запястье сканеру.

«Энтони Дрейк» — буквы на крошечном дисплее зловеще сменили цвет с изумрудного на алый.

— Ваш допуск аннулирован, — сухо произнёс офицер, явно не собираясь возвращать удостоверение.

Дрейк всё же протянул руку.

— Удостоверение. — Его голос прозвучал требовательно, властно, хотя в мыслях Энтони продолжал испытывать горечь.

Он знал, что документы в таких случаях не возвращают. Тогда на что он надеялся, протягивая руку?

Офицер замешкался ровно на секунду. Он никак не мог определить: кто перед ним? Работе сканера мешал компонент краски и тонировки стёкол автомобиля, явно использованный в маскирующих целях. Голова, плечо и рука водителя выдавали на внутренний дисплей чёткий тепловой контур, нехарактерный для…

Тонкая, длинная игла раздвинула кожу на указательном пальце Энтони Дрейка.

Молниеносный удар в область грудной клетки полностью парализовал офицера — нет, его ноги не подкосились, он остался стоять, но уже не мог шевельнуться, потянуться к оружию, хуже того: иглообразный шунт, пробивший грудной кожух и изоляционное покрытие, вошёл в механический контакт с ядром системы, перехватив управление сервомоторами и передатчиком.

Офицер медленно вытянул обе руки, одновременно повернув голову.

Передатчик, скомпонованный в височной области покрытого пеноплотью металлопластикового черепа, уже посылал инструкции

примитивным исполнительным механизмам, которые тут же начали поднимать многотонные блоки, а правая рука вернула водителю документы.

Дрейк забрал удостоверение, затем принял от андроида табельное оружие и только тогда выдернул шунт, напоследок передав в систему офицера недвусмысленное целеуказание:

Преступники во второй машине. Останови их.

«Ягуар» с пробуксовкой рванулся вперёд, в образовавшийся зазор между плитами, едва не ободрав краску о бетонные заграждения.

Офицер пошатнулся.

Вместо того чтобы опустить заграждение, он сделал несколько шагов, остановившись на разделительной полосе, и требовательно поднял руку, пытаясь этим жестом призвать к порядку не снизивший скорости флайкар.

Удар смял его, отшвырнул в сторону, туловище переломилось, рука, пытавшаяся ухватиться за какую-либо опору, лишь чиркнула пальцами о бетонное покрытие дороги, содрав пеноплоть; из-под оголившихся сервоприводов брызнули искры, человекоподобную машину по инерции проволокло ещё с десяток метров и оставило лежать в нелепой позе у основания закругляющихся кверху, облицованных слоем пенорезины отбойников…

События развивались стремительно.

Две машины углублялись в запретную зону, по обе стороны автострады монотонно шумел лес, накрапывал мелкий дождь, отчего за «Ягуаром» вихрился туманный след водяной пыли…

Дрейк понимал — ему не уйти.

Город уже исчез вдали, его заслонили туманные испарения, исходившие от тёплой и влажной земли.

Флайкар приближался стремительно и неумолимо, словно злой рок следовал по пятам Дрейка, изгоняя всякую надежду на спасение.

А собственно, для чего он пытался бежать? Чтобы снова стать изгоем, блуждать в наступивших сумерках собственного сознания, понимая, что был лишь одним из актёров драмы, а не её режиссёром, как то думалось поначалу.

Некоторые откровения, к сожалению, приходят слишком поздно.

Зрителей не устраивал счастливый финал, жестокий спектакль для избранных, под названием «жизнь», должен продолжаться… а он…

Энтони горько усмехнулся.

Он даже толком не научился владеть своей мимикой.

Желая лучшей жизни для людей, пытаясь загладить невольные

ошибки прошлого, Дрейк не смог вовремя понять главного, и вот наступил закономерный итог — его убирали со сцены, не дав ни единого шанса на вмешательство в работу отлаженной системы…

Был ли смысл сопротивляться неизбежности?

Энтони боролся, сколько себя помнил. Почему сейчас он должен опустить руки? Потому что вновь остался один, познал смысловое значение понятия «предательство»?

…Впереди показалась знакомая дорожная развязка.

Он был вынужден снизить скорость, чтобы вписаться в крутой поворот, ведущий к съезду на просёлочную дорогу, уходящую в глухой лес.

Только бы проскочить. Там они его не возьмут.

Странное чувство — надежда. Оно то угасает, то вспыхивает вновь, с неистовой силой подчиняя все остальные чувства.

На повороте машину всё же занесло, «Ягуар» ударился бортом об отбойник, на секунду застыл, потеряв скорость, и в этот миг флайкар преследователей вылетел на дорожную развязку, виртуозно развернулся, гася скорость, и из глубины салона через открывшиеся двери по машине Дрейка хлестнули тугие автоматные очереди.

Энтони опоздал на какие-то мгновенья. От удара отключились системы бортовой навигации, на панели приборов крошечный экран показывал критические повреждения подвески, но он мог… мог, но не успел увести покалеченную машину за плавный изгиб спуска.

Пули с глухим звоном прошибали металл, блеклый свет полудня, ворвавшийся сквозь десятки пробоин, тут же высветил струйки дыма, просочившегося из простреленной приборной панели, — тонкие лучики света наполнили салон, обозначая углы вхождения пуль, — зловещая красота разрушения, отпечатавшаяся в последнем проблеске сознания.

Энтони даже не пытался встать.

Он видел, как текут сизые завитки дыма, замысловато переплетаясь в тонких лучиках света, и понимал, что переживает последние мгновенья своего долгого, трудного существования.

За всё на свете приходится платить. И за совершённые ошибки, причинившие зло, и, как ни странно, за попытку делать добро.

Собственно, теперь он понимал, его уничтожили именно за добрые намерения.

Мысли начали путаться, мир терял краски.

Протяжно скрипнула деформированная дверь «Ягуара».

Чьи-то руки грубо вырвали его из кресла.

— Нейромодули, — кратко напомнил пришедший издалека голос.

В грудь упёрся ствол автомата.

— Не уничтожить. Извлечь.

Ствол переместился. Несколько точно произведённых выстрелов пробили плоть, сорвав замки грудного кожуха.

— Не снимается. Мешает имплантированная кожа.

— Ну, так режь! В первый раз, что ли?

Ни один из участников разыгравшейся драмы не видел, как на мизансцене событий появился невольный свидетель.

Впрочем, человек, облачённый в полную боевую экипировку, предохраняющую от воздействия опасных биологических форм не хуже специального костюма, вовсе не считал, что принимает участие в *спектакле*, а уж тем более не смог бы остаться *зрителем*.

В запретной зоне вообще редко встретишь человека, и никто никогда не забредал сюда *случайно*.

Зрение и сканирующие системы боевого шлема фиксировали, как четверо «блюстителей порядка» — в мыслях проскользнула злая ирония — догнали и изрешетили спортивный «Ягуар», а теперь явно глумились над мёртвым телом его водителя.

Тепловые контуры, вычерченные датчиками термальной оптики, явно соответствовали людям.

Впрочем, таких подонков людьми можно назвать лишь с большой натяжкой на биологическое строение.

В ответ промелькнувшей мысли ствол автоматического оружия, снабжённого электронно-оптическим прицелом, совершил плавное движение, и вдруг…

Четыре одиночных выстрела, произведённые с интервалом в доли секунды, слились в короткую сухую очередь.

— Проклятье!..

Невольное восклицание, приглушённое дымчатым проекционным забралом боевого шлема, отразило крайнюю степень удивления и досады, когда четверо садистов, орудовавших над мёртвым телом, лишь пошатнулись от удара пуль, пробивших их головы.

Они не являлись людьми!..

Отчего же тогда лгут сканеры?

Снайпер резко сместил прицел, но поймать уязвимое место *сервомеханизма*, замаскированного оболочкой из живой плоти, не успел: реакция на выстрелы со стороны мнимых людей была одинаково стремительной и грамотной: бросив своё занятие, они метнулись назад, к

оставленному посреди дорожной развязки флайкару.

В тишине громко хлопнули четыре дверцы, и машина резко рванулась с места.

Произведённый вслед выстрел только высек искры из глянцевитого корпуса бронированного автомобиля.

Снайпер, занимавший позицию на прочной раздвоенной ветви сосны, проводил взглядом стремительно удалявшийся флайкар, подумав, что следует купить подобную машину.

Через несколько минут человек вышел на опустевшую дорожную развязку.

Его лицо скрывал боевой шлем.

Остановившись подле тела, распростёртого на забрызганном кровью бетоне, снайпер попытался определить, жив ли несчастный.

Нет.

С такими ранениями не живут.

Голова незнакомца едва держалась на лоскуте кровоточащей кожи — пули перебили шейные позвонки.

Рука усталым движением сняла шлем, освобождая из-под него каскад рассыпавшихся по плечам волос.

Снайпером оказалась женщина лет тридцати.

В этот момент Энтони открыл глаза.

В тумане плавало лицо. Красивые, слегка заострённые черты, пронзительный взгляд… Он уже где-то видел её.

Неужели на свете всё-таки есть эта непонятная, не поддающаяся никакому счислению сила, имя которой Судьба?

Он вспомнил это лицо. Лицо молодой, насмерть перепуганной девушки, которую он едва не застрелил несколько лет назад.

Вряд ли она узнает меня…

Но добьёт — точно.

Последняя мысль. Окончательная…

Он уже не видел, как женщина склонилась над ним, осмотрела вспоротую грудь, затем точным движением извлекла из-под напитанной кровью одежды и разрезанной плоти деформированный пулями металлопластиковый кожух, под которым обнажилось ядро системы.

Тонкие прозрачные трубки, подающие кровь к нейромодулям, были разорваны пулями.

Она на секунду задумалась, а затем, прошептав что-то невнятное, достала из специального клапана экипировки пару зажимов и мягкий

резервуар полевой капельницы, наполненный консервированной кровью.

Энтони ошибся в своей последней мысли.

Она, конечно, не узнала его, но почему-то решила не добить, а спасти.

Часть I Мари

Глава 1

Запретная зона. Настоящее…

Тонкая нить тревоги. Она резко натянулась, порвалась в сознании, заставив Мари мгновенно проснуться.

Мягкий сумрак спальни, освещённый тусклым светом ночника…

На самодельной панели охранной системы, вмонтированной в стену напротив кровати, взмаргивал алый точечный индикатор.

Вокруг царила глубокая тишина. Такая, от которой в ушах появляется навязчивый фантомный звон.

Медленно выдохнув, Мари уняла глухие удары сердца и медленно, не нарушая звенящей тишины, сомкнула пальцы на прорезиненной рукоятке автоматического пистолета.

Кто? — вопрошал рассудок.

ИскИн? [1]

Не похоже… Кибернетические механизмы оснащались достаточным количеством сканеров, большинство из них давно не считали себя бытовыми андроидами, а борьба за выживание в «запретной зоне» научила их безошибочно определять элементы «растяжек», будь то простая проволока, либо ёмкостный датчик, или инфракрасный, незримый для человека луч лазера.

Тишина продолжала звенеть.

Человек?

Слишком уж он тих и осторожен. Или затаился, обнаружив допущенную оплошность?

Палец Мари снял оружие с предохранителя.

Первый патрон в стволе.

Правило, привычка, оставшаяся ещё с войны. Оружие всегда должно быть под рукой и готово к бою. Иначе — смерть.

Не двигаясь, она посмотрела на компьютерный терминал.

Пять часов утра.

Она легла в три — накануне, вернувшись из запретной зоны (такое название получила местность, где несколько лет назад удалось остановить вторжение ИскИнов, носителей искусственного интеллекта), Мари сначала разбирала находки, затем ради собственной же безопасности упаковывала их в специальные контейнеры.

Маленький злобный огонёк на охранной панели погас.

Может быть, крыса или бродячий кот?

Не тешь себя надеждами… — в душе Мари понимала: глупо цепляться за призрачную соломинку, которая не принесёт спасения. Рядом находился кто-то чужой. На мелких животных установленные ловушки попросту не реагировали.

Медленно, стараясь не нарушать тишины, она выбралась из-под одеяла, ступила босыми ногами на холодный пол, сделала шаг в тень, в сторону второго выхода из спальни, который вёл в подвальную часть старого дома.

Более всего на свете она не выносила убивать людей, но зачастую ситуация не оставляла ей иного выбора…

На улице хмурились предрассветные сумерки.

День, как обычно, обещал быть жарким, но сейчас над заброшенными постройками одной из покинутых агротехнических ферм сгущался туман, на пожелтевшей траве, пучками пробивавшейся в стыках бетонных плит, дрожали капельки росы.

Вокруг царил смешанный пейзаж: вездесущая растительность практически поглотила заброшенное поселение, побеги лианоподобных растений, цепко карабкавшиеся по стенам, идеально маскировали покинутый посёлок от обнаружения с земли и воздуха — попасть сюда было возможно, лишь обладая точным знанием местности…

Ян Ковальский помнил расположение всех агротехнических ферм ещё с довоенной поры. Он был одним из немногих, кому удалось выжить, столкнувшись с сонмищем ИскИнов, вторгшихся со стороны вулканической пустыни.

Сколько же ещё вот таких заброшенных, потаённых уголков, навек сохранивших следы той короткой драмы, хранят молчаливые леса «запретки»? — подумалось ему.

Ковальский осмотрелся. Да, несомненно, здесь разыгрался один из страшных эпизодов внезапного противостояния. Взгляд то и дело цеплялся за свидетельства былого: многие дома стояли без крыш, большинство окон щерились огрызками стеклопластика, на стенах виднелось множество выщербин от попаданий пуль и осколков, бетонные плиты дороги просели, кое-где на них темнели круговые подпалины от взрывов, их не сумели стереть дожди и обошла стороной растительность, милостиво прикрывшая зеленью основные разрушения посёлка.

Лишь несколько строений (в том числе и дом, окружённый бойцами в тёмной камуфлированной униформе) выглядели годными для жилья.

Командир отряда заставил себя прогнать воспоминания и начал жестами указывать бойцам позиции для штурма.

Лицо Яна скрывал боевой шлем с опущенным пуленепробиваемым забралом, и подчинённые не могли видеть, как серые пятна смертельной бледности проступили на щеках командира, прежде чем он дал резкую отмашку, означающую готовность к штурму.

Ему было тяжело. Душа ныла под гнётом воспоминаний, и в эти минуты Ковальский впервые за последние годы пожалел, что остался в отряде специального назначения по окончании тех чудовищных событий.

Хотя, после всего пережитого, был ли у него иной путь?

Он оглянулся, понимая, что сознательно оттягивает время. Взгляд упал на два приземистых армейских вездехода, перегораживавших участок улицы, исключая возможность бегства с использованием транспортных средств.

Лицо командира за прочным дымчатым пластиком исказила гримаса боли. Он находился на грани. На грани неисполнения приказа, ибо узы крови, связавшие всех людей, оказавших неистовое сопротивление внезапно обрушившейся беде, на поверку оказались сильнее любой субординации…

Казалось, ещё секунда промедления, внутренних сомнений, усиленных внезапно нахлынувшими средь руин воспоминаниями, и долг службы окончательно будет подавлен эмоциями.

Ян стиснул зубы, отводя взгляд от вездеходов.

Его отряд из двадцати бойцов полностью окружил строение, медлить дальше было бессмысленно, и Ковальский решительно направился к входу, уже не глядя по сторонам, как минуту назад.

Он никогда не верил в чудеса и понимал: сейчас всё кончится быстро, почти бесшумно… и тогда ему придётся взглянуть в очередное *мёртвое* лицо, которое вдруг окажется *знакомым*.

Ковальский знал: рано или поздно подобное случится. Кто попало в «запретку» не ходит, для этого необходимы мужество и подготовка. Тихий пустынный лес только кажется безобидным, на самом деле он таит множество смертельных опасностей.

Каждый раз, отправляясь на очередную операцию, он молил об одном — только бы нарушителем не оказался кто-то из ребят, уцелевших в аду двухдневных боестолкновений с пришлыми ИскИнами.

Почему сегодня его гложет не просто дурное предчувствие, а ощущение беды?..

Он резко и нарочито громко открыл дверь; всколыхнувшееся внутри

отчаяние оказалось столь внезапно и велико, что он на миг подумал: *пусть первая пуля достанется мне, оборвёт этот затянувшийся кошмар…*

Мари не видела творящегося на улице, но жизнь в постоянной опасности и напряжении научила её не строить иллюзий и всегда морально готовить себя к худшему, чтобы лучшее могло стать приятным сюрпризом.

Она была инфицирована, поставлена вне общества, и отчётливо понимала, что надеяться в этом мире можно только на себя. У неё, конечно, оставались знакомые, но никого из них она не могла назвать другом. Все, кто был ей дорог, оказались по ту сторону незримой черты после того, как сама она «пропала без вести» в бою с ИскИнами.

Ни один человек на свете не знал, что она жива.

Снаружи резко скрипнула дверь.

Мари специально не смазывала их механизм, чтобы ни один случайный посетитель не смог застать её врасплох.

От входа через холл до спальни тридцать пять шагов.

Первая установленная внутри дома ловушка сработала спустя три или четыре секунды после протяжного скрипа двери.

Взрывное устройство направленного действия было снабжено зарядом малой мощности, без поражающих элементов, и рассчитано на создание ударной волны, которая вышвырнет незваного визитёра через дверь.

Устраивая ловушку, Мари исходила из гуманных (с её точки зрения) и чисто практических соображений. Если её потревожили случайно, то человек второй раз не сунется в дом — отлежится после лёгкой контузии и поспешит убраться прочь.

Ну а если к ней пожаловали настоящие проблемы, то первый заряд остановит нападающих, собьёт их с темпа, даруя ей немного драгоценного времени.

Так оно и случилось. Второй взрыв (уже не такой безобидный, как первый) грянул спустя секунд пятнадцать-двадцать, когда она, успев схватить одежду, экипировку и оружие, уже спускалась по наклонному тоннелю в недра древнего бункера, выстроенного (по её мнению) первыми поселенцами.

Её путь вёл через подземные коммуникации к общественному паркингу с просевшей под давлением земли кровлей. Там, среди ржавеющих остовов старых машин, стоял её новенький «Акцепт» — внедорожник с форсированной ходовой частью, усиленной подвеской и бронированным кузовом.

Внешне неброская машина, каких полно на многоуровневых городских магистралях, на самом деле прошла серьёзную модернизацию, исполненную «под заказ», и уже не однажды выручала Мари из смертельно опасных ситуаций.

Она нырнула во влажный, пахнущий застарелой сыростью тоннель, на бегу застёгивая бронежилет и ремни экипировки.

Пробежав метров пятьдесят, она остановилась и прислушалась.

Узкое пространство наклонного коридора отчётливо передавало эхо торопливых, ритмичных шагов.

Слух и интуиция редко подводили Мари.

Вслед за ней по тоннелю спускались два андроида — бывшие ИскИны, с перепрограммированными заново базовыми блоками.

Таких «ребят» содержала на своём балансе колониальная администрация, а значит, ею занялись всерьёз.

Дистанция до преследователей резко сокращалась, и Мари, не колеблясь, вскинула оружие, произведя четыре одиночных выстрела.

ИскИнов она убивала без колебаний, если к этим человеческим подобиям вообще применим термин «смерть».

Темнота тоннеля не являлась помехой — боевой шлем, оснащённый системами тепловидения и детекторами движения, позволял ей ясно различать противника, и, как следствие, все четыре пули попали в цель: две пробили грудные кожухи дройдов, за которыми прятались основные компьютерные блоки сервомашин, а два последующих выстрела являлись уже контрольными, произведёнными скорее по привычке, чем в силу необходимости.

Просто она не любила, когда за её спиной внезапно вставал поверженный было враг.

В устье тоннеля вновь послышались шаги, и Мари побежала, теперь уже не оборачиваясь на звук, зная, что успеет, тем более что преследователи, судя по всему, не догадывались, куда она направляется.

* * *

Ян Ковальский поднялся на ноги, отряхивая с экипировки дорожную пыль.

Взрыв, которым его вышвырнуло назад, за двери, не причинил капитану особого вреда. Пара синяков не в счёт. А вот андроидам, ринувшимся на штурм, досталось, что называется, по «полной программе»: второй заряд, установленный в глубине гостиной, оказался намного

мощнее — вкупе с ударной волной атакующие сервомеханизмы получили шквал калёных шариков от подшипников, использованных в качестве поражающего элемента.

Дым толчками выбивало в дверной проём, покосившаяся пластиковая рама сначала оплыла от температуры, а затем по её деформированной поверхности побежали язычки ядовито-зелёного пламени.

Где-то в глубинах строения, вероятно, на уровне подвала, глухо прозвучали четыре одиночных выстрела.

Кто-то из наших…

Теперь Ян не сомневался — целью акции был человек, имевший непосредственное отношение к событиям десятилетней давности. Кто ещё мог действовать так жёстко и расчётливо? Их, прошедших тропами недолгой, но ожесточённой схватки с ИскИнами, осталось не так и много — десятка два.

Ян наклонился, подобрал горячий шарик, покатал его на ладони.

Да, попав в ад внезапных боестолкновений, потеряв за двое суток сотни бойцов, они все дошли до определённой грани, за которой наступило внезапное моральное перерождение. В считаные часы оставшиеся в живых молодые ребята учились действовать с такой же бескомпромиссной жестокой расчётливостью, как и их противник, не считаясь с разрушениями, не оглядываясь на последствия, — в ход шли любые подручные средства, а в больном, измотанном рассудке теплилась лишь одна мысль: любой ценой остаться в живых…

Выбросив шарик, Ковальский вошёл в дымящийся дверной проём.

От помещения остались лишь посечённые осколками, нашпигованные металлом стены. Вся мебель превратилась в щепу, дымящимся ковром устилавшую пол. Человек, установивший двойной заряд, знал не только истинную цену жизни (иначе зачем устанавливать предупреждающую «хлопушку»?), но и умел бороться с сервомеханизмами.

Ковальский грубо оттолкнул почерневший эндоостов андроида и прошёл в следующее помещение.

Спальня.

Кровать со смятой, тлеющей постелью, туалетный столик, с которого взрывной волной смело на пол косметические средства, разбившееся зеркало…

Вне сомнений, до сегодняшнего утра здесь жила женщина.

Дурнота, как всегда, накатила внезапно. Следствие давней контузии проявляло себя особенно остро в критические моменты, когда разум вдруг начинал выпадать из реальности. В последнее время приступы почти

прекратились, и вот тебе на…

Ковальский стоял, глядя на посечённый осколками туалетный столик, и имя, давно и безвозвратно потерянное, вдруг всплыло из глубин памяти ясным, беспощадным образом.

Мари… Нет… Этого не могло быть. Она погибла. Там, у ворот проклятой энергостанции.

Нет, Ян, шепнул предательский голосок. Она пропала без вести. Её тело не нашли среди павших. Имя каталось в мыслях, превращая заурядную акцию в болезненный, изматывающий душу абсурд.

Внезапно его чувства нашли выход.

Он уже давно не строил иллюзий по поводу своей «работы».

Ты убийца, капитан. Убийца в законе.

Проклятье. Его лёгким не хватало воздуха, хотя дым от тлеющей постели и мебели тут был ни при чём. В колониальной администрации знали, что целью сегодняшней акции будет кто-то из выживших, но не захотевших или не сумевших вернуться к нормальной жизни. Куда им было податься? Только сюда, в «запретку».

Здесь сгорели их души. А эти сволочи из колониальной администрации думали списать всё на Судьбу, которая, спустя много лет, по роковому совпадению сведёт их вместе? Как врагов?

Справедливо ли это?..

В глубине подземных коммуникаций вновь глухо прозвучали одиночные выстрелы, в ответ резко ударила автоматная очередь.

Ян вышел на улицу, поднял забрало боевого шлема и сплюнул на запорошенные пылью бетонные плиты старой дороги.

— Доложить обстановку, — обронил он в коммуникатор.

— Цель потеряна, сэр, — раздался в ответ ровный, не несущий эмоций голос.

Ковальский усмехнулся. Куда уж им, с усечённым программным обеспечением, угнаться за человеком, выстоявшим в боях против *настоящих* ИскИнов.

Он на секунду задумался. Образ Мари, так ярко вспыхнувший в памяти, поблек, будто выцветший снимок… Нет, это не она… Ян отчётливо помнил, как Мари падала, подкошенная автоматной очередью.

И всё же тоска уже не отпускала сердце. Любые доводы сейчас звучали неубедительно. Ян устал. Он не мог больше делать грязную работу, а потом, в промежутках между заданиями, угрюмо топить свою совесть в алкогольном дурмане.

Женщина… Может быть, кто-то из бывших жителей агроферм? Они

ведь тоже пытались оказать сопротивление…

Наверняка где-то на окраине древнего посёлка у неё спрятана машина. Мысль, ища спасения от воспоминаний, вернулась к реальности дня сегодняшнего.

Пара зондов, выпущенных над поселением, несмотря на туман и дым от разгорающегося пожара, быстро вычислят место стоянки.

— Всем отходить! — в разрез собственным мыслям приказал он. — Место сбора у вездеходов.

Он не хотел доводить акцию до логического завершения и прекрасно осознавал это.

Пусть городское начальство катится со своими приказами куда подальше. Да, он долгое время без колебаний обезвреживал тех, кто своими вылазками в запретную зону нёс прямую угрозу родному городу. Но это длилось уже не первый месяц и даже не год, его уставшая, иззябшая в одиночестве душа, попадая в «запретку», каждый раз ощущала горячее дыхание прошлого, и рассудок, стимулированный воспоминаниями, начинал оценивать реальность совсем не так, как преподносила её официальная «доктрина безопасности».

Ян, конечно, не сомневался, что вылазки в запретную зону для большинства нарушителей имели в своих истоках исключительно корыстный характер. Но, если уж разбираться по большому счёту, то он, «охотник за головами», которому власти предоставили официальную лицензию на уничтожение нарушающих законы лиц, должен был начинать чистку не с тех, кто, рискуя своей жизнью, за гроши совершает вылазки на места прежних боёв, а с заказчиков, использующих добытые ими комплектующие и блоки памяти, содержащие бесценную технологическую информацию, в целях личного обогащения.

За истёкшие после нашествия ИскИнов годы город начал бурно разрастаться, в нём появились богатые и бедные кварталы, на окраинах выросли такие производства, о создании которых раньше даже и не мечталось. Спрашивается, в чём причина столь резких перемен? Конечно, часть информации и технологий могла быть считана с блоков долгосрочной памяти попавших «в плен» ИскИнов, но в период боёв на останки сервомеханизмов обращали мало внимания, а затем, после появления странной инородной растительности, зону вообще закрыли, так что большинство информационных носителей попало в руки нынешних «отцов города» много позже, и они не спешили делиться полученным знанием, напротив, резко поднявшись вверх по лестнице социального благополучия, диктовали остальным условия существования…

…Пока Ян размышлял над развитием послевоенной ситуации, из недр горящего здания появились семь андроидов.

Семь из двадцати.

Учитывая баснословную стоимость сервомеханизмов, которых пока что не удавалось поставить на производственный поток, его, как командира группы, ожидали серьёзные неприятности, но Ковальский сейчас смотрел на ближайшие перспективы через призму внезапно и болезненно очнувшейся души.

В следующий раз будут думать, прежде чем устраивать охоту на людей, которые своей кровью спасли их…

— По машинам! — отдал он короткий приказ. — Возвращаемся в город.

* * *

Мари испытала откровенное недоумение, когда увидела, как два военных вездехода выползли на окраину посёлка, достигли дорожной развязки и взяли направление на город.

Почему они прекратили преследование?

Она облокотилась о руль «Акцепта», наблюдая за удаляющимися точками в сканирующую оптику, связанную с бортовым компьютером машины.

Излучение сканеров без труда проникало сквозь броневую защиту, высвечивая тепловые контуры пассажиров.

Семь сервомеханизмов и один человек.

Она машинально проверила запись, которую вёл компьютер «Акцепта».

Никаких сигналов дальней связи зафиксировано не было, значит, решение о прекращении операции не пришло из города, его принял человек, а именно — командир боевой группы.

Кто он?

Мари, конечно, не могла знать поимённо всех «охотников», которые контролировали запретную зону, отслеживая и уничтожая тех, кто регулярно проникал на заражённые территории, но она была отлично осведомлена о способах их действий и о той патологической ненависти, которую испытывали «охотники за головами» к своим жертвам.

Что-то не складывалось в её сознании. Существовала неувязка, которую следовало выяснить. Вряд ли потери среди сервомеханизмов могли остановить командира группы. Машины, в конце концов, можно восстановить, благо стараниями «чёрных археологов» запасных частей в

городе хватало с избытком. Нет, причина явно крылась в чём-то ином.

Единственное, что могла сделать Мари в данный момент, — это запеленговать личный маркер человека и записать его шифр.

Её план, спонтанно возникший в эти мгновения, был прост: вечером она побывает в городе и, пользуясь поисковыми системами, определит его местонахождение. Если повезёт, то она сможет поговорить с ним, не раскрывая своего инкогнито. Мари не сомневалась: после полученной во время штурма «встряски» и выволочки от начальства за откровенно проваленную операцию он непременно заглянет в какой-нибудь бар.

Ею двигало не столько любопытство, сколь насущная необходимость в информации. Яростный штурм, да и само количество механических бойцов, посланных на её уничтожение, говорили о серьёзности намерений власть предержащих разделаться с нею тем или иным способом. Этому должно быть разумное объяснение, учитывая, что она не работала ни на одного из городских дельцов, да и вообще жила сама по себе, редко покидая пределы запретной зоны. Её интересы никак не пересекались с бурно развивающимся в последние годы бизнесом, и тем более непонятно выглядела попытка её уничтожения и внезапное, ничем не обоснованное отступление отряда, который хоть и потерял половину бойцов, но всё же мог выполнить поставленную задачу.

Такое количество вопросов и откровенных неувязок оправдывало рискованную вылазку в город. В конце концов, она давно собиралась побывать там — нужно было обменять часть накопившегося «товара», чтобы пополнить запасы продовольствия и боеприпасов.

Заглушив двигатель «Акцепта» и погрузившись в собственные мысли, она долго провожала взглядом тёмные точки вездеходов, пока те совсем не исчезли из вида.

Наступало утро.

Солнце уже поднялось над линией горизонта, пробиваясь ярким пятном сквозь пелену облачности, осенний воздух был тёплым и особенно прозрачным, лёгкий ветерок гнал по старым бетонным плитам дорожного покрытия шуршащую, пожухлую листву…

Вот так и моя жизнь… — внезапно подумалось Мари. — *Однажды она пожухла, скорчилась и больше уже, наверно, никогда не зазеленеет свежим побегом…*

От подобных мыслей на душе стало горько.

* * *

Начинало смеркаться, когда внедорожник Мари миновал первый из

блокпостов, выставленных на всех дорогах, ведущих к бурно развивающемуся мегаполису.

Раньше, сразу после внезапного нашествия ИскИнов, меры безопасности были куда более строгими (сейчас у неё лишь визуально проверили удостоверение личности, даже не удосужившись отсканировать его на предмет подлинности).

Да и город, десять лет назад представлявший собой огромный цокольный этаж, окружённый сельскохозяйственными угодьями, сильно изменился. После того как сюда стеклись беженцы со всей округи, население резко возросло, породив вполне понятные проблемы.

Первый год после нашествия ИскИнов выдался особенно трудным — над зародышем мегаполиса постоянно витала угроза голода, эпидемий и массовых беспорядков, сотни тысяч сельчан, изгнанных с родных мест непонятной серебристой растительностью, легко поражавшей своими спорами людей и животных, оказались на положении нищих, бездомных и безработных. Страшные события в один миг сломали привычный уклад жизни, обездолив и озлобив бывших фермеров.

Естественно, что управлению колониальной администрации, исторически базировавшейся в городе, пришлось решать глобальные проблемы — ситуация вынуждала к немедленным действиям, и спустя полгода пространство между палаточными городками беженцев стало постепенно превращаться в невиданные строительные площадки. Вместо привычных двух-трёхэтажных домов там начали расти настоящие исполины, высотой в двадцать — двадцать пять этажей.

Таких домов ещё никогда не строили, и поначалу здания пугали своими размерами, казалось, что при первой же непогоде они просто рухнут, но скептики ошиблись — небоскрёбы успешно росли, как грибы после тёплого дождя, беженцы, готовые вот-вот взбунтоваться против остальной, более обеспеченной части городского населения, получили работу, а следовательно, и средства к существованию, — всё изменилось как-то разом, внезапно, будто по волшебству, но тайну этих перемен, спасших многие тысячи жизней, свято хранили новоявленные фирмы, ставшие инициаторами масштабного строительства. Никто не знал, откуда в руках архитекторов, инженеров и строителей оказались неведомые ранее технологии. Об этом много говорили, но правду, по сути, не знал никто, кроме нескольких десятков посвящённых. Остальные могли лишь строить гипотезы, связывая взрывообразный прогресс в различных областях промышленной деятельности с некими таинственными базами данных, якобы найденными в недрах цокольного этажа, среди живущих своей

жизнью автономных кибернетических систем.

И никто почему-то не связывал наступившие перемены с внезапным нашествием ИскИнов…

Хотя, возможно, и связывали… но предпочитали молчать, ибо официальная пропаганда в народившихся средствах массовой информации даже вскользь не упоминала об искусственных человеческих подобиях, едва не уничтоживших всё живое.

Так или иначе, но Мари относилась к тем немногим, кто знал правду, — не существовало никаких мифических баз данных, — вся информация, давшая импульс развития мегаполису, была почерпнута из блоков долгосрочной памяти ИскИнов, чьи аппаратные средства оказались совместимы с компьютерным оборудованием, установленным в управлении колониальной администрации. Именно из блоков ПЗУ враждебных всему живому механических существ была получена основная информация о технологиях, позволивших сотням тысяч человек не просто выжить, но и перейти на качественно новый уровень развития…

— …Спасибо, офицер. — Мари забрала удостоверение личности из рук начальника охраны. Она уже коснулась сенсора стеклоподъёмника, когда тот, покосившись на неё, спросил:

— Что вы делали за городом?

Мари безропотно достала ещё один документ, свидетельствующий о том, что ей, по указанию городских властей, разрешены биологические исследования в сопредельных с заражёнными участками зонах.

— Вы пересекали границы «запретки»?

— Нет. Но защитный костюм при мне, можете удостовериться. — Мари коснулась сенсора на приборной панели, и крышка багажного отделения «Акцепта» послушно поднялась вверх, продемонстрировав запасное колесо, стандартный набор инструментов и кофр с защитным костюмом.

Накрапывал мелкий нудный осенний дождь, и офицер (уже порядком промокший) махнул рукой, возвращая Мари оба удостоверения:

— Проезжайте.

* * *

Город появился внезапно: из-за хмари дождя вдруг начали проступать размытые пятна света, образующие сияние, освещающее низкие, гонимые ветром тучи. Затем из общего зарева начали выделяться отдельные очаги света; теперь Мари без труда различала ярко освещённые улицы окраинных кварталов, плавно изгибающиеся, перетекающие одна в другую

автомобильные магистрали, по которым двигались бесконечные потоки огней, — час пик уже миновал, но в бурно развивающемся мегаполисе за последние годы появилось огромное количество машин, так что движение по основным магистралям прекращалось разве что глубокой ночью, да и то не всегда.

Свернув на знакомой дорожной развязке, она влилась в общий транспортный поток, следуя в северо-западном направлении. Почти час понадобился ей, чтобы пересечь окраину мегаполиса. Глядя на множество новостроек, она не испытывала резких чувств — подавляющая часть населения колонии не была повинна в её судьбе, глупо и жестоко упрекать всех и каждого в собственном горе.

Хотя могла ли она назвать свою жизнь горем?

Выбор. Сделав его однажды, она сама провела незримую черту между собой и остальными людьми, так что ж сетовать теперь? Тем более что Мари прекрасно понимала — город не дал бы ей и сотой доли того, что давала жизнь в запретной зоне. Здесь она неизбежно превратилась бы в рабу системы, а там, несмотря на лишения и опасности, сама выбирала свой путь…

…Остановив машину у неброского фасада одного из сохранившихся среди новостроек старинных зданий, она вышла под моросящий дождь, открыла багажник, достала оттуда увесистый кофр, предназначенный для костюма биологической защиты, и, подойдя к дверям, трижды позвонила особым, известным ей образом.

Под решёточкой домофона трепетно зажглась зелёная искра.

— Кто там? — осведомился хриплый голос.

— Ромер, открывай. Есть дело.

Едва слышно щёлкнул электрозамок, и Мари, толкнув дверь, вошла в просторный вестибюль здания.

Здесь тоже была проведена некоторая реконструкция, например, появился лифт, и теперь уже не нужно было тащиться на пятый этаж по ступеням старой истёртой лестницы.

Квартира, куда она вошла спустя несколько минут, не отличалась ни изяществом убранства, ни иными видами комфорта. Скорее она напоминала временный склад, совмещённый с неряшливым офисом.

Человек, встретивший её у дверей, оказался мужчиной средних лет с лохматой, нечёсаной шевелюрой, глубокими морщинами на рано обрюзгшем, постаревшем лице и вечно подёргивающейся от нервного тика щекой.

— Давненько ты не появлялась, — вместо приветствия произнёс он,

зачем-то выглянув за дверь в пустой коридор этажа.

— Всё нормально, Ромер, расслабься. Хвоста за мной нет.

— А мне откуда знать? — резонно возразил хозяин квартиры, затворяя массивную металлическую дверь с надёжными ригельными замками. — Нынче отдел по борьбе с внешними угрозами уже не тот, что прежде. Зверствуют.

— В смысле? — Мари поставила на пол тяжёлый кофр, нашла взглядом пустующее кресло и уселась в него, закинув ногу на ногу. — Я что-то не заметила особо пристального контроля на въезде.

— А, — махнул рукой Ромер. — На блокпостах вечно сидят лохи. Случись что — позлобствуют пару дней и снова успокаиваются. Рутина. Сейчас много народу за город выезжает, правительство расширило границы безопасной зоны. Так что им каждую машину проверять, как встарь, — замаешься. А вот на местах ребята не дремлют. Новое поколение подросло, чем их там в школах пичкали, неведомо, но больно злые. Об ИскИнах знают только по книгам да фильмам, но ведут себя нагло. Горя не хлебали, вот и выпендриваются.

— Это ты о службе внутренней безопасности? — усмехнулась Мари.

— О них, о ком же ещё? — Ромер склонился над привезённым ею кофром, набрал код и щёлкнул замками. — Ого… — присвистнул он, увидев аккуратно упакованные блоки долгосрочной памяти. — Стандартные или эксклюзив? — подняв взгляд, осведомился он.

— Всего понемногу. Пятьдесят на пятьдесят примерно. Будешь проверять или поверишь на слово?

— Тебе поверю, — кивнул хозяин квартиры, закрывая крышку контейнера. — Плата будет обычной. Или у тебя есть условия?

— Есть. Кроме денег, мне нужен один прибор. Только не говори, что у тебя его нет.

— Что именно? — мгновенно насторожился Ромер. Его щека вдруг задёргалась чаще, чем обычно.

— Полицейский сканер, — ответила Мари. — С функцией пеленгации личных датчиков.

Ромер, кряхтя, выпрямился, ожёг посетительницу мутным взглядом, в котором проступила плохо скрытая искорка алчности, и спросил:

— Ты хоть знаешь, сколько он стоит?

— Не дороже денег, — равнодушно пожала плечами Мари.

— Ладно. Это обойдётся тебе в тридцать процентов товара.

Она не стала спорить, хотя названная цена была откровенно грабительской. Но, в конце концов, она приехала сюда не столько ради

денег…

— Давай, Ромер, только не тяни. У меня ещё масса дел.

Он пожал плечами, направляясь в соседнюю комнату, где имелся сейф.

— Ты что, завалить кого-то решила? — раздалось оттуда его ворчание. — На киллера переквалифицируешься? Сейчас это модно… Выборы тут решили провести, так что ни день — то труп в новостях. Совсем народ одичал.

Мари сидела в кресле, не обращая внимания на болтовню Ромера. Скупщик товара, нелегально доставляемого из запретной зоны, вполне мог бы уже перестать бояться всех и вся — насколько она знала, откупиться от властей не так уж и сложно, но, видно, тут сказывалась натура человека — жаден он был до безобразия, вот и прозябал до сих пор в своей дыре с непроходящим нервным тиком.

— Ромер, мне некогда.

— Да иду я, иду… Вот, держи.

Мари взяла пухлую пачку мятых банкнот, не считая, положила их в сумочку и с интересом принялась рассматривать сканер. Такой модели она ещё не видела, прибор был явно новейшего образца, компактный, умещающийся на ладони, с миниатюрным дисплеем и несколькими портами для подключения к стационарным кибернетическим устройствам.

— Чистый? — осведомилась она.

— Обижаешь. Неужто я стану рисковать? — Ромер даже усмехнулся такому предположению. — Всё оборудование у меня прямо с завода. Нигде не учтено и не засвечено.

— Отлично. — Мари отправила сканер вслед деньгам.

— Как, сама с ним разберёшься или инструкцию дать?

— Разберусь. — Она встала. — Ты уже забыл, что я тут была?

— Разумеется, — с энтузиазмом кивнул Ромер, подавая ей точно такой же кофр, с каким пришла к нему Мари. — Там внутри костюм биологической защиты. На всякий случай. Бонус от старого друга, — добавил он, открывая двери.

Мари лишь улыбнулась краешком губ.

Друзей у неё не было. Всё, чем она дорожила, осталось в далёком невозвратимом прошлом.

Когда за спиной, чавкнув уплотнителем, мягко закрылась массивная дверь, она испытала чувство внутреннего облегчения, будто только что выбралась из грязной крысиной норы.

Впрочем, это ощущение лишь промелькнуло на периферии сознания и

тут же исчезло. Не в её привычках судить людей. Раньше она грешила этим, но всё перевернула и расставила по-другому война — тот страшный, длинный, словно жизнь, *день*… двенадцать часов, за которые она заново научилась ненавидеть и любить, обрела совершенно иные ценности, определившие новое мировоззрение.

Мировоззрение, не подходящее для проживания в городе.

* * *

Сев в машину, она отъехала пару кварталов от дома Ромера и, лишь найдя пустой паркинг, подле уже закрывшегося супермаркета, остановила «Акцепт», но не стала глушить двигатель, с таким расчётом, чтобы при малейшем чувстве опасности, не разворачиваясь, влиться в транспортный поток пролегавшей в десятке метров оживлённой магистрали.

Достав из сумочки полицейский сканер, она включила прибор, активировав функцию удалённого доступа через порт инфракрасной связи.

Когда бортовой компьютер её машины определил работу нового оборудования и автоматически транслировал поступающие с него данные на основной навигационный дисплей, Мари аккуратно положила прибор на пассажирское сиденье, поближе к спинке (чтобы не слетел при резком торможении), затем вручную ввела записанный при сканировании бронемашин личный код командира группы.

Ждать не пришлось вообще — секундой позже на карте города появился алый точечный маркер.

Мари увеличила участок, откуда поступал сигнал. Она опасалась, что подробная раскладка покажет на один из недавно построенных многоквартирных домов, что серьёзно усложнило бы задачу, — ей хотелось пообщаться с незнакомым человеком, не привлекая особенного внимания ни с его стороны, ни со стороны окружающих, а осуществить такой план можно лишь в общественном месте, где случайное знакомство не вызовет подозрений. Звонить в двери квартиры, рискуя нарваться на негостеприимный приём, она не собиралась, тем более что у незнакомца могла оказаться семья…

Нет, слава богу, она не ошиблась в своих предположениях: ещё раз укрупнив изображение, она увидела поясняющие надписи. Алый маркер располагался посреди длинного прямоугольника, рядом с которым мигала надпись: «Ночной клуб „Эверанс“, подуровень „С“, ресторанный зал».

Что ж… Это даже к лучшему.

Мари успокоилась. Затемнив стёкла «Акцепта», она потянулась к заднему сиденью, приподняла его, извлекая пакет с одеждой.

Спустя несколько минут неудобного переодевания, она взглянула на своё отражение в лобовом стекле машины.

Вечернее платье сидело на ней безукоризненно, длинные перчатки (до локтя) скрывали от посторонних глаз несколько серебристых пятен на коже… Мари перевела взгляд ниже. Чуть полноватые бёдра несколько портили её стройную фигуру, но если слегка ослабить пояс на талии, то неизбежная плата за скрытое ношение оружия переставала бросаться в глаза.

Мягкие накладки на внешней стороне бёдер скрывали два автоматических пистолета, полностью изготовленных из пластика. Патроны в десятизарядных обоймах также являлись полимерными, что снижало пробивную способность пули и дальность стрельбы, но зато оружие не мог обнаружить ни один стандартный детектор.

Закончив осмотр, Мари сняла затемнение стёкол и вывела машину с пустого паркинга, влившись в транспортный поток.

Алый маркер призывно мерцал на навигационном дисплее.

Глава 2

Мегаполис. Настоящее…

Ночной клуб «Эверанс» занимал первые два этажа недавно возведённого небоскрёба.

Площадка перед входом была забита машинами, и Мари пришлось долго искать место для парковки, учитывая, что она никогда не ставила свой «Акцепт» как попало, — в городе на этот счёт действовало железное правило: машина должна быть развёрнута так, чтобы в случае непредвиденных осложнений не плутать между другими автомобилями, а сразу, по прямой, выйти на ближайшую магистраль.

Наконец, она нашла подходящее место.

Минуту спустя, заглушив двигатель, она в последний раз взглянула на максимально укрупнённую схему ресторана, чтобы безошибочно определить местоположение столика, за которым сидит объект. Мари отключила сканер, спрятала его под сиденье и вышла под морось осеннего дождя.

На улице было тепло и влажно, призывно сияли рекламные огни у отдельного входа в казино и на площадку танцпола, вход в ресторан, расположенный левее, имел менее претенциозную световую иллюминацию, из чего Мари сделала предварительный вывод: место, несмотря на шумное соседство танцевальных залов и игорного заведения, должно быть тихим и малолюдным.

Любезно улыбнувшись двум бугаям у входа, которые откровенно прошлись по ней взглядами, словно раздевая ими донага, она поняла, что не ошиблась — за автоматически открывшимися дверями располагалось небольшое фойе, из зала ресторана лилась тихая музыка, которую не перекрывал ритмичный грохот танцпола.

Странное место для «охотника за головами», подумалось Мари.

Она достаточно хорошо знала данную категорию людей, чтобы удивиться такому выбору места уединения.

Похоже, он не законченный отморозок… — успела подумать Мари, пока её взгляд скользил по обстановке зала в поисках нужного столика.

Ага, вот он.

Незнакомец сидел спиной ко входу, что сразу же насторожило её. Настоящий профессионал никогда не сядет подобным образом, разве что поблизости от него есть зеркальная панель, где можно увидеть отражение

происходящего за спиной.

Мари задержалась у входа лишь на пару секунд, затем, обежав взглядом зал и как будто бы сделав выбор, направилась к избранному столику.

— Не возражаете, если я нарушу ваше одиночество? — Она подошла сбоку, томно, эффектно обернулась, и…

Кровь отлила от её лица, глухими толчками ударив в виски.

Нет… Этого НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!..

Мгновенный шок стремительно превращался в ступор, она впервые за последние годы отчаянно не находила выхода из внезапной ситуации. Сердце бешено молотило в груди, а она не могла отвести взгляд от знакомых черт лица…

За столиком сидел Ян.

Постаревший, очень усталый и уже изрядно выпивший.

Она не успела ничего предпринять — он поднял взгляд, и смертельная бледность пятнами проступила на лице капитана Ковальского, глаза, только что затуманенные алкоголем и невесёлыми мыслями, вдруг прояснились, словно хмель выдуло у него из головы от мгновенного *узнавания*.

— Мари?!.. — полушёпотом выдавил он, едва удержавшись от изумлённого восклицания.

Она села.

А что оставалось делать в данной ситуации, когда их глаза уже встретились, а к столику, заметив посетительницу, спешил официант.

— Молчи, Ян. Да, это я…

Мари развернула меню, старательно не обращая внимания на Ковальского, который стремительно трезвел, не отводя от неё взгляда. И в этом взгляде на смену изумлению пришла боль, такая очевидная и отчаянная, что Мари не смогла выдавить ни слова в ответ на вопросительный взгляд официанта, лишь молча указала ему на избранные наугад строки.

Первым затянувшуюся паузу нарушил Ян.

— Зачем ты пришла, Мари?.. — хрипло спросил он.

— Извини, не думала, что встречу тебя. Хотя могла бы догадаться… Кто ещё остановился бы на полпути…

Их взгляды медленно оттаивали. Первый шок от внезапной встречи уже начал проходить, и теперь оба вдруг поняли, что не знают, с чего начать разговор, да и о чём говорить вообще?

Судьба развела их по разные стороны баррикад и долгие годы держала на удалении, в милостивом неведении, хотя вряд ли среди окружающих

нашлись бы ещё два человека, которые были так близки и дороги друг другу.

Память. С ней ничего не поделаешь, она, как лесной пожар, тускнеет, гаснет, подёргивается пеплом, но тлеет внутри… и стоит только дунуть шаловливому ветерку, как яростное пламя воспоминаний вдруг вырывается из-под обугленной, сотни раз сгоревшей дотла земли…

Прошлое…

Стоял жаркий июньский полдень.

Мари шла по лесной тропе, круто забирающей вверх к вершине пологого холма, где хвойный лес уступал место кустарниковым зарослям.

На душе молодой выпускницы колониальной академии было в этот час спокойно и радостно. Жизнь казалась простой и ясной, она лежала на ладони, как пойманный на лету мягкий пушистый шарик ивового пуха…

Действительно, что может заботить двадцатилетнюю девушку, фактически окончившую биологический факультет престижного учебного заведения? Сейчас Мари находилась на преддипломной практике, занималась интересным, можно даже сказать — любимым делом, впереди её так же ожидали только приятные, радужные перспективы. Шагая по лесной тропе, она думала о ближайшем будущем, мечтая о том, как будет исследовать природу родного мира, совершать открытия, иногда к подобным мыслям примешивались иные, более личные чувства, когда прихотливое сознание вдруг перескакивало с перспектив профессиональных на более прозаические, но нужно сказать — такие же приятные, радужные мысли — в свои двадцать лет она уже дважды была серьёзно влюблена, и последнее увлечение казалась ей настоящим глубоким чувством…

…Где-то в кустах защебетала и тут же вспорхнула вспугнутая пичуга.

Птицы в окружающей город биологической зоне всё ещё являлись редкостью. Выращенные на специальных зоотехнических фермах, они, как правило, не боялись людей.

Мари остановилась. Она поднималась к вершине холма, чтобы проверить установленные накануне приборы. Сегодня ветер дул со стороны безжизненных вулканических равнин, и ей пришлось надеть плотно облегающий тело костюм химической защиты. Экипировка не стесняла движений и, вкупе с мягким, закрывающим голову и лицо шлемом, надёжно предохраняла от приносимых ветром ядовитых испарений, возможных форм вредного излучения (неизвестно, какие элементы выделялись из магматических масс) и других опасностей.

…Оглядевшись вокруг, девушка поняла, что, замечтавшись, свернула не на ту тропу. Местность вокруг показалась ей совершенно незнакомой: тут явно велись какие-то земляные работы, — преграждая путь, тянулась глубокая узкая траншея с отвалами свежевырытой земли по краям. Другая подобная выработка располагалась метрах в пяти от первой, и так до самого ската холма, словно в течение ночи кто-то тщательно перерыл весь гребень возвышенности.

Глядя на свежие отвалы почвы, вывороченные с корнем кусты, листва на которых уже начала увядать, Мари испытала удивление и досаду.

Она не успела толком ни рассердиться, ни понять, что же происходит на возвышенности посреди глухого лесного массива, когда раздался треск ломаемых ветвей, которым вторило низкое утробное урчание какой-то машины.

Мари инстинктивно попятилась, отступив под прикрытие нетронутой полосы кустарника. Ею овладела странная оторопь — не то чтобы она боялась или не сталкивалась ранее с автономными механизмами, но раздавшийся гул почему-то показался ей зловещим…

Несколько секунд спустя на прогалину, образовавшуюся в районе длинного шурфа, выполз приплюснутый, напоминавший черепаху механизм, который двигался в сопровождении двух незнакомцев, облачённых в странную, похожую на мешковатые робы одежду.

Мари едва не совершила роковую глупость, собираясь окликнуть их, потребовать немедленного объяснения — за какой надобностью они погубили столько растений?!

От необдуманного шага её удержало всё то же чувство необъяснимой тревоги, а мгновением позже, внимательно присмотревшись к людям, она с внутренним содроганием поняла: не люди это вовсе, а человекоподобные машины, по-иному — андроиды. До этого видеть их ей доводилось лишь в старинных видеозаписях, понять которые не мог ни один историк. Очевидным из кадров видеохроники было лишь одно, — человекоподобные машины, непонятно кем и с какой целью созданные, однажды уже натворили немало бед. Записи, сохранившиеся в архивах, являлись обрывочными, несистематизированными, по ним не удалось даже определить местность, где происходили давние события.

Девушку охватила бесконтрольная дрожь.

Она не знала, откуда, с какой целью пришли андроиды, но, вероятно, именно они за одну ночь разворотили вершину холма, проредив кустарник и проложив непонятные шурфы.

Пока она в ужасе и оцепенении рассматривала человекоподобные

механизмы, приплюснутый аппарат дополз до конца траншеи и начал разворачиваться, двигаясь к следующей зияющей в земле ране.

Андроиды, не обращая внимания на его действия, остановились в нескольких метрах от Мари.

Они были до дрожи похожи на людей, и в то же время сотни мелких деталей выдавали их нечеловеческую сущность.

Было невыносимо страшно смотреть на эти подобия, осознавая, что древние записи — это не фальсификация, не вымысел, а значит…

Один из андроидов резко повернул голову в её сторону, и тут же его руки пришли в движение: оказывается, за спиной человекоподобной машины было закреплено оружие, ремень которого перечёркивал синюю, кое-где испачканную землёй робу, скроенную в форме удобного, не стесняющего движений комбинезона.

— Стой на месте! — раздался чуть дребезжащий, лишённый каких-либо интонаций голос машины.

У Мари всё оборвалось внутри.

Ещё ни разу в жизни она не испытывала такого парализующего ужаса, когда невозможно шевельнуть ни рукой, ни ногой, а собственное тело кажется абсолютно чужим, одеревеневшим, неподвластным воле рассудка.

Спустя секунду бежать уже было поздно — андроид направил на неё какое-то автоматическое оружие, ясно обозначив свои далеко не мирные намерения.

Сознание девушки в эти роковые секунды билось, словно птица, попавшая в клетку, она одновременно ощущала и парализующий ужас, и страстное, граничащее с умопомрачением желание бежать.

Всё это, вместе взятое, выразилось лишь в одном действии — её взгляд впился в крупные буквы, проштампованные на ствольной коробке нацеленного ей в голову автомата: «Абакан-12. Произведено в России. Адаптирован для использования в условиях Марса».

— Где расположена ближайшая энергостанция? — ворвался в её мысли тот же, чуть дребезжащий на высоких нотах голос. — Отвечай.

Отвечай… — слово эхом метнулось в опустевшем рассудке, и мгновенно пришли иные ощущения тела, — ноги вдруг стали подкашиваться.

— *Отвечай, иначе я тебя убью?*

Такое просто не могло происходить. Для этого не было ни одной причины. Всё казалось дурной фальсификацией, тяжёлым сном.

Мари не понимала, что случилось с привычным миром, до неё не доходило, какую смертельную, отчаянную глупость она совершает, но, не

сказав ни слова в ответ на требование человекоподобной машины, она вдруг, неожиданно для себя, бросилась прочь, вниз по склону, не обращая внимания ни на что — ни на хлещущие по лицу и рукам ветки кустарника, ни на сухой щелчок взводимого электромагнитного затвора, и только оглушительный грохот короткой автоматной очереди, полыхнувшей ей вдогонку, заставил инстинктивно пригнуться на бегу…

Она тут же споткнулась, потеряла равновесие и кубарем покатилась по склону, рискуя сломать себе шею, но звуки за спиной заполняли собой всё сущее, в них тонули и страх, и рассудок: ещё одна очередь ударила вдогонку, пули с мягким стуком вонзались в перегной, с резким визгом подрубали ветки, одна из них просвистела буквально в паре сантиметров от головы, обдав висок горячим порывом воздуха, и Мари, не выдержав, закричала громко, в надрыв, не понимая, откуда у неё взялись силы, чтобы вскочить и снова бежать напролом, к спасительному ельнику, за которым начиналось сосновое редколесье…

* * *

Пять километров до ближайшего посёлка она пробежала, не помня себя от испытанного ужаса.

Её ноги подкосились у крайнего дома — упав, она продолжала кричать, не в силах остановить рвущиеся из пересохшего горла звуки.

Кто-то пытался ей помочь, отовсюду к окраине посёлка бежали люди, а она билась в руках подоспевших медиков, не в состоянии произнести что-то членораздельное, лишь её глаза, полные невысказанного ужаса, по-прежнему смотрели в сторону виднеющейся отсюда вершины холма, да правая рука в судорожном жесте вырывалась из сильных мужских пальцев, указывая в том же направлении.

Минутой позже она почувствовала, как что-то дважды укололо её в плечо, и мир вокруг начал стремительно терять краски.

Настоящее…

— Ничего не говори, Ян. Умоляю, ни слова…

К столику вновь приближался официант.

Пока он заново сервировал стол, они молчали, страшась выдать своё обоюдное смятение.

Уйти невозможно. Их взгляды уже встретились, первый всплеск памяти заставил расшириться зрачки, а опыт прожитого нашёптывал что-то про невероятный случай, смертельную опасность, но он был тих и невнятен по сравнению с ураганом мыслей и чувств, что вырвались на

волю из узилищ разума, обжигая их души…

— Я думал сегодня утром о тебе, Мари. — Голос Яна звучал тихо, но ей казалось: на фразу должны обернуться все посетители за ближайшими столиками.

Нет, всё спокойно. Только мелко, непривычно дрожат кончики пальцев под тонкой лайкрой перчаток.

— Ты знал, что я выжила?

— Нет. Если бы знал…

— То нашёл бы раньше?

Глаза Ковальского сузились.

— Мари, а ты знала, что я жив?

— Нет, Ян. Иначе не ломала бы голову над тем, кто оказался столь человечен.

— Ты издеваешься? Человечен… — Он горько усмехнулся краешком губ. — Ты ведь понимаешь, чем я занимался все эти годы?

Она ещё не притронулась к еде.

— Ян, среди нас нет святых, — тихо ответила она, положив вилку на стол и накрыв её ладонью. — Трудно предсказать, кем бы стала я…

— Ты не вернулась в город. — Ян поймал её взгляд и вдруг понял, что тонет в расширившихся зрачках Мари. Господи, это была она. Мир вокруг блек, терял краски, реальность закручивалась в спираль искажений.

Он как будто тонул в омуте и не хотел сопротивляться.

Мари медленно приходила в себя.

Она лежала у окна, на больничной койке, глаза всё ещё слипались, кружилась голова, но звуки, проникающие в помещение одноместной палаты, тревожили очнувшийся рассудок, не давая ему вновь погрузиться в спасительные объятия беспамятства.

За окном, лязгая гусеницами, медленно ползли две планетарные машины, вслед которым двигалось несколько десятков вооружённых людей в тёмной камуфлированной униформе.

Их вид внушал невольное уважение — Мари сразу поняла, что к злополучному холму выдвигается одно из элитных подразделений, поднятое в городе по тревоге.

Глядя на экипировку бойцов, чьих лиц не было видно за дымчатыми забралами сферических шлемов, Мари должна была бы успокоиться, но её вдруг охватил безотчётный страх, граничащий с чувством отчаяния.

Она провожала взглядом двигавшийся вдоль улицы посёлка отряд, а в носу предательски пощипывало, подбородок мелко подрагивал, будто всё

самое страшное ждало её впереди…

Не выдержав, она всё-таки разревелась.

Легче от этого не стало, лишь прибежала медсестра, но не с очередной порцией успокоительного, как ожидала Мари: вслед за женщиной в белом халате в палату вошёл боец из того отряда, что только что прошёл под окнами сельской больницы.

Сняв шлем-сферу, он присел на стул.

— Мари, это лейтенант Ян Ковальский. Он хочет поговорить с тобой.

Она повернула голову, почему-то стыдясь своего заплаканного вида.

Командиром спецподразделения оказался её ровесник, ну, может быть, года на два-три старше, в двадцатилетнем возрасте такие различия мало заметны. Его светлые волосы были коротко острижены, юное, загорелое лицо выглядело мужественным, по крайней мере, он сохранял спокойствие и собранность, не выдавая волнения, а в том, что оно было, Мари практически не сомневалась.

— Командование поручило мне разобраться в возникшей ситуации, — без каких-либо предисловий начал он разговор по существу. — Мне известно, что вы встретились с человекоподобными машинами, и те требовали от вас выдать определённую информацию, верно?

Подбородок Мари опять предательски дрогнул. Мгновенья ужаса засели глубоко в сознании как заноза, и она ничего не могла с этим поделать.

— Они хотели убить меня, лейтенант… — дрогнувшим голосом произнесла она.

— Успокойтесь, Мари. Ничего, что я называю вас по имени? Мы здесь для того, чтобы защитить посёлок. Всё будет хорошо, вот увидите. Расскажите, как выглядели они, чем были вооружены, что делали на вершине холма?

Мари кивнула.

— Сейчас. Извините.

Она отвернулась к окну, собираясь с духом. А затем начала рассказывать, сбивчиво излагая суть произошедших с нею событий.

* * *

Выйдя на крыльцо небольшой сельской больницы, обслуживавшей несколько близлежащих агропулов, Ян достал устройство связи, выданное ему перед заданием.

На вызов ответили сразу же. Связь шла через спутник.

— Лейтенант Ковальский вызывает координатора.

— Да, Ян, это Нагаев. Тебе удалось что-нибудь выяснить в посёлке?

— Немного, сэр. По словам девушки, она накануне оставила на вершине холма оборудование метеорологического контроля и шла снимать его показания. Вчера холм выглядел как обычная возвышенность, сегодня же она увидела множество шурфов и столкнулась с человекоподобными механизмами, которые были вооружены автоматическим оружием.

— Они напали на неё?

— Не знаю, как ответить… Андроиды потребовали от Мари Лерман информацию о местоположении ближайшей энергостанции. Девушка перепугалась и бросилась бежать, тогда сервомеханизмы открыли огонь на поражение.

— Она ранена?

— Нет, лишь сильно напугана. Думаю, ей просто повезло, — вряд ли робот мог сознательно промахнуться.

— Она сообщила какие-нибудь особенные подробности?

— Да. Помимо общего описания механизмов, которое, по моей оценке, совпадает с имеющимися в архивах записями, она успела прочесть надпись, отштампованную на детали автомата. Модель «Абакан», — при этих словах Ковальский покосился на свой автомат той же самой модификации.

— Так в чём странность, лейтенант?

— Там было продолжение надписи. Буквально: «Адаптировано для применения в условиях Марса». Могу я задать вопрос?

— Да, лейтенант, спрашивайте.

— Что такое Марс, сэр? Я никогда не слышал такого слова.

— К сожалению, я тоже, — ответил полковник Нагаев. — В общем, так, лейтенант, слушай боевую задачу. Одно отделение оставишь на охране посёлка. Пусть парни зароются в землю, сам лично распредели позиции, боевые машины расположи так, чтобы их огонь был максимально эффективен. После этого с оставшимися людьми начнёшь разведку возвышенности. На рожон не лезь, необходимо выяснить количество механизмов, и главное — цель их прибытия. В случае попытки продвижения с их стороны в глубь наших территорий обороняешь посёлок и блокируешь дорогу к энергостанции. Всё понятно?

— Так точно. — Ковальскому было немного обидно, что ему, как ребёнку, втолковывают прописные истины относительно элементарной диспозиции. — Всё будет исполнено. О результатах разведки доложу.

— Будь осторожен. Ты слышишь, Ян? ОСТОРОЖЕН.

— Я понял.

— Тогда до связи.

* * *

Пока в Управлении колониальной администрации шло секретное совещание, которым руководил всё тот же Нагаев, взвод Яна Ковальского, соблюдая все меры предосторожности, выдвигался в сторону возвышенности.

Лейтенант с большим трудом сохранял самообладание — участие в немногочисленных полицейских акциях не имело ничего общего с предстоящими действиями: ни у него, ни у бойцов группы на самом деле не было реального боевого опыта. Раньше Ковальский не задумывался над подобными вопросами вообще, войны, столкновения с вооружённым противником (тем более с механизмами) до сегодняшнего утра являлись лишь теорией, обязательной, но не до конца понятной дисциплиной, которую они изучали и сдавали квалификационной комиссии.

В учебниках по тактике ни строчки не говорилось о том, как глухо и неровно бьётся сердце в ожидании *неведомого*, как приходится вести постоянный мысленный диалог с самим собой, пытаясь предугадать, какой оборот примут события в ближайшие минуты…

…Они прошли сосновое редколесье и вступили под сень густого ельника, за которым начинался поросший кустарником склон.

Солнце уже постепенно клонилось к закату, тени удлинялись, хруст ветки при неосторожном шаге казался громче выстрела…

Взвод остановился на границе леса.

Нагаев отдал Ковальскому однозначные, чёткие указания, запретив пользоваться радиосвязью, — очевидно, он был лучше осведомлён о техническом оснащении человекоподобных машин, но не имел времени, чтобы подробно растолковать лейтенанту подробности. Среди прочих директив, полученных от полковника, Ян выделил для себя две, особенно странные, а значит — важные.

Вадим Дмитриевич настаивал на использовании снайперов в качестве главной ударной группы, предостерегая от попыток прямого штурма возвышенности всеми силами подразделения, — по его инструкциям, действовать следовало с предельно дальней дистанции, стараясь поразить сервомоторные узлы конечностей андроидов, чтобы те не могли воспользоваться оружием или бежать. Стрелять в грудь Нагаев рекомендовал только в крайнем случае, сообщив, что именно там находятся запоминающие устройства, информация с которых может полностью прояснить ситуацию.

В лесу уже ощущались сумерки, и Ян, переползая от бойца к бойцу, отдавал последние приказы, чувствуя, как тело охватывает дрожь непонятного, неведомого ранее возбуждения; во рту отчего-то появился солоноватый привкус, словно он нечаянно до крови прикусил губу.

Всё будет в порядке…

Он успокаивал сам себя, наблюдая, как фигуры снайперов, сгорбившись, исчезают в сгущающихся сумерках среди густого ельника.

Вершина холма, где, судя по монотонному, басовитому гулу, продолжались какие-то работы, ещё освещалась солнцем, что давало снайперам неоспоримое преимущество.

По лёгкому шелесту ветвей Ян понял — бойцы начали карабкаться на деревья: могучие ели служили хорошей маскировкой, а их высота позволяла снайперам занять господствующие позиции, откуда просматривался гребень возвышенности. Остальные бойцы распределились на границе ельника, блокируя склон, ведущий к посёлку.

Ковальский полез на дерево.

Стараясь не шуметь, Ян ловко карабкался по ветвям, пока те не стали ощутимо гнуться под его весом. Найдя прочную развилку, он решил, что поднялся достаточно высоко, и действительно, отодвинув в сторону несколько зелёных молодых побегов с клейкими, ещё не колючими иголками, он увидел картину, которую приблизительно представлял со слов Мари.

Кустарник на вершине холма оказался повален, выворочен с корнем, листва на нём пожухла, земля же была прорезана ровными, расположенными через равные промежутки узкими, но глубокими шурфами, словно по холму прошлись исполинской гребёнкой.

Данная симметрия нарушалась лишь в одном месте, где механические старатели, очевидно, обнаружили искомое: узкий разрез почвы там превращался в широкий раскоп, в отвесной стене которого тускло поблёскивали вкрапления металла.

Кто бы мог подумать, что под слоем земли обычный с виду холм (каких немало в окрестностях) скрывает какой-то механизм или, быть может, древнее сооружение.

Окинув быстрым, оценивающим взглядом панораму раскопок, Ян переключил внимание на андроидов.

Он насчитал десять человекоподобных машин. Из них вооружены были лишь пять, они стояли, будто изваяния, образовав редкое оцепление по периметру раскопа, остальные медленно двигались по нетронутым земляными работами участкам, вероятно, пытаясь определить при помощи

встроенных сканеров размеры и точное местоположение обнаруженной конструкции.

Чуть в стороне сгруппировались семь или восемь приземистых, действительно похожих на черепах землеройных машин.

Всё оказалось не настолько страшным и загадочным, как минуту назад рисовало воображение. Ян даже мысленно устыдился собственных страхов и сомнений.

Взглянув на часы, он понял, что снайперы уже успели занять позиции и разобрать цели. Пора начинать операцию…

Он приподнял пуленепробиваемое забрало шлема и тонко свистнул, подражая голосу одного из немногих пернатых обитателей леса.

Это являлось сигналом, и первые выстрелы сухо щёлкнули спустя доли секунды после условного свиста.

Пять снайперов работали без остановки, каждый по своей цели, — опуская забрало «сферы», Ян услышал, как пули звонко прошибают металл; застывшие в охранении дройды не успели отреагировать на внезапный огонь, — он отчётливо видел, что оружие валится из механических рук, и тут же, не давая им развернуться, снайперы ударили по коленным кожухам, за которыми скрывались сервоприводные узлы пришлых механизмов.

В эти мгновенья лейтенанту Ковальскому казалось, что операция разыграна, как по нотам, и близится к стремительному победному финалу… ощущение длилось несколько секунд, пока за противоположным склоном возвышенности отчётливо не взревел двигатель и над склоном холма не появилась зловещая тень громадной, совершенно незнакомой машины, которая проломилась сквозь редкий кустарник, выворачивая траками гусениц огромные комья земли; в её бортах открылись люки, и оттуда вдруг посыпались фигуры андроидов.

Их было несколько десятков, каждый экипирован и вооружён не хуже бойцов взвода Ковальского. Выскакивая из люков, они не останавливали начатое движение, а тут же, без промедления, ожидания команд или иных подготовительных действий открывали *безошибочный* ответный огонь по тем деревьям, где располагались позиции снайперов взвода.

Первый болезненный вскрик и характерный звук падающего, подламывающего ветви тела подействовал на Яна, словно внезапный удар в голову: сознание на миг помутилось, но шок исчез, растворился в невероятном всплеске нервного возбуждения, не прошло и секунды, как, выкрикнув команду, он вскинул «Абакан», дав две короткие прицельные очереди по перебегающим среди поваленного кустарника фигурам.

В ответ, высекая остро пахнущую древесную щепу, в ствол ели впились десятки пуль… и в этот миг от далёкого горизонта, где громоздились кучевые облака, закрывающие закатный диск светила, ударил, найдя прореху, одинокий багряный луч солнца, осветив холм и окрестности нереальным оранжевым светом.

Ян навсегда запомнил этот изливающийся из поднебесья свет, в котором тонули частые отрывистые вспышки выстрелов.

Таким в его памяти запечатлелось начало жестокой неравной схватки.

* * *

Пули с глухим стуком впивались в кору дерева.

Ян слышал крики, автоматные очереди вспарывали сумрак ельника, на злополучном склоне холма горел человекоподобный механизм: горел молча, продолжая посылать во тьму короткие отрывистые очереди.

Ноги Ковальского наконец коснулись земли. Он отбежал на несколько шагов в сторону от демаскированной позиции, по которой продолжали бить из стрелкового оружия, и включил коммуникатор шлема.

Дальнейшее соблюдение радиотишины являлось глупой бессмыслицей.

Полковник Нагаев резко обернулся, заметив, как вспыхнул на тактическом терминале индикатор экстренного вызова: так автоматика отреагировала на всплеск активности в эфире, транслируя в реальном времени все перехваченные радиосообщения.

Участники совещания, стоически ожидавшие развития событий, вдруг услышали чёткий голос боя — канал телеметрии вбирал в себя всё, начиная от участившегося дыхания бойцов, звонких автоматных очередей, глухих взрывов, треска занявшегося на холме пожара, до отчаянных предсмертных вскриков и резких, перекрывающих иные шумы, команд взводного:

— Первое отделение, отойти на двухсотметровый рубеж, занять позиции для прикрытия!.. Ловацкий, обеспечить спуск снайперов, третье отделение, за мной! — Ковальский всё ещё отдавал приказы, как по учебнику, словно листал электронные страницы тактических наставлений, даже сленг пока отсутствовал в его командах, — Ян выговаривал фразы целиком, и оттого они казались штампованными, игрушечными…

Жуткий предсмертный хрип, перешедший в короткое бульканье, стал иллюстрацией к его словам, и тут вдруг разом включилось несколько экранов — это, наконец, начал поступать видеоряд с камер, установленных на шлемах бойцов.

Сидевший в центральном кресле Нагаев вдруг странно дёрнулся, будто шальная пуля, преодолев немыслимое расстояние, ударила его в голову.

Рядом с ним возвышался странного вида терминал, где в такт поступающим данным нервно и часто взмаргивал индикатор…

События развивались стремительно.

Рваная тьма на экранах телеметрии озарялась короткими злыми хоботками очередей, тлела отсветами пожара, слепла от рвущих ельник гранатных разрывов.

Нагаев резко схватил тонкую дугу коммуникатора:

— Ковальский! Ян, ты меня слышишь?

Ему отвечал бой.

— Ян! — В голосе полковника вдруг прорвались визгливые нотки.

Да. Они носили форму и знаки различия, но никто, от рядового до командира, не знал войны, не понимал её сути…

Сегодня, сейчас, сию секунду они получали первый опыт… далёкая, *чужая* смерть воспринималась как своя, внутренности сжимались, холод драл по спине ледяным ознобом…

Нагаев обернулся. Его взгляд, казалось, сейчас прожжёт насквозь начальника штаба, который сидел в своём кресле со спокойным выражением деловой заинтересованности на лице.

Словно в одну минуту они стали разными… настолько разными, что не могли понять друг друга.

— Встать! Все резервы к посёлку! Держать связь включённой! — И снова, словно отчаянный призыв, на который жизненно важно получить ответ, губы полковника выдохнули в коммуникатор:

— Ян!

Он сам не понимал, что творится в его груди в эти бесконечные, полные чужих впечатлений и эмоций мгновенья.

Ковальский слышал далёкий голос, прорывающийся сквозь треск помех несущей частоты, но у него не было возможности ответить — андроиды шли в атаку, рядом погибал его взвод, так был ли смысл в далёких призывах, что выплёскивал коммуникатор в помутившийся рассудок?

Тьма играла против людей, андроидам она, по всей вероятности, не мешала, но бойцы поредевшего взвода — те, кто попытался задействовать системы тепловидения, — тут же с досадой отключали их: засветка от пожара, охватившего склон холма, не давала работать термальной оптике, и

им оставалось уповать на собственное зрение, ориентируясь на вспышки выстрелов, хруст веток или мгновенные отсветы разрывов, высвечивающие из мрака сиюсекундную диспозицию атакующих механизмов…

Добежав до границы ельника, где мятущееся зарево бушующего огня смешивалось с вязкой тьмой, царящей за густыми разлапистыми ветвями могучих деревьев, Ян припал на одно колено, «Абакан» вонзился прикладом в податливый ковёр мха и хвои, он отклонил ствол оружия, забыв в эти секунды обо всём, сосредоточенно, будто на учениях, выцеливая ползущую по горящему склону тяжёлую машину, поливающую ельник шквалом разрывных снарядов из двух автоматических пушек.

«Нет, не пойдёт… Не пробить броню. Только погибну зазря…» — мысли мелькали в голове с неуловимой скоростью, а пальцы уже меняли заряд в подствольнике с осколочного на кумулятивный, он рывком поднял автомат, прижал приклад к плечу, чтобы выстрел пошёл не по миномётной траектории, а прямой наводкой — расстояние до цели не превышало ста метров, для реактивной гранаты меньше секунды полёта…

Он плавно потянул спусковую скобу вторичной системы вооружения, и подствольник разрядился с приглушённым хлопком, заряд рванулся фактически по прямой, попав встык между скруглённым выступом правой орудийной башни и наклонным листом лобовой брони.

Кровь глухо прилила к голове, Ян никогда не испытывал подобного чувства, — словно безумец, не обращая внимания на цвиркающие вокруг пули, он приподнялся, вытягивая шею, мысленно моля лишь об одном — только не рикошет, но угол между двумя поверхностями не дал гранате уйти на излёт, струя раскалённого газа, вырвавшаяся из боевой части, прожгла в броне микроскопическое отверстие, диаметром не более двух миллиметров, но последствия оказались ужасающими — температура внутри машины тут же подскочила до тысячи градусов, и в темнеющие небеса, вырывая люки, изнутри бронированного монстра вдруг с оглушительным грохотом рванули снопы пламени.

От взрыва покачнулась земля, даже андроиды не устояли на ногах, в отличие от людей, их валило, словно кукол, заставляя катиться по склону, вокруг падали раскалённые обломки бронемашины, тут же поджигая траву, кусты, нижние ветви разлапистых елей…

— Все отходим! Назад! Третье отделение, Бешкеев, прикрывайте!

Ян, которого тоже сбило с ног и отшвырнуло в сторону взрывной волной, порывисто вскочил, тут же едва не заорав от боли.

Стиснув зубы, он одной рукой перехватил «Абакан», прижав левую ладонь к бедру, где толчками пульсировала боль.

Между пальцами струилась горячая липкая кровь.

Царапина. Наверное, царапина… — Он попытался шагнуть и понял, что может идти, осколок действительно прошёл вскользь, лишь разрезав кожу.

— Ребята, отходим… Все…

Он не бежал, а шёл, припадая на раненую ногу, постоянно оглядываясь, в надежде увидеть кого-то из своих, но между озарёнными пожаром елями мелькали лишь фигуры андроидов, и тогда Ян стрелял с одной руки, почти не попадая, но заставляя ненавистные силуэты падать на землю, вжиматься в неё, выискивая цель…

Казалось, этот кошмар никогда не закончится. Боли не было, но ощущение крови, по-прежнему сочащейся сквозь пальцы, вызывало приступы тошноты, голова кружилась не то от контузии, полученной в момент взрыва, не то от кровопотери, мир перед глазами постепенно терял чёткость, реальность принимала зыбкие формы, пока его не подхватили чьи-то руки и голос Асмана Бешкеева не начал сыпать возбуждёнными фразами:

— Командир, из города передали — подкрепления идут! Мы держим их на границе ельника.

— Кто?.. — прохрипел Ян. — Кто ещё выжил?..

Скороговорка сержанта вдруг оборвалась. Казалось, даже звуки вспыхнувшего с новой силой боя утихли.

— Никто, командир… Только ты…

Ян рванулся из поддерживающих его объятий и тут же, не устояв, упал на землю, лицом в сладковатый запах мха, который впитывал выступившие на глазах Ковальского слёзы, глушил звериный, нечеловеческий хрип, рвущийся из горла командира, потерявшего почти всех своих ребят…

* * *

Камера на шлеме Ковальского продолжала работать, фиксируя всё происходящее вокруг.

Незамысловатому устройству было абсолютно всё равно, какую невыносимую моральную муку испытывает сейчас человек, как ломается его душа, рушится мировоззрение под неистовым напором неведомых ранее событий и чувств.

Он умирал и… возрождался вновь, но уже другим, будто вместе со слезами, которые невольно текли по щекам, из его души навсегда уходило что-то важное, что-то, без чего можно жить, но уже нет возможности

радоваться этой жизни.

…Рядом звонко ударила автоматная очередь, в мох беззвучно обрушился курящийся дымком водопад стреляных гильз, они тонули в зелёном ковре, изредка пружиня от него, неестественно медленно подскакивая вверх…

Ритмичный звук и вид горячих, падающих сверху гильз вывел Яна из горестного оцепенения.

Он приподнялся на локтях, одной рукой нашаривая автомат. Бешкеев продолжал стрелять, припав на одно колено, пока его «Абакан» не плюнул во тьму двумя трассерами, что означало — магазин пуст, остался лишь патрон в стволе.

— Отходи, Асман, я прикрою!.. Уходи к первому отделению! К бронемашинам!.. Держите посёлок любой ценой!..

Среди сумрака, подсвеченная заревом пожарища, мелькнула фигура андроида, и Ян резанул по ней длинной очередью. Пули попали в голову человекоподобной машины, дройд пошатнулся, начал валиться на бок, но, уронив автомат, умудрился ухватиться за нижнюю ветвь дерева и застыл в нелепой позе, рывками поворачивая голову, в которой зияли три небольших пулевых отверстия и виднелись две рваные пробоины в районе затылка, где пули, навылет прошив черепную коробку, вырвали изрядные фрагменты металлопластика.

Не жизнь… Это не жизнь… — горячие мысли жгли рассудок, Ян чувствовал, как истерический смех подкатывает к горлу при виде раскачивающегося из стороны в сторону вцепившегося в ветку сервомеханизма.

Он не видел, что одна из пуль пробила грудной кожух андроида и оттуда медленно вытекает непонятная, вязкая серебристая субстанция, тягучими каплями срываясь на кору дерева и траву, пробившуюся сквозь мох, и на мягкую подстилку из опавшей хвои…

Ту же картину демонстрировали два работающих экрана в зале совещаний Управления колониальной администрации.

Нагаев наблюдал за боем в основном с камеры Ковальского, поскольку остальные каналы связи гасли один за другим…

Когда отключился и этот последний канал телеметрии, Нагаев принял решение:

— Необходима срочная эвакуация всех поселений, начиная от зоны вторжения до окрестностей энергостанции. — Он отдавал распоряжения своим заместителям, демонстрируя непонятную смесь нервозности и

выдержки. — Отделению, оставленному Ковальским для прикрытия посёлка, — отступать. Мы должны затянуть их в глубь нашей территории — это даст время основным силам выдвинуться из города, занять выгодные позиции и уничтожить противника.

Лес невнятно шумел кронами деревьев. Ночь давно превратилась в сумеречный танец теней — блики от охватившего весь холм и часть ельника пожара играли зловещими отсветами на неподвижно застывших средь соснового редколесья телах, ложились кровавыми пятнами на треснувшие забрала боевых шлемов, стыли алыми искрами на изгибах пустых магазинов и россыпях стреляных гильз.

Ковальский, которому очередная пуля пробила плечо, на минуту пришёл в сознание, чувствуя, как непомерный груз давит на спину.

С трудом приподнявшись, он увидел, как мягко и безвольно перевернулось тело сержанта Бешкеева.

На нём не было крови, только аккуратная дырочка в центре бронированного забрала немо свидетельствовала, что Асман мёртв.

Яростные, трескучие, раскатистые звуки боя доносились уже с окраины посёлка.

Осмотревшись, Ян понял, что пролежал без сознания несколько часов, — небо у горизонта уже посерело, предвещая близкий рассвет.

Раны пылали болью, но кровь в них запеклась и уже не стекала на порыжевший мох.

Он сел, мучительно застонав.

Вспоров шов на разгрузке, Ковальский достал индивидуальную аптечку, сделал себе две инъекции и на минуту обессиленно затих.

Мысли кружили в голове, словно пожелтевшие, высохшие осенние листья.

Они погибли. Все. Все до одного. Ян не мог видеть своих ребят, не в его силах было сосчитать тела, но что-то внутри подсказывало — ты остался один, лейтенант. Один навсегда, невзирая на то, сколько людей будет находиться рядом с тобой через минуту, час, сутки…

Не клеймо, не самобичевание, не горький упрёк — он сделал всё, что в человеческих силах, просто ему не повезло… выпало остаться в живых.

Ян ошибался, думая о том, что более никогда не встретит людей, которые смогут стать ему столь же близки, как погибшие ребята из взвода. Ребята, которых он не смог сберечь.

Чёрная вязкая ненависть постепенно закипала в душе, и было непонятно, что сильнее действует на организм, — противошоковый и

стимулирующий препараты или это народившееся чувство пустоты, среди которой нашёл себе место лишь один позыв: убивать проклятых андроидов. Убивать, пока не кончатся силы, пока последняя капля крови не сорвётся из потревоженных ран.

Всё, что было прежде, скорчилось, почернело, потеряло статус памяти, вакуум сознания заполнил БОЙ, как новая точка отсчёта, не жизни, но ненависти и горя.

* * *

Проснувшись, Мари почувствовала себя гораздо лучше.

Да, собственно, была ли она больна? Думать, что мнимая хворь рождена страхом, неприятно, но ведь действительной причиной её пребывания в больничной палате являлся именно испуг.

Нет, я здорова. — С такой мыслью она решительно откинула казённую простынь, ступив босыми ногами на холодный пол.

Немного кружилась голова, от первых движений начало подташнивать, но дискомфортные ощущения быстро прошли — её внимание отвлекли звуки, доносящиеся с улицы.

Мари насторожилась, тут же забыв о лёгком недомогании.

Толстое двойное стекло в пластиковой раме мелко вибрировало, передавая в помещение приглушённый аритмичный рокот. До сих пор ей не приходилось слышать ничего подобного, — если на улице работал некий механизм, то почему в его раскатистом урчании так много сплетающихся, не составляющих привычного ритма перестуков, то коротких, то длинных, перемежающихся с непонятными тугими ударами, от которых ощутимо вздрагивали стены и пол?

Страх вернулся, будто всё время сидел, затаившись в уголке сознания, чтобы, дождавшись удобного момента, выскочить, укусить, впиться своими холодными пальцами в неровно забившееся сердце, пробежать ледяными мурашками по коже, заставив в растерянности оглянуться вокруг.

Почему я одна? Куда все подевались? — Мысль уже отдавала паникой, но Мари, на удивление, справилась с собой, мысленным окриком заставив умолкнуть распоясавшееся воображение.

Одежда. Нужно найти свою одежду.

Слава богу, всё нашлось во встроенном шкафу — выстиранное, выглаженное, пахнущее чем-то больничным, но Мари не обратила внимания на запахи: тревожные звуки и ощущение одиночества подстёгивали её, изгнав остатки недомогания, она уже полностью пришла в себя после многочасового пребывания под воздействием успокоительных и

снотворных препаратов.

Одевшись, она оглянулась — вернулся прежний страх, боязно было выходить в пустой коридор, но надежда связаться с кем-то из персонала больницы тут же погасла — компьютерный терминал, установленный в изголовье кровати, не работал, что само по себе являлось тревожным признаком.

Выглянув через окно, она не увидела на улице агротехнической фермы и прилегающего к ней посёлка ни одного человека. Лишь сельскохозяйственные механизмы застыли посреди улицы, будто их бросили второпях, на полпути между ангарами и полями.

Ничего не понимая, Мари обернулась, и в этот миг в коридоре раздались отчётливые шаги, зашипела пневматикой автоматически открывшаяся дверь, и она, не успев толком напугаться, вдруг увидела незнакомого парня в грязной, изодранной, испятнанной заскорузлой, спёкшейся кровью форме.

Треснувшее, поцарапанное забрало его боевого шлема было поднято, взгляд мутно блуждал, не в состоянии остановиться на каком-то конкретном предмете — он сделал несколько шагов, сильно припадая на правую ногу, и вдруг боком повалился на кровать, издав глухой непроизвольный стон.

В эту секунду Мари, опешившая от неожиданности, вдруг узнала его, несмотря на все чудовищные перемены в облике молодого лейтенанта, — это он беседовал с нею накануне, выясняя подробности её встречи с андроидами.

Боже, что же делать?

Ян (так вроде бы звали офицера) потерял сознание, отдав последние силы нескольким шагам, отделявшим его от больничной койки, которая, по наивному предубеждению, являлась для рассудка неким символом победы над смертью.

Мари вдруг отчётливо поняла — посёлок пуст, больница тоже, люди бежали отсюда, побросав технику и *забыв* о ней, и раненому лейтенанту вовсе не на кого рассчитывать, разве что на… неё?

Я биолог, а не медик, — шарахнулась в голове одинокая мысль, но она уже сделала шаг, опустилась на колени подле бесчувственного тела, коснулась пальцами магнитных застёжек на экипировке, ощутила вес разгрузки, которая вдруг начала оползать вниз…

Страх внезапно исчез. Осталась дрожь в кончиках пальцев, сосущее чувство одиночества, но действия Мари приобрели осмысленность, она больше не содрогалась, не думала о себе, всё её внимание поглотила забота

о едва знакомом молодом парне, который попал в беду.

Сняв разгрузку, Мари расстегнула бронежилет, сняла с головы Яна боевой шлем, с облегчением убедившись, что на голове и груди нет ран.

«С остальным я справлюсь. Должна справиться». — Мысленный голос помогал пальцам двигаться проворнее, а взгляду не холодеть при виде запёкшейся крови.

Ян застонал, его потрескавшиеся, пересохшие губы вытолкнули хриплую команду — он бредил, призывая бойцов своего взвода, и душа Мари, сжавшаяся в комочек, поняла — в этот миг он разговаривал с мёртвыми.

Многие понятия не находили места в её разуме, они врывались в него, ломая сложившиеся жизненные стереотипы… и застревали среди обломков былого бытия, подразумевая, что теперь всё будет иначе, жизнь станет другой, но вот какой — оставалось совершенно неясно.

* * *

За четверть часа она успела прожить целую субъективную вечность, вспомнить всё, чему учили на уроках гражданской обороны и начальной военной подготовки, востребовать и приспособить собственные знания биологии к конкретной ситуации, несколько раз сбегать в разные помещения опустевшей сельской больницы за необходимыми препаратами и перевязочными средствами.

Наконец, очистив раны от запёкшей крови, удалив грязь и копоть, она туго перебинтовала бедро и плечо Яна, сделала ему необходимые инъекции и вдруг поняла: всё… далее судьба лейтенанта зависит от возможностей его собственного организма.

Стоило ей закончить перевязку и присесть на край койки, как рассудок вновь начал погружаться в омут страшных догадок о сути происходящего вокруг, но она не поддалась панике, как полчаса назад. Мари ещё не понимала, насколько сильно изменили её прошедшие тридцать минут.

Ян вдруг пошевелился и, скрипнув зубами, открыл глаза.

Перед взглядом плыли белые стены.

Цветок на окне, чисто вымытое стекло, через которое брызжут лучи полуденного солнца, отдалённый рокот беспорядочного автоматического огня, редкие толчки разрывов, ощущаемые, как мягкие, едва заметные колебания пола и стен…

Более всего его поразил солнечный свет. Редкий случай, когда светило находило разрыв в плотном пологе облачности, чтобы приласкать землю своими лучами, подобные явления всегда вызывали чувство радости,

восторга, но сейчас всё казалось иным, зловещим, неуместным…

В сознании всё ещё цвела горячечными красками безумная ночь, ему казалось, что в мире больше никогда не будет солнца, и сейчас, глядя, как тёплые, ласковые лучи, прорываясь сквозь тканый узор в шторах, рассыпаются по полу солнечными зайчиками, он вдруг подумал: мир неизменен. Со мной или без меня будет вставать солнце, приходить ночь, сменяться времена года…

Со мной или без меня.

Миру всё равно, жив я или уже умер?

Ян отвернулся, чтобы не смотреть на золотистые солнечные лучи, и только тут заметил Мари.

Он с трудом узнал девушку, с которой беседовал перед выдвижением взвода к холму, — прошло менее суток, а она похудела, осунулась, черты лица заострились, и в глазах появилось совсем иное выражение — в них не осталось и следа того кричащего, эгоистичного, затравленного ужаса, который он видел, разговаривая с ней. Теперь она смотрела на него с тревогой, но во взгляде появился совершенно иной оттенок — она тревожилась не за себя.

Ян с трудом попытался привстать, чувствуя, как на месте заскорузлых ран туго натянулись свежие повязки, а она молча стала помогать ему, так, словно они были знакомы всю жизнь, с самого детства.

Лейтенант ослабел от потери крови, но всё же сумел с помощью Мари утвердиться на ногах.

Обведя взглядом помещение, он с трудом узнал больничную палату и понял, что пришёл сюда в полубессознательном состоянии.

— Где все? — хрипло, не узнавая своего голоса, спросил он, продолжая невольно прислушиваться к звукам далёкого, то затухающего, то разгорающегося с новой силой боя.

— Не знаю, — пожала плечами Мари. — Когда я очнулась, уже никого не было.

— Тебя бросили?

— Я спала. Ничего не видела и не помню. — Мари отвела взгляд, давая понять, что не желает обсуждать данную тему. Мысль о том, что её могли *бросить*, не находила места среди знакомых привычных понятий.

Они оба ещё многого не знали. Их жизненный опыт открывал новые грани реальности, но сформированное сознание на первых порах отказывалось принимать большинство откровений.

Казалось бы, они уже вкусили свою долю ужаса, каждый по-своему прошёл через определённые испытания, и теперь в наступившем вокруг

хаосе им следовало позаботиться прежде всего о себе…

— Давно я пришёл?

— Примерно час назад. Сядь, у тебя ранение в ногу.

— Пустяк… — Он попробовал улыбнуться своей спасительнице, но губы лишь болезненно искривились. — Поцарапало осколком… — Он всё же сел, здоровой рукой дотянувшись до бронежилета и разгрузки. Ян хотел надеть экипировку, но вдруг передумал.

Посмотрев на Мари, он что-то сделал с магнитными липучками бронежилета, с которого она успела соскоблить кровь, и протянул ей шуршащий металлокевлар.

— Он не тяжёлый. Надень.

Она удивлённо посмотрела на Ковальского.

— Зачем? — тихо спросила Мари.

— Так будет лучше. Безопаснее. Нам с тобой нужно уходить отсюда.

— Почему уходить? — Она всё же взяла бронежилет, позволив Яну окончательно подогнать его по фигуре.

— Слышишь бой? Километрах в пяти отсюда?

— Слышу… — До Мари, наконец, дошёл истинный смысл тех звуков, что тревожили разум с момента пробуждения.

— Они рвутся к энергостанции.

— Кто?

— Машины. — Ян будто сплюнул это слово. — Сервомеханизмы. — Он вновь попытался встать, опираясь на приклад «Абакана», но Мари остановила его мягким, настойчивым движением.

— Подожди… Ян. — Она впервые назвала его по имени. — Что случилось там, на холме?

Она имела право знать, и он рассказал ей всё без утайки, не умаляя и не приукрашивая событий, так, как те врезались в память, потом покосился на разбитый пулей коммуникатор и добавил:

— Теперь у меня нет ничего. Ни взвода, ни связи. Есть только ты… — внезапно произнёс он.

Щёки Мари вспыхнули пунцовыми пятнами.

— Ты спасла меня. Я бы истёк кровью и умер.

Она подняла взгляд.

— Мы должны идти туда? — Мари имела в виду отдалённые звуки боя.

— Ты вольна выбирать.

Она вдруг почувствовала, что дрожит.

— Ты отдал мне бронежилет. Значит, уже решил всё за меня?

Ян не нашёлся, что ответить, лишь его глаза смотрели на Мари в немом удивлении, будто он увидел её впервые, и девушка потупилась, тихо прошептав:

— Извини…

Всё рушилось в непонятную пропасть, стремительно отдалялось, превращаясь в невозвратимое прошлое, и её возмущение, ещё уместное сутки назад, теряло свой смысл под взглядом безмерно усталых, покрасневших глаз с лопнувшими от контузии капиллярами.

— Ты хоть можешь объяснить мне, кто они, что им нужно?

Ян поморщился.

Звуки боя тревожили его, тянули, как магнит, и душа вдруг испытала неведомую двойственность — с одной стороны, долг солдата, накрепко воспитанный в сознании, смешиваясь с болью утрат и ненавистью к механическим отродьям, звал его туда, а с другой — образ спасшей его девушки не позволял просто развернуться и уйти…

— Мари, я знаю не больше твоего, — резко ответил Ян, с трудом обуздывая неодолимый порыв. — Они пришли и начали убивать. Ты первая столкнулась с этим. Для меня нет разумного объяснения их действиям. Так же, как и для тебя, верно?

Она вынужденно кивнула.

— Ты не должна оставаться одна. Я лишь хочу защитить тебя, понимаешь?

Мари снова кивнула. Вес бронежилета, плотно подогнанного по фигуре, почему-то менял образ мыслей, и она вдруг спросила:

— У тебя есть ещё оружие?

— Для тебя?

— Да.

— Нет, но мы попробуем найти.

— В участке?

Ян кивнул. Судя по брошенной технике, виднеющейся за окном, люди бежали в панике, бросая всё, — видно, на улице посёлка появились андроиды, прорвавшие заслон его взвода. Скорее всего, не встретив сопротивления, сервомеханизмы направились дальше, в сторону энергостанции.

Мари хотела что-то сказать, но, перехватив напряжённый взгляд Яна, осеклась.

Похоже, лейтенант практически ничего не воспринимал, кроме отзвуков далёкого боя…

Господи, как хотелось ей убежать от страшной беды, спрятаться, скрыться… но его глаза, их усталый, полубезумный взгляд… он уже не отпускал душу, тянул за собой в страшное и неведомое.

Ты же всегда была храброй девочкой…

Ну да. Одно дело отшить какого-нибудь хама на дискотеке, другое — пойти за потерявшим свой взвод, обезумевшим от горя лейтенантом.

Сложно описать, что переживала в эти минуты Мари. Она боялась вновь остаться одна и в то же время не знала, куда ей идти, что делать.

Наверное, только сейчас до неё стало по-настоящему доходить: прежний мир исчез, рухнул в одночасье…

Единственной реальностью для неё оставалась эта больничная палата и неестественно выпрямившийся у окна молодой лейтенант с постаревшими от горя глазами.

Он… Он непременно пойдёт туда… Мари со смятением прислушивалась к отзвукам боя. Ей было страшно, но, подумав об одиночестве, она испугалась ещё больше.

— Ян… — Она осторожно коснулась его плеча. — Давай что-нибудь делать. — Она произнесла эту фразу шёпотом, с таким чувством, будто прыгала с огромной высоты. — Я пойду с тобой…

Глава 3

Прошлое

Опустевшие улицы посёлка выглядели удручающе. Здесь не происходило боевых действий, и Ковальский, сердце которого сжималось в дурном предчувствии, немного приободрился, в его глазах даже промелькнула искорка надежды, когда взгляд не нашёл сгоревших остовов бронемашин… но сам вид брошенной сельскохозяйственной техники, свет, продолжающий гореть в некоторых окнах, распахнутые настежь двери, следы протектора на бетонном покрытии дорожного полотна, где чья-то машина с пробуксовкой рванулась с места, — все эти признаки поспешного бегства десятков людей выглядели удручающе, если не сказать — зловеще.

Доносившиеся издалека автоматные очереди практически стихли.

Мари видела, что Ян то и дело поглядывает в ту сторону.

— Это плохо? — спросила она, когда Ковальский остановился, вслушиваясь в *тишину*.

— Не знаю, — хмуро ответил он. — Либо атака отбита, либо… — Он не стал договаривать, а шагнул в распахнутую дверь стоявшего особняком строения.

Мари последовала за лейтенантом.

Внутри одноэтажного здания также горел свет. Из небольшого вестибюля вели три двери — одна в казарменное помещение, другая в подсобки, а третья, выполненная из металла, в оружейную комнату.

Ковальский посмотрел на приоткрытую бронированную створку массивной преграды и лишь молча покачал головой.

Только сейчас в его сознании сформировался более или менее чёткий вопрос: зачем в каждом из поселений, где проживали сотрудники агротехнических ферм, обязательно располагалось небольшое (пять-шесть человек) военизированное формирование?

А если мысленно копнуть глубже? Не считая мелких правонарушений, жизнь в городе и его окрестностях носила мирный характер — так было на протяжении десятилетий. И всё же в Управлении колониальной администрации считали, что городу необходимо обучать и содержать не просто силы правопорядка, а воинские формирования?

Зачем?

Теперь становилось ясно — информация о существовании человекоподобных машин и их враждебности людям не воспринималась

как миф. В существование Искусственных Интеллектов и возможность агрессии с их стороны не просто верили — к ней готовились загодя…

Почему же нас не предупредили, толком не проинструктировали, а бросили в бой, будто никто не знал, *с чем нам придётся столкнуться?*

Горькие, безответные мысли.

У нас ведь есть оружие, способное смести их на дальних подступах к окраинным населённым пунктам. Почему им не воспользовались? Кому была нужна гибель его ребят?..

Ян вздрогнул, поймав себя на том, что стоит, будто окаменев, у приоткрытой бронированной двери.

Стряхнув оцепенение внезапно нахлынувших мыслей, он не стал трогать пульт управления доступом, а просто боком протиснулся в достаточно широкую щель.

— Не заходи. Может сработать блокировка. Кто-то должен оставаться снаружи. Я буду подавать тебе всё необходимое, — раздался изнутри его приглушённый голос.

— Это похоже на большой сейф, да? — оглядываясь по сторонам, спросила Мари.

Вместо ответа в полуоткрытом проёме показалась рука Яна. Он протягивал ей автомат.

Она взяла оружие, с удивлением почувствовав его вес, ощутив тупой ноющий холодок, исходящий от металлопластиковых деталей, затем оглянулась и положила «Абакан» на широкий подоконник.

Вслед за автоматом последовали бронежилет, два боевых шлема и несколько тяжёлых подсумков с боеприпасами.

Через минуту из оружейной комнаты появился сам Ян. Он нёс в руках «разгрузку» и странное оружие с большим барабаном и коротким стволом пугающего калибра, через плечо Яна была небрежно переброшена снаряжённая лента с цилиндрическими гранатами.

Со стороны энергостанции внезапно раздалось несколько одиночных выстрелов, затем ухнул приглушённый расстоянием взрыв, и вновь всё стихло.

Ян никак не прокомментировал эти звуки, но его лицо ещё больше помрачнело, осунулось.

— Мы пойдём туда? — не сумев скрыть дрожь в голосе, спросила Мари, пытаясь освоиться с непривычным весом экипировки, которую лейтенант помог ей надеть поверх бронежилета.

— Нужно проверить энергостанцию. Бой шёл где-то на подступах к ней.

— Но нас только двое.

— Мари, нам нужно держаться вместе, — повторил он. — Я не могу просто отвести тебя в город. У меня есть долг. А одна ты туда не доберёшься.

— Почему?

— Думаю, вокруг достаточно враждебных сервомеханизмов.

— Ты преувеличиваешь. — Мари вдруг заупрямилась, ей был непонятен мрачный скепсис Ковальского. — Ян, в городе много солдат. Они непременно…

— Я знаю, сколько подразделений базируется в городе, — прервал её лейтенант. — Они должны были подойти сюда ещё ночью, но, как видишь, никого нет, посёлок брошен, все жители бежали. Для меня это означает только одно — машины продвинулись гораздо дальше, чем кажется тебе. Они подле энергостанции, и дела там плохи.

— Почему — плохи?

— Предчувствие. — Ян защёлкнул крепления её боевого шлема и спросил:

— Знаешь, как им пользоваться?

— Кое-что помню… Со школы.

— Хорошо. Проверим связь — и вперёд.

Она кивнула, испытывая непривычные ощущения. Боевой шлем будто отгородил её от остального мира, опустив забрало, она теперь видела окружающее в резких сероватых тонах, внешние звуки тут же исчезли, и только устройство коммуникатора чётко произнесло голосом Яна:

— Проверка связи. Ты как?

— Нормально. Как будто оглохла.

— Включи внешние микрофоны. Это крайний сенсор на ободе забрала. Активируется касанием языка.

— Всё, теперь нормально.

— Экипировка нигде не мешает?

— Нет. Только вес непривычный.

— Ты когда-нибудь стреляла?

— Конечно. В школе. — Она демонстративно коснулась сенсора в углублении приклада, активировав оружие.

— Не поворачивай ствол в мою сторону. — Ян говорил сухо, отрывисто, будто отрубал фразы. — Пошли.

Мари повиновалась, совершенно не представляя, что ожидает их впереди.

Всё происходящее с ней за последние сутки казалось каким-то

тяжёлым неправдоподобным сном.

В данный момент, покидая вслед за лейтенантом одноэтажное строение, она откровенно злилась на Яна: раненый, потерявший бог знает сколько крови, напичканный обезболивающим и стимуляторами, он вёл себя с ней не как со своей спасительницей — в тоне Ковальского не угадывалось даже намёка на благодарность, в нём звучала лишь угрюмая решительность — казалось, он теперь будет помыкать ею, как, наверное, привык командовать своими солдатами…

Мысль осеклась.

Мари вдруг вспомнила, что весь его взвод погиб, но это лишь обострило чувство беды, горечи, а он, ни слова не говоря, пересёк улицу и уже открывал водительскую дверцу легковой машины, по какой-то причине заглохшей при выезде со двора и брошенной своими прежними хозяевами.

— Садись, — не терпящим возражений тоном произнёс Ян. — И опусти ветровое стекло.

Она ещё больше разозлилась, но всё же заняла пассажирское сиденье, язвительно спросив:

— А как ты собираешься ехать? У тебя что, есть карточка доступа?…

Вместо ответа Ян ударом кулака расколол пластиковый кожух под приборной панелью, несколько секунд молча смотрел на обнажившиеся провода и схемы, затем вырвал один из энерговодов и подсоединил его к пустующему гнезду.

Двигатель машины заработал.

— Смотри по сторонам. И пристегнись, — предупредил он, положив свой автомат поперёк колен.

Машина с пробуксовкой рванулась с места.

* * *

С полчаса они ехали молча. Ян дважды сворачивал на дорожных развязках, направляя машину в обход населённых пунктов; просёлок сменялся территориями пустующих агротехнических ферм, вился между полями… пока Мари окончательно не потеряла чувство направления.

— Мы не заблудились? — не выдержав, спросила она у своего молчаливого спутника.

— Нет. — Ковальский то и дело поглядывал по сторонам, словно искал какие-то ведомые лишь ему знаки. — До энергостанции осталось километров семь-восемь, не больше.

Вокруг стояла ненатуральная тишина. Водородный двигатель машины работал практически бесшумно, и до слуха доносился лишь монотонный

шелест гравия под колёсами.

— Странно. Мы проехали несколько ферм. Я не слышал, чтобы ревели голодные животные, — нарушил лейтенант затянувшуюся паузу.

Мари покосилась на своего спутника, а потом ответила:

— На фермах всё автоматизировано. Если животных по какой-то причине не выгнали на выпас, это не значит, что они останутся голодными или неухоженными.

Ян в недоумении посмотрел на неё.

Ещё один безответный вопрос добавился в его мысленный список: если, как утверждает Мари, фермы полностью автоматизированы, то зачем на них постоянно трудятся десятки, а иногда и сотни человек? Для контроля над автоматикой достаточно нескольких сменяющих друг друга операторов…

Может быть, так было не всегда?

— Мари, ответь, автоматизация произведена недавно?

Она пожала плечами.

— Если честно, не знаю. А почему ты… — Развить свою мысль она не успела, за плавным поворотом дороги вдруг показался силуэт человека…

Без головы.

Резко взвизгнули тормоза, ремень безопасности впился в грудь Мари.

Она успела лишь вскрикнуть, машину занесло, разворачивая поперёк дороги, Ян резко распахнул свою дверь, и хлёсткая автоматная очередь резанула по краю обочины, откуда поднимались две фигуры андроидов.

Мари видела этот кошмар во всех подробностях: посреди дороги стоял обезглавленный человекоподобный робот, служивший препятствием для любого из проезжающих, его металлопластиковый череп был наполовину снесён произведёнными в упор выстрелами, из обрубка шеи торчал разлохмаченный на торце оптиковолоконный кабель, ошметья пеноплоти на чудом уцелевшей правой щеке висели рваными бескровными клочьями…

Она не могла вдохнуть, не понимая, что её взгляд задержался на покалеченном сервомеханизме на какую-то секунду, не более, — машину уже резко разворачивало, давление страховочного ремня прорвалось болью даже через бронежилет, а рядом оглушительно ударил автомат, осыпав приборную панель звонким перестуком горячих гильз…

Взгляд Мари метнулся по сторонам, и только сейчас она заметила ещё два кибермеханизма, которые до этого прятались под прикрытием откоса гравийной насыпи.

Как Ян сумел распознать, откуда именно исходит опасность, оставалось только гадать, но он всё сделал правильно: заставив машину пойти юзом, Ковальский лишь имитировал аварийную ситуацию, видно, такие трюки являлись для него привычным делом, а вот андроиды приняли всё за чистую монету, раньше времени появившись из укрытия, рассчитывая быстро добить оглушённых людей.

Не вышло.

Машина не перевернулась, она лишь на мгновенье покачнулась, словно желала встать на два колеса, и тут же резко осела на подвеску, остановившись как вкопанная, только жалобно взвизгнули перегруженные амортизаторы, компенсируя рывок.

Два сервомеханизма, резво поднявшиеся из укрытия, оказались всего в трёх метрах от открытой водительской двери, и ни одна пуля, выпущенная лейтенантом, не прошла мимо — длинная прицельная очередь перечеркнула грудные кожухи андроидов ровной строчкой идущих наискось отверстий, отшвырнув массивные человеческие подобия назад, под откос дорожной насыпи…

— Ян!.. — непроизвольно вскрикнула Мари, сумев, наконец, судорожно вдохнуть.

Ковальского уже не было в салоне. Лейтенант выпрыгнул из машины, как только отгремел последний выстрел, и теперь, вскинув оружие на уровень глаз, просматривал окрестности через панорамный компьютерный прицел.

— Чисто… — наконец выдохнул он, оборачиваясь к Мари. — Не ушиблась?

— Что это было?.. — Она отстегнула ремень безопасности, с трудом выбравшись из салона автомобиля.

— Засада. Причём совершенно безграмотная.

— Безграмотная? — Мари прошлась вдоль капота, разминая затёкшие мышцы, а заодно мысленно представив свои действия в данной ситуации.

Ей моментально привиделся резкий удар по тормозам, руль, рвущийся из рук, длинный, скошенный тормозной след и… два андроида, появившиеся за её спиной, чтобы спокойно расстрелять незадачливого водителя через заднее стекло машины.

— Как ты узнал, что тут засада?

Ян опустил автомат, удерживая его здоровой рукой.

— Иди сюда. — Он подошёл к застывшему посреди дороги обезглавленному андроиду и слегка толкнул его. Сервомеханизм со стуком упал, выбив облачко мелкой белесой пыли из гравийного покрытия

просёлка.

— Как ты думаешь, пули, попавшие ему в башку, ударяли сильнее? — с лёгкой иронией спросил он.

Мари лишь прикусила губу.

Ну конечно, он был солдатом, вернее, офицером. Ей бы и в голову не пришло, что андроид при получении таких повреждений просто не мог остаться в вертикальном положении — значит, его кто-то *поставил* посреди дороги.

Она посмотрела на Яна и вдруг вспомнила, что несколько минут назад злилась на него.

Немногие из девушек её возраста, оказавшись в подобной ситуации, были бы в состоянии задать себе элементарный вопрос: а дошла бы ты одна до города, подруга, как намеревалась? За каким перелеском нашли бы потом твой труп?

Мысли обожгли рассудок, на глаза вдруг навернулись предательские, непрошеные слёзы.

Ян тем временем разрядил трофейное оружие, старательно не замечая её состояния.

* * *

Вернувшись к машине, он завёл заглохший двигатель.

На душе у Ковальского было тяжело. Он, как и Мари, чувствовал — привычный мир больше не вернётся. Никогда. В мыслях лейтенанта боль и горечь успели смениться тоской. Он пытался понять происходящее, но не мог. Не хватало ни информации, ни знаний. Плохо, когда учебные программы утверждали одно, а реальность демонстрировала совершенно иное.

— Мари, — негромко позвал он.

Девушка обернулась.

— Нам нужно решить, что делать дальше. Энергостанция наверняка захвачена сервомеханизмами.

Она молча ждала продолжения. Присев на край сиденья, Мари смотрела на Яна, остро ощущая, что он остался её единственной опорой в изменившемся до неузнаваемости мире.

— Почему ты так решил?

— Будь атака андроидов отбита, сейчас окрестности прочёсывали бы вооружённые люди, — скупо, но доходчиво пояснил он. — Бой на станции закончился около получаса назад, а мы с тобой нарвались на засаду андроидов.

Мари кивнула, соглашаясь с его доводами.

— Есть предложения? — спросила она, чувствуя, нужно что-то сказать, поддержать разговор…

— Я могу попытаться отвезти тебя в город. Хотя не уверен, что туда есть безопасный путь. По крайней мере отсюда.

— А сам ты что думаешь?

— Я бы двигался через энергостанцию, — с мрачной решимостью произнёс он. Лейтенант явно пребывал не в лучшем состоянии духа, несмотря на только что одержанную победу. Он не мог бросить Мари, не мог сказать ей, как сильно её присутствие стесняет свободу выбора…

— Ян… — Она запнулась, подбирая слова. — Тебе это нужно? Обязательно нужно?

— Наверное, ты не поймёшь меня… — сокрушённо покачал головой Ковальский. — Моего взвода больше нет. Да и я сам, скорее всего, уже не значусь в списках живых.

— При чём здесь ты?!

— Я боюсь получить глупый или панический приказ… — немного помедлив, сознался Ян. — Или хуже того — попасть под следствие.

— Но ты сражался, ты ранен, и я уверена — сделал всё, что в человеческих силах, чтобы остановить их там, у холма!

— Так думаешь ты. Но другие люди могут решить иначе. К сожалению, я знаком с подобными ситуациями. Меня станут допрашивать в то время, когда нужно действовать, иначе город просто погибнет без электричества… Начнётся паника, не будет воды, света, могут произойти техногенные катастрофы, затем последуют эпидемии, голод. Нас не нужно уничтожать. Город погибнет, лишившись источника энергии. Думаю, именно этого добиваются машины.

Мари мысленно представила тот хаос, что скупо обрисовал ей Ян.

Сердце царапнул знакомый коготок ужаса.

— Ян, ты один… К тому же ранен…

— Один человек может сделать много, — оборвал её лейтенант. — Боюсь, тебе не понять моей логики. Эти андроиды, — он указал на валяющийся посреди дороги эндоостов, — совершенно не умеют воевать. Они берут верх лишь за счёт скорости реакции и своего численного превосходства. Мы имеем дело с бытовыми машинами, которые кто-то вооружил и снабдил примитивными боевыми программами.

— Откуда ты всё знаешь?! — В голосе Мари сквозило обыкновенное отчаяние.

— У меня есть глаза. Я вижу, как действуют эти жалкие подобия

человека.

— Тогда объясни, почему они дошли почти до окраин города? Если они ничем не превосходят нас?

— Мы не были готовы к *подобному* вторжению. Они выиграли внезапностью и беспощадностью. У них нет чувств, нет мыслей, есть только цель. А мы… Мы так не умеем.

— Я понимаю… — горестно вздохнула Мари, сделав свой вывод из сказанного. — Ты решил умереть, чтобы доказать всему миру, что не трус.

— Можешь считать, как хочешь. Я пойду туда. Довезу тебя до окраины полиса и вернусь. А ты найдёшь штаб сил самообороны и расскажешь полковнику Нагаеву всё, что видела. Договорились?

Мари молчала.

Она думала сейчас о том, куда пойдёт в городе, что будет делать, как станет жить… с вечным, неизбывным страхом в груди, с неизвестностью, с мыслями, догадками о том, как погиб Ян и сколько времени ей самой осталось дышать?

Кто они — эти похожие на людей машины? Откуда, по какому праву они пришли в наш мир и начали убивать? Что им нужно?

Мысли принадлежали совершенно другому человеку, не той девушке, что сутки назад беззаботно поднималась по тропинке к вершине холма.

Ты дура. Что ты противишься? Сошла с ума? Тронулась от страха?

В том-то и дело, что страх исчез.

Не было ужаса, словно он рухнул в дорожную пыль вместе с фигурой дройда.

А что я стану делать в городе? Сидеть и ждать конца?

Господи… Господи, что же мне делать?!

Ей сейчас хотелось одного: решиться хоть на что-то, не мучить себя сомнениями, не изводить душу вариантами, а принять решение и следовать ему. До конца.

Удивительно, как сильно может измениться мировоззрение за краткий, ничтожный промежуток времени.

И тут же нахлынули воспоминания, обдав душу липким противным страхом.

Ты дура… — словно заведённый, твердил внутренний голос. — *Беги, пока не поздно. Скажи себе «Наплевать» и беги!..*

Как это здорово — дышать, ощущать себя *живой*.

Она посмотрела на небо, удерживая навернувшиеся слёзы.

— Ян…

— Да, Мари?

— Не нужно ехать в город. Я пойду с тобой. Туда… На станцию… — Она с трудом выдохнула последнее слово и отвернулась, чтобы он не видел смертельной бледности её лица и жгучих слёз, струящихся по щекам.

* * *

Несколько секунд он мрачно и пристально смотрел на Мари.

Она спиной почувствовала его взгляд. Мир всё ещё расплывался перед глазами, когда она обернулась, не в силах вынести наступившей вдруг тишины…

— В чём дело? Что тебя не устраивает? — Она не заметила, как повысила голос. — Тебе непонятно моё решение? Я ИДУ С ТОБОЙ. — Мари чуть понизила тон и добавила: — Можешь сколько угодно сверлить меня взглядом. Да, я не хочу в город. Я боюсь. Ты нарисовал такую перспективу, что лучше я останусь здесь с тобой, чем там.

— Ладно. — Взгляд Ковальского слегка потеплел. — Мы пойдём вместе. Но обещай, что будешь слушать меня беспрекословно. Ты действительно умеешь стрелять?

— Умею.

— Хорошо. Тогда запомни: будем прорываться к главному входу. Я веду машину, ты стреляешь в любой человекоподобный механизм. Договорились?

Она молча кивнула.

Разговаривать больше не хотелось.

Хотелось прижаться к груди Яна, поцеловать его, но на это у неё не хватило храбрости.

Наивная глупая девочка, повзрослевшая на добрый десяток лет, но ещё не потерявшая юношеских комплексов юности.

Она ещё не научилась мыслить категориями войны, когда есть только один миг существования — *сейчас* — всё остальное слишком неопределённо.

* * *

Вновь под колёса машины с шелестом стелился гравий просёлка, потом на очередном повороте он сменился бетонным покрытием автострады, и тут же они увидели первые признаки отбушевавшего пару часов назад жестокого боя.

Перегораживая автомагистраль, поперёк дорожного полотна стояли два обгоревших вездехода.

Ян притормозил, затем вовсе остановил машину, когда их взглядам

вдруг открылась жуткая, с трудом воспринимаемая рассудком панорама: бетонную дорогу, ведущую к воротам энергостанции, густо покрывали обломки сервомеханизмов, они были повсюду, и, куда ни глянь — среди свежих подпалин и неглубоких воронок, выбитых гранатными взрывами, на посечённых осколками ветвях и листьях придорожного кустарника виднелись загадочные кляксы серебристой субстанции.

Разбитые, обгоревшие эндоостовы сервомеханизмов лежали среди обломков и серебристых лужиц, навек застыв в начатом, но не завершённом движении…

— Прикрой… — хрипло произнёс Ян.

Покинув машину, он метнулся к баррикаде, над которой ещё курился серый зловонный дым.

Через минуту, вернувшись, он тихим, абсолютно неестественным, будто заледеневшим голосом попросил Мари, усаживаясь за руль:

— Закрой глаза и пригни голову.

— Зачем?

— Вездеходы не объехать. Буду таранить.

Она послушалась, почувствовав, как машина рванулась с места, затем последовал удар, сопровождаемый протяжным скрежетом сминаемого металла, на миг показалось, что они остановились, застряли, но двигатель, взревев на высоких оборотах, всё же протащил легковую машину между бамперами вездеходов, и в эту минуту Мари, решив, что они успешно проскочили препятствие, приподняла голову, оглянувшись по сторонам.

Лучше бы она сидела не шелохнувшись.

Взгляду открылось чудовищное зрелище — десятки мёртвых защитников баррикады лежали на залитом кровью бетоне…

— Ян, останови!.. — невольно вскрикнула Мари.

Он лишь молча сжал зубы, стараясь не наехать колёсами на тела.

Мгновеньем позже Мари поняла, почему он не внял её словам: тут не было раненых — только трупы, потому что в каждого из павших защитников укрепления был произведён контрольный выстрел — все тела оказались перевёрнутыми лицом вверх, а в центре груди у каждого чернело пятнышко уже свернувшейся крови.

— Они добивали раненых… — простонала Мари.

— Не смотри. Умоляю тебя…

Поздно. Она уже увидела это.

Вскипевшее в душе чувство нельзя было назвать.

Имени ему *не существовало*. В этот жуткий миг первого знакомства с видом насильственной смерти Мари, наконец, поняла — прошлое

невозвратимо. Она уже никогда не станет прежней, не сможет мыслить, как наивная двадцатилетняя девушка…

Взгляд не мог сосчитать павших. Казалось, этому кошмару не будет конца. Ян съехал с дороги, цепляя двумя колёсами обочину, а впереди уже росли приземистые постройки атомной электростанции, чьи реакторы располагались в толще земли.

Весь комплекс сооружений был обнесён высоким бетонным забором, дорога, ведущая на энергостанцию, упиралась в неплотно сомкнутые ворота, растительность по обе стороны магистрали выгорела, почерневшая земля курилась дымом, открывая взгляду обугленные человеческие тела и эндоостовы уничтоженных андроидов.

Кошмар продолжался.

Мари уже не могла поручиться, выдержит ли её рассудок увиденное, но закрыть глаза и не смотреть она не могла — Ян, будто окаменев, вёл машину, впившись в руль побелевшими пальцами, устремив взгляд на дорогу, где по-прежнему попадались тела павших, которые он объезжал, сбрасывая скорость, и следить за окружающей обстановкой в сложившейся ситуации могла только она.

Всё плыло перед глазами Мари, взгляд постоянно затуманивался из-за наворачивающихся слёз, но она так и не зажмурилась, как бы ни умолял рассудок, ни изнывала душа…

Внезапно впереди, метрах в ста правее въезда на территорию энергостанции, среди обгоревших, но не превратившихся в золу кустов, обозначилось непонятное движение.

— Ян, справа что-то движется! — Мари уже готова была открыть огонь, как вдруг по их машине ударила длинная очередь из какого-то крупнокалиберного оружия: пули градом осыпали легковушку, прошибая огромные дыры в кузове, лобовое стекло моментально покрылось паутиной трещин и вдруг взорвалось метелью гранулированного полимера.

На этот раз избежать аварии не удалось — с громким хлопком лопнуло простреленное колесо, и машину круто развернуло, снося в обочину… что, собственно, и спасло жизни Яну и Мари, — теперь пули лишь бессильно выбивали султаны песка и щебня на краю откоса.

— Жива? — хриплый голос Яна вернул её в чувство.

Мари попыталась пошевелиться. Боль от ушибов не в счёт, крови вроде нет.

— Со мной всё в порядке… — Она почему-то прошептала эту фразу.

— Попробуй открыть дверь. Нужно выбираться. Мою заклинило.

Машина лежала, перевернувшись кверху колёсами, но Мари со второй

или третьей попытки всё же удалось открыть пассажирскую дверь.

Со стоном выбравшись наружу, она помогла Яну, на повязках которого вновь обильно выступила кровь.

— Приехали, называется… — Он зло сплюнул сгусток крови и тут же переключился на компьютерное видение, опустив забрало своего боевого шлема.

— Где было движение? — раздался в коммуникаторе его вопрос. — Укажи точное направление.

Мари на миг растерялась. Она не знала принятой в войсках терминологии, да и обращаться с компьютерными системами экипировки её никто не учил, поэтому, после некоторого замешательства, она просто указала рукой в ту сторону, где минуту назад что-то двигалось между высоким забором и обгорелыми ветвями лишившегося листьев кустарника.

— Вижу… — наконец произнёс Ян и тут же радостно добавил: — Это наши!..

— Уверен? — Мари мгновенно вспомнила, как похожи на людей *неповреждённые* андроиды.

— Уверен. Включи систему тепловидения, убедишься сама. Это не механизмы.

Очевидно, что их также заметили. На несущей частоте связи раздался треск, сквозь который прорвался незнакомый молодой голос:

— Вы живы?

— Живы, — ответил Ковальский.

— Давайте к нам!.. Ползком вдоль насыпи!..

* * *

Бойцов оказалось трое.

Их осунувшиеся лица землистого цвета, испачканная, местами порванная экипировка, злые, усталые глаза делали молодых парней похожими друг на друга.

После всего увиденного по дороге Мари даже не пыталась вообразить, каково пришлось им — непосредственным участникам схватки с прорвавшимися к энергостанции сервомеханизмами.

— Кто старший? — голос Яна постоянно звучал с лёгкой хрипотцой, и при закрытом забрале боевого шлема ему с лёгкостью можно было дать лет сорок…

— Сержант Сергей Мухаев, — представился один из бойцов. На веснушчатом лице молодого парня искренняя радость смешивалась с выражением отчаяния и безразличия. Как эти противоречивые чувства

уживались вместе, было совершенно непонятно.

— Лейтенант Ковальский. — Ян поднял забрало боевого шлема.

На несколько секунд в небольшой ложбине наступила тишина.

— А нам сказали, что вы погибли… — наконец, сглотнув, выдавил один из бойцов.

— Как видишь, живой, — ответил Ян.

Мари присела на бугорок. Она смертельно устала, к тому же до сих пор давали знать о себе постэффекты введения больших доз успокоительных и снотворных препаратов.

— Значит, офицеров нет? — долетел до её слуха вопрос Ковальского. — В таком случае я принимаю командование.

— И что? — один из бойцов, который сидел, прислонившись спиной к бетонному забору, резко вскинул голову. В его глазах читался явный вызов. — Чего ты от нас хочешь, лейтенант? Чтобы мы сдохли? Не навоевался ещё?..

Мари невольно сжалась, ожидая, что Ян сейчас просто взорвётся, но он отреагировал удивительно спокойно:

— Как зовут, боец? — Он присел на корточки.

— Алан.

— А тебя? — Ковальский обернулся к последнему из троицы.

— Рядовой Керби, — с готовностью отозвался тот. — Соул Керби.

— Мы все видели по дороге, ребята. — Голос Яна по-прежнему звучал спокойно, сдержанно, но Мари знала, что в душе Ковальского царит настоящий ад. Она достаточно успела узнать лейтенанта за время их краткого знакомства — с одной стороны, он был явно человечнее, чем это могла показать суровость облика, а с другой — его жгли, глодали изнутри горе и ненависть.

Все они потихоньку сходили с ума, балансировали на зыбкой грани потери рассудка.

Внезапность и жестокость обрушившейся беды оглушали разум, явная неспособность понять причины происходящего, ужас от чудовищных картин, страх, обыкновенный человеческий страх перед *собственной смертью* — жуткие по своей остроте моральные испытания изменяли душу, ломали рассудок, восприятие начинало притупляться, иные чувства постепенно овладевали сознанием, и страх, засевший глубоко внутри, понемногу трансформировался в нечто иное…

— Я никого не поведу за собой насильно, — в наступившей тишине произнёс Ян. — Только прошу, выслушайте меня. Я не представляю, откуда взялись эти сервомеханизмы, — он поморщился и встал, сидеть на

корточках было больно из-за открывшейся раны на бедре. Свежая кровь вновь начала пропитывать ткань униформы. — Поймите, ребята, мы можем спрятаться. Просто уйти в город. И вы, и я — мы выполнили свой долг. Но лето не вечно… — Он по очереди посмотрел на внимательно слушавших его бойцов. — Подумайте, какой станет жизнь в городах с наступлением холодов? Как мы переживём зиму без энергии, без припасов… Нас всё равно ожидает смерть, только долгая мучительная и… — он запнулся, — мерзкая.

— И что ты предлагаешь, лейтенант? — хмуро осведомился Мухаев, доставая из подсумка мятую пачку сигарет. — Атаковать засевших на станции дройдов?

— Я предлагаю всем вместе подумать, как действовать дальше. Сколько их было? Скольким удалось прорваться к энергоблокам?

— Сколько было, не знаю… — Мухаев искоса посмотрел на Мари и добавил: — А за ограду прорвалось их десятка три. С двумя бронемашинами.

— Нужно пробираться к городу. Доложить обо всём. Их вышибут отсюда, — подал голос Керби.

— Кто вышибет? — негромко осведомился Ковальский, жестом отказавшись от предложенной сигареты.

— Действительно… — без особого энтузиазма поддержал лейтенанта сержант Мухаев. — Мы выдвигались в составе сводной бригады сил безопасности. В городе больше нет резервов. Разве что пара полицейских…

— Ребята, неужели больше никого не осталось в живых?.. — спросила Мари.

— Может, кто и остался, — ответил ей Алан. — Тут всё в дыму было, когда дройды пошли на прорыв. Наших точно всех положили… — в его глазах сверкнула слеза. — Эти суки железные пёрли напролом, плевать им на собственные потери, били во всё, что движется, как… — Он не выдержал и умолк, махнув рукой.

— На, — Мухаев протянул ему сигарету. Повернувшись к Мари, он добавил: — Должно быть, ты права. Кто-то ещё должен был уцелеть в этом содоме. Не одни мы… Ты тоже так думаешь, лейтенант?

Ян кивнул.

— Нужно обойти периметр станции. Тихо и осторожно, под прикрытием ограды. Если соберём хотя бы человек десять — можно будет подумать о проникновении на территорию. Не атакой в лоб, конечно.

— Если отобьём станцию — им хана, — глубоко затянувшись, произнёс Алан. Очевидно, за прошедшие несколько минут он успел

обдумать перспективу, скупо обрисованную Ковальским. — Не хочу подохнуть от голода или замёрзнуть, — скривился он.

— Ты? — Ян посмотрел на Мухаева.

— А что я? — пожал плечами сержант. — Я жить хочу. Прав ты, Ковальский, без энергии нам худо придётся. Друг друга убивать начнём… Я это почему-то чувствую.

Керби, к которому теперь обратились взгляды, долго молчал, потом, сделав усилие, выдавил, пытаясь справиться с внезапно появившейся нервной дрожью:

— Я с вами… пойду. — Он почему-то взглянул на Мари, наверное, ему стало не по себе, что девчонка в боевой экипировке (женщин в войска не брали вообще) не плачет навзрыд, а лишь сидит, бледнее бледного, да кусает губы. До крови…

— Может, познакомишь нас, лейтенант? — Сергей Мухаев тоже посмотрел на Мари.

— Я биолог. Мари Лерман.

— Раны перевязывать сможешь?

— Смогу… — Она вдруг решительно подняла взгляд. — Я всё смогу, ребята. — Её подбородок всё же дрогнул. — И стрелять смогу. Ян мне показал.

Она была готова разрыдаться, но не от страха или жалости к самой себе — эти чувства отболели, выгорели в душе, — ей было невыносимо смотреть на своих ровесников и думать о том, сколько сейчас таких же юношей лежит вокруг… *мёртвых*.

— Если андроидов всего три десятка, я бы пошла… даже впятером. Просто, чтобы их никогда больше не было… — Она не выдержала и всё же разрыдалась, отвернувшись в сторону зарослей почерневшего, прогорклого от дыма кустарника.

* * *

Только много позже, спустя годы, Мари смогла полностью осознать, как силён оказался моральный удар, как вышвырнула их жизнь из юности прямо в беду… и не думали они в те роковые для всех часы ни о чём глобальном.

Выжить. Не сойти с ума.

Объяснения она станет искать позже, а сейчас, пробираясь вслед за Аланом вдоль высокой бетонной ограды энергостанции, ощущая всё ещё непривычный вес оружия и экипировки, она думала совсем о другом.

Ян вряд ли проходил специальную психологическую подготовку, и

молодому лейтенанту, потерявшему свой взвод, было не легче, чем остальным, но он сумел сделать главное — отвлечь бойцов от мысли о собственной обречённости.

Он заставил их всего на минуту задуматься не о себе, а о других, и это помогло — ребята будто очнулись, пришли в себя от шока, страх в их глазах постепенно сменялся выражением глухой, вскипающей в сознании ненависти к чужакам, что разрушили их устоявшееся мировоззрение, заставили пережить ужас и отчаянье, а теперь, запершись за периметром энергостанции, грозят погрузить в пучину хаоса всё сущее…

Этого оказалось достаточно, чтобы на время изгнать страх, хотя ненависть являлась не лучшим его заменителем, но сейчас, когда рассудок бойцов вновь понемногу начал тонуть в адреналине, иные чувства блекли, растворялись в желании отомстить, ибо вокруг, куда ни глянь, взгляд ловил запредельные для разума картины, память жадно хватала их, унося в свои глубины, чтобы потом, если повезёт выжить, выталкивать по ночам в форме ледяных кошмаров…

— Осторожно, — раздался в коммуникаторе голос Яна. — Здесь какая-то серебристая дрянь на кустах. Старайтесь не задевать ветви.

Мари оглянулась.

Действительно, почти у самого забора, на границе вырубки, среди обгоревшего кустарника застыли в нелепых позах размётанные гранатным взрывом корпуса дройдов. Под каждой из пяти человекоподобных фигур серебрилась лужица незнакомой субстанции. Она же мягкими, отвратительными на вид плевками испятнала обугленные ветви, а кое-где уже успела *проползти* по ним, оставляя за собой серебрящиеся дорожки.

— Непонятно, что это такое, — пробурчал в коммуникатор Керби. — Сканеры показывают сложный металлокерамический сплав.

— Металлокерамика должна быть твёрдой, — не останавливаясь, возразил ему Мухаев.

— Сам посмотри.

— Осторожнее, — вступил в диалог Ковальский. — Не приближайтесь.

— А с дистанции ничего не разобрать, — ответил сержант. — Точно металлокерамика, похоже на скопление отдельных микрочастиц…

— В любом случае идём дальше.

— Да кто спорит? Только ведь эта дрянь натекла из андроидов, верно?

— Похоже на то. Мы с Мари видели: на месте боя всё испятнано такой же субстанцией.

— Что-то я не припомню: в наших механизмах используется похожее

вещество?

— Нет, — однозначно и уверенно ответил Ковальский, жестом велев группе остановиться и рассредоточиться.

Впереди возвышалось поднятое на искусственной насыпи полотно дороги, ведущей к воротам энергостанции. Лейтенант лёг на землю и пополз, медленно взбираясь по откосу.

Вот он достиг края обочины, замер, затем чуть приподнял голову, чтобы сканеры боевого шлема могли исследовать окрестности.

— Внимание, ворота открыты. Вижу противника. Включаю телеметрию данных…

На проекционных забралах боевых шлемов остальных членов группы тут же возникла контрастная чёрно-белая картинка: участок бетонной ограды трёхметровой высоты, распахнутые створы ворот и развёрнутый в сторону корпусов энергостанции вездеход стандартной боевой модификации.

Судя по данным сканирования, его двигатель работал на холостых оборотах. Оба носовых люка машины были распахнуты, от ближайшей подстанции к вездеходу тянулись толстые глянцевитые кабели энергопитания. Неподалёку (в пятнадцати метрах, по данным систем тепловидения) компьютер вычерчивал контуры восьми человекоподобных сервомеханизмов, которые вручную перемещали прямоугольные контейнеры.

— Носят стационарные энергоблоки, — раздался шёпот Мухаева. — Видно, выдрали их из корпуса накопительной станции.

— Вижу, — так же тихо ответил лейтенант.

Действительно, андроиды, разбившись попарно, несли к вездеходу заряженные блоки питания, которые обычно применялись для автономного энергоснабжения геолого-разведочных партий или других изыскательских групп, удалявшихся на большие расстояния от городов в глубь окружающей оазис жизни вулканической пустыни.

— Удобный момент для атаки, командир.

Мухаев назвал Ковальского «командир», и это в напряжённой обстановке стоило дорогого.

— Подтягивайтесь к насыпи, — коротко приказал Ян. Он видел все преимущества момента. Руки андроидов были заняты, боевой вездеход, развёрнутый в сторону основных построек энергостанции, являлся в полном смысле подарком судьбы — стремительная атака уменьшит количество противников на восемь единиц, а овладев боевой машиной, они смогут прорваться к центральным постройкам под прикрытием брони и

тридцатимиллиметрового орудия, закреплённого над кабиной вездехода.

— Мари, не высовывайся, — предупредил Ян. — Когда мы закончим, бегом к машине, ясно? Остальным приготовиться. Разбираем цели. Мухаев, на тебе — вездеход. Я атакую первую пару андроидов, Керби — вторую, Алан — третья пара…

Одного бойца явно не хватало, и, секунду помедлив, Ян изменил своё решение. Оценив расстояние до четвёртой пары, он отдал другой приказ:

— Мари, ты идёшь с нами. Твоя задача попасть в контейнер энергоблока. Справишься?

— Я постараюсь.

— Тогда вперёд. На счёт «три» все разом!

* * *

После полудня поднялся ветер.

Порывы шли со стороны энергостанции — обычное явление, учитывая периодические выбросы теплообменников, создающих разность давления, но в данном случае тёплые потоки воздуха сыграли существенную, если не сказать — роковую роль в развитии последующих событий.

За дымом, которым всё ещё истекала обгоревшая почва и обуглившийся кустарник, не было видно, как порывистое движение воздуха поднимает вместе с частицами гари мельчайшую серебристую пыль, будто лужицы или вязкие, осевшие на кустах потёки металлизированной субстанции вдруг превратились в мельчайший порошок, частицы которого с лёгкостью подхватывал и переносил ветер.

Серебристая позёмка, смешиваясь с дымом, стлалась над землёй, частицы диковинного вещества обладали высокой степенью абсорбции, будто могли менять свои физические свойства по усмотрению загадочных, управляющих их поведением сил.

Мелкая взвесь гари и серебра оседала не только на ветвях растительности в виде тончайшего налёта — она покрывала собой и корпуса опрокинутых наземь либо застывших в разнообразных позах андроидов, более того — вещество проникало внутрь повреждённых механизмов через многочисленные пулевые отверстия, сорванные кожухи и иные повреждения корпусов, оседала на обнажившихся сервоприводах… и вот тут начиналось любопытное и одновременно зловещее действо: микрочастицы вновь начинали слипаться, плотно цементируя повреждённые узлы, потом внезапно проявляли свойство текучести, распределяясь по поверхностям так, будто их специально нанёс опытный

реставратор, имеющий представление не только о форме, но и о функциональном содержании восстанавливаемых таким необычным образом узлов и агрегатов.

Конечно, серебристая взвесь не всегда становилась панацеей, и в таком случае происходил не менее удивительный обратный процесс — серебристая субстанция вновь приходила в движение, её сдувало с критически повреждённого сервомеханизма, и частицы переносило на другие фрагменты машин.

Никто не видел загадочных и зловещих флуктуаций этого вещества. Рядом не оказалось заинтересованного наблюдателя, обладающего достаточным мужеством и пытливым рассудком.

Частицы серебряной взвеси вихрились над обожжённой землёй, они не стремились к единству, их «колонии» носили лишь временный характер: устойчивые образования возникали лишь там, где эта пыль оседала на андроидов с небольшими механическими повреждениями, не потерявших энергетической активности.

Четверо измученных ребят, взбиравшихся в эти минуты на придорожную насыпь, не видели происходящего за спиной.

Их внимание было всецело устремлено к открытым воротам энергостанции.

Они вскочили, рывком преодолевая короткую дистанцию до бронемашины.

Страх ушёл, истончился, в секунды боя его нет, — запоздалая нервная реакция на стресс придёт потом, после яростной схватки, а сейчас в действиях молодых, едва обстрелянных ребят, за неполные сутки вкусивших всю глубину смертельного противостояния, вдруг проявились черты, присущие опытным, прошедшим через многие испытания бойцам: их бросила вперёд отчаянная обречённость, каждый за истёкшие сутки уже не единожды морально погиб и воскрес… помощи ждать было неоткуда, и крайнее напряжение всех физических сил вдруг породило ту ясность сознания, когда разум начинает защищаться, он собирает и прессует частички страшного опыта, происходит мгновенный, едва ли осознаваемый индивидом слом сознания, оно рушится до уровня рефлексов и вмиг собирается вновь, но это уже *иное* мироощущение.

Никто из них (разве что Мари) не имел ни малейшего представления о том, как в секунды стресса распадаются под воздействием метаболических, выработанных самим организмом реагентов нервные связи, как реагирует мозг, создавая новые информационные структуры, призванные помочь

организму выжить… но, закреплённые стрессом, они уже не исчезнут, останутся навсегда, став либо вспышечными воспоминаниями, либо *основой* прошедшей через моральное перерождение личности.

Шелест гравия… Звук прерывистого дыхания в коммуникаторах боевых шлемов, предательская осыпь под ногами, наклонный скат брони вездехода, огромные створы ворот, заслоняющие серые небеса, резкий рывок, нечленораздельный хрип, рвущийся из горла в унисон короткой автоматной очереди, звонкий перестук разлетающихся по полу грузового отсека гильз — это Мухаев через открытую грузовую рампу разделался с дройдом, сидящим в водительском кресле машины…

Ковальский резко нырнул за мощный бронированный борт, открывая дорогу остальным, присел, мгновенно оценивая открывшийся сектор обстрела, и тут же, не давая андроидам шанса на попытку сопротивления, его «Абакан» заговорил короткими ёмкими очередями.

…Керби шёл третьим, он миновал узкий проход между наклонным бортом вездехода и массивной рамой ворот, когда внутренний двор станции уже наполнился хлёстким звуком очередей.

Влево…

Он присел за покатым кожухом механизма, обеспечивающего движение многотонных створов по направляющим, автомат упёрся магазином в выступ какого-то дополнительного агрегата и тут же заговорил, злобно, часто, вбивая пулю за пулей в сервомеханические корпуса второй пары андроидов.

…Алану пришлось труднее остальных: справа и слева от прохода гремели выстрелы, и он принял иное решение — обернувшись, он подтолкнул Мари к покатому борту бронированной машины.

— Быстро! Перелазь! На ту сторону!

Она подчинилась, неловко карабкаясь по броне. Алан, чувствуя, что теряет драгоценные секунды, не церемонясь, подставил девушке плечо, и Мари благодаря этой поддержке вмиг оказалась наверху, между двумя покатыми выступами орудийных башен.

В рассудке билась только одна мысль: энергоблок. Замыкающая пара дройдов…

Она не видела, куда подевался Алан.

Сухой, отрывистый треск автоматных очередей подстёгивал разум, толкал к действию, и она подчинилась тревожному позыву: присев, вскинула тяжёлое, неудобное оружие, с которым едва умела обращаться, и, поймав в перекрестье оптико-электронного прицела замыкающую пару сервомеханизмов, которые уже успели поставить на землю тяжёлый

энергоблок, коснулась сенсора огня.

«Абакан» зашёлся длинной очередью.

Дистанция до цели была велика, пули ударили в землю, выбивая мелкие султанчики в стороне от машин, Мари сжалась в комок, она видела, что промахнулась, и вдруг вспомнила, что ей было сказано целиться не в андроидов, она должна попасть в накопитель энергии.

Мысли вихрем пронеслись в голове, оставив звенящую пустоту, Мари каким-то особым чувством осознавала: третьей попытки не будет, сейчас дройды, освободившись от груза, откроют ответный огонь, и тогда…

Мысль, что из-за её беспомощности может погибнуть кто-то из ребят, заставила двигаться онемевшие от напряжения руки.

Прицел сместился, теперь в тонкую паутину непонятных линий и связанных с ними координат попал выпуклый глянцевито-чёрный корпус накопителя энергии.

Дыхание остановилось. В этот миг для Мари не существовало ничего, кроме прицела и утоплённого в основание приклада сенсора огня.

Автомат в руках задрожал, как живой, но она не поддалась, изо всех сил удерживая в прицеле индикационную панель энергоблока, на которой весело перемигивались изумрудные огоньки.

В следующий миг окрестности озарила бледно-голубая вспышка.

Мари так и не смогла оторвать взгляд от оптики; накопитель разорвало на несколько неравных частей, а она продолжала давить на сенсор, не понимая, что дело уже сделано: возникшее в момент взрыва электромагнитное поле вызвало глобальный сбой в кибернетических цепях находившихся поблизости механизмов, и те застыли, не завершив начатого движения.

— Прорвались! Молодец, Мари! — Возглас Алана развеял наваждение, руки мгновенно налились свинцовой тяжестью, Мари почувствовала, как мелко дрожат её губы.

Едва удержав автомат, она без сил опустилась на пологий бронированный скат.

Её взгляд блуждал, пережитый секундой ранее стресс отдавался в висках глухими толчками учащённого пульса, она глубоко, судорожно вдохнула, глядя на Алана, который, присев на корточки, пытался открыть замок башенного люка вездехода.

— Алан, Мари, спускайтесь! — донёсся из кабины вездехода голос Керби.

Она подчинилась, двигаясь скорее машинально, чем осознанно.

— Давайте быстрее! — подстегнул её голос Ковальского. — Там на

дороге что-то движется!

Этих секунд она не забудет никогда.

Алан с досадой прекратил попытки взломать люк и выпрямился.

Короткая очередь пришла со стороны истекающей дымом гари. Пули звонко ударили по броне, Мари почувствовала, как что-то горячее обожгло руку, словно от запястья до локтя к ней приложились раскалённым прутом.

Автомат со стуком выпал из мгновенно онемевших пальцев, и только сейчас, одновременно с пугающей мыслью — *в меня попали*… — она увидела, как, неестественно выгнувшись, падает Алан…

Её взгляд мгновенно заблудился в страшном калейдоскопе: брызги крови на опущенном забрале боевого шлема, перекошенный в немом крике рот Алана, его моментально побелевшие губы, и…

За распахнутыми воротами энергостанции, там, где накануне кипел бой, сейчас по обугленной земле, ломая хрупкие ветви кустов, двигались *восставшие* машины!..

Она закричала.

Эту картину не мог принять разум. Покрытые сажей, испятнанные серебристыми вкраплениями андроиды с простреленными навылет кожухами, исковерканными взрывами конечностями двигались к воротам, вздымая облачка праха… они шли вопреки здравому смыслу, и Мари на секунду усомнилась в собственном рассудке, замешкалась, не зная, что делать, а в следующий миг реальность потонула в багровой вспышке.

Последнее, что успело запечатлеть её сознание, было оторванное, горящее колесо подбитого вездехода — медленно поворачиваясь, оно летело навстречу нестройной *толпе* изуродованных сервомеханизмов, которые четверть часа назад валялись в золе и грязи…

Разум не мог принять подобной картины.

От сумасшествия её спасла лишь милосердная тьма беспамятства…

Глава 4

Настоящее…

Они сидели, неотрывно глядя в глаза друг другу…

— Почему ты не вернулась в город, Мари? — наконец спросил Ян.

Она продолжала смотреть в его глаза, такие знакомые и в то же время постаревшие, чужие.

Господи, как же хорошо осознавать, что он жив…

— Наша история, Ян, — тихо произнесла Мари.

Они оба постепенно отходили от шока, их души уже вырвались из чёрного ада воспоминаний и теперь незримо кружили хороводом мыслей и образов, заново присматриваясь друг к другу, пытаясь уловить частицы того тепла, что породнило их десять лет назад…

— Не понял? — переспросил Ян.

— Наша история таит множество загадок. — Теперь её глаза смотрели на Ковальского с грустью. Вспоминался тот вечер накануне трагических событий, когда она вместе с пожилым биологом, работавшим в агропуле, поднялась на холм, чтобы установить оборудование переносной метеостанции.

Именно из его уст она впервые услышала запомнившуюся на всю жизнь фразу.

Жаркий диск Проциона величественно клонился к закату.

Тени деревьев выглядели непропорционально длинными, в воздухе витали сладкие вечерние запахи, листва низкорослого кустарника едва слышно шелестела, лёгкий ветерок приносил на вершину возвышенности не только пряные флюиды леса, но и резкие, неприятные запахи, идущие со стороны безжизненной вулканической равнины.

Мари хорошо помнила, как остановилась, поражённая открывшимся взору ландшафтом.

Здесь пролегала чёткая, зримая граница мёртвого и живого.

За спиной шумел лес, кустарниковая поросль сбегала по склону холма и…

Далее растительность отсутствовала вообще, словно линию посадок кто-то ровно обрезал ножом.

Перехватив её недоумённый, даже немного испуганный взгляд, Ричард Фоул понимающе усмехнулся.

— Никогда не видела пустыни? — спросил он.

— Нет, — призналась Мари, глядя, как сочные фиолетовые краски заката смешиваются у горизонта с багрянцем вулканических извержений. Там вздымался чёткий, изломанный контур горных образований, а небеса превращались в тёмную полосу, подсвеченную частыми аритмичными сполохами.

Её замешательство можно было понять и объяснить — курс биологии почему-то не включал в программу сведений о вулканических пустынях.

— Наша история таит множество загадок, Мари, — произнёс Фоул, начиная устанавливать оборудование. — Я знаю, — ворчливо добавил он, — учебники упорно молчат о них. Возможно, преподаватели не хотят смущать своих воспитанников явными несоответствиями, не знаю… — Он выпрямился, посмотрел вдаль и продолжил: — С тех пор как я впервые осознал, насколько мал и хрупок наш мирок в масштабах окружающей действительности, прошло много лет, но я так и не смог приблизиться к истине.

— Нас окружает пустыня?

— Да, со всех сторон. Бескрайние безжизненные просторы.

Мари задумалась. Если вокруг островка жизни действительно простираются лавовые равнины, ограниченные цепью вулканических гор, то ядовитые испарения давно должны были отравить крохотный по сравнению с их протяжённостью оазис…

— Ты сейчас думаешь: почему мы до сих пор живы и дышим чистым, неотравленным воздухом?

— Да.

— Бактерии. Несколько десятков видов бактерий прекрасно чувствуют себя в среде вулканических отложений. Пространство равнин только кажется безжизненным, на самом деле миллиарды микроскопических организмов ежесекундно вырабатывают достаточно кислорода, чтобы сделать воздух пригодным для дыхания. Мы морщим нос, когда ветер доносит запахи извержений, но это лишь ничтожная часть тех ядов, что могли бы задушить всё живое.

— Почему тогда растения не отвоёвывают себе новое пространство?

— Им не прижиться на вулканической почве. Я много лет посвятил исследованиям, но не добился вразумительного результата.

— Это и есть историческая тайна?

— Нет. Загадки истории гораздо парадоксальнее. Если существование бактерий ещё можно объяснить, то возраст нашей колонии не находит разумной трактовки.

— Не понимаю, — откровенно удивилась Мари. — О каком возрасте вы говорите?

— Сейчас объясню. Я учёный, биолог, но жизнь множество раз преподносила мне загадки из иных областей знания, игнорировать которые я не мог. Пришлось заниматься самообразованием, глубже изучать химию, кибернетику, физику. Да, да, не удивляйся. Существуют специальные приборы, которые могут устанавливать истинный возраст сооружений. Я брал пробы, исследуя различные постройки, и неизменно получал один и тот же результат: все здания возведены четыре столетия назад.

— Извините, — прервала его Мари, — возведены КЕМ?

Фоул лишь пожал плечами в ответ.

— Я не знаю. История колонии умещается в полувековой промежуток.

Мари недоверчиво посмотрела на пожилого биолога.

— Да, ты права. Я отношусь к первому поколению колонистов.

— Значит, вы должны помнить, как наша колония основывалась!

— Увы. Я не помню. И это не имеет никакого отношения к старческим болезням.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Мне семьдесят лет. Однако первые осознанные воспоминания относятся к двадцатилетнему возрасту.

— Так не бывает.

— Бывает, Мари. Просто об этом не принято говорить. Можешь поинтересоваться у любого человека моего возраста — что он помнит? Знает ли своих родителей? Знаком ли ему смысл термина «детство»? Только, боюсь, с тобой не захотят беседовать на подобные темы.

Ткань воспоминаний истончилась — иные зловещие образы прошлого вдруг начали накладываться на памятный разговор.

Ян откинулся на спинку кресла, глядя сквозь прозрачную рубиновую жидкость, налитую в бокал, на яркий искрящийся в хрустальном узоре свет.

— Значит, ты ищешь ответы на загадки истории?

Мари улыбнулась.

— А ты, охотник за головами, решил, что я собираю останки дройдов и тем зарабатываю на жизнь?

Пальцы Ковальского побелели.

Он залпом осушил бокал и с преувеличенной осторожностью поставил его на стол.

— Не называй меня так.

— Обиделся?

— Да.

— На правду не обижаются, Ян.

— Я вычищаю мразь, которая пытается протащить заразу в мой город.

Глаза Мари вновь наполнила печаль.

Вот и обозначилась пропасть, лежащая между ними. Конечно, он не предаст её этим вечером, но сможет ли понять?.. Судьба развела их по разные стороны баррикады, но само противостояние, с точки зрения Мари, являлось нелепостью. Да, было. Было вторжение андроидов, были те страшные дни, жертвы, была кровь, горе, отчаяние, ненависть, но…

Она могла бы объяснить Яну очень многое из познанного за годы исследований, однако стоило ли?

Нет. Мы тихо встретились и тихо разойдёмся, каждый со своей правдой. Мари было горько и неприятно думать, что единственный человек, чей образ не тускнел в её сознании, не может разделить с нею той тайны, к разгадке которой она подобралась уже так близко, что…

Мысль осеклась.

Так близко, что меня решили устранить? — страшная догадка обожгла рассудок.

Слишком похоже на правду. Слишком…

— Ян.

Он поднял взгляд.

— Кто дал тебе приказ на устранение?

— Я обязан отвечать?

— Боюсь, у нас обоих проблемы.

— В смысле? — Он саркастически усмехнулся. — Меня уже отделали по полной программе. Шутка ли — полтора десятка сервомеханизмов… При нулевом результате за такие потери по головке не гладят.

— Ты не понимаешь. У меня есть несколько убежищ. Утром я сама не знаю, в каком районе окажусь вечером. И тем не менее тебя точно вывели на цель. Не настораживает?

— Значит, за тобой следили, — пожал плечами Ян.

— Вот именно. Следили и не трогали. И вдруг — ликвидировать.

— Может, ты стала опасна?

— Да, наверное… — согласилась Мари. — Но не для жителей города, — добавила она.

— А для кого? — Ян подался, вперёд грузно навалившись на стол. Он уже изрядно выпил этим вечером.

— Я не приношу в город заразу. Да и не зараза это вовсе. — Глаза Мари холодно смотрели на Ковальского. — Всё не так просто, как *принято*

считать. И твои работодатели это знают. Я слишком близко подобралась к тайне их благополучия.

— Поделишься?

— А ты хочешь это знать? Только честно?

Глаза Яна сузились.

— Дай подумать. Наверное, нет.

На запястье Мари изящный браслет, выполненный в виде растительного орнамента, внезапно начал покалывать кожу.

Она лишь немного изменилась в лице, но Ян тут же насторожился.

— Что? — едва слышно спросил он.

— На улице, — так же тихо ответила Мари. — Вооружённые люди. Они блокируют ресторан.

— Откуда знаешь?

— Долго объяснять. В моей машине установлена система анализа. Я получаю сигнал.

— Сиди спокойно. Есть шанс, что это не за тобой. В городе часто происходят облавы. Документы в порядке?

Она кивнула, пытаясь в эти мгновенья понять, насколько причастен Ян к происходящему.

Нет. Ему было бы намного проще довести утреннюю операцию до логического завершения.

Она сидела лицом к двери и видела, как медленно распахнулись створки, пропуская внутрь двух человек в гражданском.

Расстояние от входа до столика, за которым сидели Ян и Мари, невелико, но она успела разглядеть незнакомцев, которые, даже не осмотрев обширный зал, прямиком направились к ним.

Сердце сжалось, потом учащённо стукнуло.

Уверенная походка. Равнодушно-брезгливое выражение лиц. Ни тени волнения. *Люди ли?*

Мари, пусть это не покажется странным, любила жизнь, но не страшилась смерти. Каждое утро она, просыпаясь, думала: ещё один день. Загадывать дальше не приходилось, ибо там, где пролегали её пути, один неосторожный шаг мог обернуться вечным покоем.

Ложась спать, расставляя ловушки, она закрывала глаза и думала:

«Ещё одна ночь…»

За нею охотились. И любая ночь могла стать последней.

Со временем чувство обострённой опасности притупилось, стало будничным и привычным, причиняя ровно столько же неудобств, как стесняющий движения старый костюм биологической защиты.

Шаг…

У одного глаза серые, у второго карие. Оба смотрят не на неё — их взгляды упёрлись в затылок Яну.

Ещё один шаг.

Под тканью дорогих костюмов взгляд не улавливает характерных признаков оружия.

Браслет всё сильнее покалывает запястье. Каждый разряд микротоков означает один отслеженный бортовым компьютером «Акцепта» сигнал, соответствующий эталону вооружённого человека.

Мари случайно нашла эту программу и долго не могла понять, каким образом она действует. Потом, когда разобралась, включила её в собственную систему контроля безопасности, одновременно пополнив и без того длинный список загадок.

Кто и зачем создал компактный, отлаженный комплекс мониторинга, распознающий не просто вооружённого человека, а вдобавок оценивающий его поведение: позу, дистанцию до объекта охраны и десятки иных нюансов, позволяющих отсеять ложные сигналы, не поднимая напрасной тревоги?

Будь в распоряжении Мари портативный компьютер, она смогла бы увидеть точную диспозицию блокировавших ресторан бойцов, но при ней по понятным причинам оказался только браслет, который покалывал кожу так часто, что надежда на чудо таяла, как дым…

Ян сидел, не шелохнувшись.

Двое незнакомцев остановились за его спиной.

Мари даже не порывалась бежать, она лишь сделала вид, что поправляет платье.

— Капитан Ковальский? — Левая рука цепко сжала плечо Яна, в то время как правая неуловимым движением выхватила оружие. — Вы арестованы.

Мари одёрнула платье, фиксируя взглядом происходящее.

Лицо Яна приобрело землистый оттенок.

Его глаза смотрели на Мари, взгляд был печальным, потерянным, он словно прощался с ней… навеки.

— Всё в порядке, мэм. Мы вынуждены забрать вашего спутника. Ни о чём не беспокойтесь.

Не человек.

До этого Мари не встречала в городе андроидов, которых по внешним признакам было бы невозможно отличить от людей.

Но всё когда-то происходит впервые. Однажды она видела подобных

существ, но то происходило в «запретке».

Голос. Глаза. Жесты. Слишком правильное построение фраз, отсутствие интонаций… и, как наглядное сравнение, — взгляд Яна, отчаявшийся, безмерно усталый, человечный, до непроизвольного спазма в груди.

Они пришли не за нею.

Ян медленно покачал головой.

«Не дёргайся, Мари. Ты ничего не изменишь», — вот что говорили его глаза.

Он устал. Устал жить, потеряв смысл, утратив цель, сам не веря собственным доводам о справедливости каждодневных деяний.

Ян, так нельзя. Ты…

Мари не ожидала, что чувство, оставшееся где-то в глубинах памяти, вдруг рванётся на волю, будто раненая птица, решившая либо погибнуть, либо проломить прутья клетки.

На её глаза внезапно навернулись слёзы.

Инстинкты. Извечная борьба души и рассудка, когда ситуация вдруг идёт вразрез с чувством самосохранения и разум тонет…

— Я думаю, мне лучше уйти.

— Мы вас не задерживаем.

В глазах Яна медленно таяла угасающая искра надежды.

Он, как безумец, в глубине души надеялся… на что? На чудо?

Нет, она всё делала правильно. Нет смысла погибать. У неё есть смысл жить, он же потерял его, утопил в кровавых буднях…

Злое и сладкое слово *жизнь*.

Почему в такие секунды обыденные вещи становятся особенно острыми, желанными — дышать, мыслить видеть, осязать…

Мари уходила.

Звук её тонких каблучков тонул в ковровом покрытии пола… и тем отчётливее, неожиданнее ударили два сухих выстрела, и, вторя им, звонко отозвался прошибаемый пулями металлокерамический сплав.

Ковальский резко обернулся, вскакивая, выворачиваясь из-под судорожно рвущих одежду пальцев, он успел увидеть глаза дройда, которые уже потускнели, став похожими на мутное стекло…

Машины.

По нервам ударил истошный женский визг, полупустой зал на секунду замер и тут же наполнился движением — посетители вскакивали со своих мест, Мари всё ещё стояла спиной ко входу, фиксируя взглядом падение двух искусственных тел, а двери уже начали открываться…

Мгновенья.

Ян вырвал оружие из скрюченных пальцев дройда, ладонь ощутила холод рукоятки, обострённое восприятие впитывало блаженное ощущение веса — в руку лёг привычный надёжный «АПС» [2], и мир изменился, меняя краски…

— Пригнись!

Мари резко присела, над головой оглушительно, уверенно, с оттенком злого облегчения в металлическом звуке дважды рявкнул «АПС», вбивая отнюдь не полимерные пули в открывающийся дверной проём.

Движения Яна были отточены до той степени смертельного автоматизма, когда рассудок выпадает из темпорального потока реальности, позволяя телу полностью выработать усвоенный с годами рефлекторный навык: автоматические двери, снабжённые объёмным детектором, послушно начали смыкаться, как только пули отшвырнули назад человеческое подобие, облачённое в экипировку специальных подразделений службы правопорядка, а Ковальский уже был рядом с Мари — подхватив второй «АПС», он прижался спиной к её спине, защищая собой от вероятного огня на поражение…

Немногим дано испытать в своей жизни подобные мгновенья, когда сквозь тонкую материю вечернего платья чувствуешь напряжение мышц закрывающей тебя спины, и сама вздрагиваешь, невольно считая ритмичные толчки отдачи.

Спина к спине.

Будто не было десяти лет разлуки и время обернулось вспять.

Девять…

Последние два патрона в стволах.

— Прикрой, перезаряжаю!

Смертельное движение, похожее на танец.

Шелест вечернего платья, тонкое кружево мыслей, запах… острый запах стреляных гильз, смешавшийся в воздухе с тонким ароматом духов, бледные испуганные лица — карусель образов на периферии сознания, — она развернулась, по-прежнему ощущая его спину, и оружие в руках Мари заговорило часто и сипло, короткими очередями отвечая на неприцельный огонь со стороны парковочной площадки.

Двери ресторана заклинило, покрытые паутиной трещин сдвижные створки продолжали судорожно дёргаться, между ними застряли, упав друг на друга, пять или шесть андроидов — приличная преграда для пуль, — искусственные тела дёргались, словно агонизируя, принимая на себя

свистящую смерть…

Сухой сдвоенный щелчок электромагнитных затворов.

— Мари, бесполезно держать вход!

Она понимала это не хуже, чем Ян.

Вопрос — как вырваться отсюда? Единственное реальное средство спасения — её «Акцепт», но до него сейчас, как до луны — кажется, рядом, а не дотянешься…

— Ян, уходим. Через подсобки. На параллельную улицу!

— Догонят.

— Делай, что говорю. Поверь!

Ковальский уже отыскал взглядом неприметную дверь, за которой только что скрылся перепуганный официант.

На парковочной площадке, привлечённый звуками выстрелов, начал собираться народ.

Всегда найдётся группа любопытных, для которых даже шальной разлёт пуль не препятствие, а скорее болезненный магнит.

Более здравые или трезвые посетители ночного клуба спешили к оставленным на стоянке машинам.

Среди возникшей суматохи неслышно заработал двигатель «Акцепта».

Мощный внедорожник первым покинул парковочную площадку, его водительское сиденье пустовало, но на данное обстоятельство никто не обратил внимания — все взгляды были направлены ко входу в ресторан.

Удар плечом вышиб дверь.

— На пол, дурень!

Официант, секундой ранее скрывшийся в подсобке, застыл, словно парализованный, загораживая и без того узкий проход.

Внезапно в противоположном конце помещения с треском вылетело сорванное с направляющих дверное полотно, и в открывшемся проёме показалась безликая фигура в полной боевой экипировке.

Растерявшийся официант вдруг дёрнулся — очередь, выпущенная из «Абакана», вспорола униформу служащего, наискось перечеркнув грудь несчастного, пули шли навылет, теряя энергию, звонко ударяясь о пластик облицовки, пятная стены влажными шлепками вырванной плоти…

Два «АПС» в руках Ковальского синхронно разрядились, Яну казалось, что он видит мутный инверсионный след пуль, прочертивших воздух над плечом оседающего на пол человека.

Защищающий голову «спецназовца» боевой шлем брызнул осколками забрала — обоймы, которые Ян конфисковал у пытавшихся арестовать его дройдов, были снаряжены спецпатронами с усиленным зарядом и бронебойной боевой частью.

Две гильзы, курясь кисловатым дымком, ещё падали, когда он рванулся вперёд, в смежное помещение. Следовавшая за ним Мари одной рукой подняла «Абакан», другой извлекала из простреленной «разгрузки» запасной магазин.

Крови здесь не было.

Ещё один андроид.

— Быстрее! — Ян обернулся, только сейчас заметив, что под растрепавшейся причёской Мари скрывается закреплённая за ухом гарнитура.

— У нас есть связь? С кем?

— Сейчас увидишь.

Они выскочили в глухой проулок. Задний двор ресторана остался в стороне, здесь же, в теснине близко расположенных зданий, царили сумерки, воняло неприбранными отходами, смутными тенями высились переполненные контейнеры для мусора.

— Туда! — Мари указала на светлое пятно — выход из проулка на освещённую автомагистраль уровня.

— Квартал блокирован, — поравнявшись с ней, на бегу предупредил Ян. — Нам не выбраться. Если только отсидеться где-нибудь.

Вот это вряд ли… — подумалось Мари.

Чуткий слух ловил признаки погони, тяжёлые торопливые шаги уже явственно раздавались за спиной, ещё немного, и топот выплеснется в теснину проулка.

Оказывается, они мыслили в унисон, по крайней мере в той части, что непосредственно касалась способов защиты и бегства.

— Контейнеры.

Мари кивнула.

— Две минуты. Задержи их!

Ковальский уже присел, найдя укрытие за выступом массивного мусоросборника.

Мари задержалась подле него лишь на миг.

Их пальцы соприкоснулись, когда она практически насильно отдала Яну автомат.

— Держи. Да не упрямься же! Дай «АПС». Сколько в них осталось?

— По три патрона.

— Держись.

Она исчезла, будто растворилась в сумерках, плотно угнездившихся меж высотных зданий.

Ян прижался плечом к холодному, влажному от постоянно оседающего конденсата выступу контейнера.

Пахло гнилью.

Он ничего не понимал. Внезапные события явились для него полной неожиданностью. До сегодняшнего вечера он и помыслить не мог, что на свете существуют модели машин, практически неотличимые от человека.

Кто их создал? И главное, кто им ставил задачу?

Какой смысл арестовывать его в ресторане? Это можно было сделать днём, сразу после доклада о проваленной операции.

Осветив узкое пространство, над головой промелькнул патрульный флайбот.

Ян, продолжая наблюдать за выходом из подсобных помещений, включил коммуникатор. Память прибора содержала, в том числе, и полицейские частоты связи, поэтому Ковальский сразу услышал голос:

— Докладывает борт 12–32. Наблюдаю массовое скопление народа на паркингах ночного клуба «Эверанс». Начинаю детальное сканирование. Похоже, внизу паника, сэр.

— Проверь всё тщательно. По поступившим сигналам, там только что была стрельба.

— Да, двери ресторана разбиты пулями. На входе тела… трупы.

— Дай изображение.

Секунда тишины.

— Крупнее!

— Экипировка спецподразделений.

— У нас не было сегодня выездов в данный район. Все спецгруппы на месте.

— Сэр, сканеры фиксируют ещё несколько человек в форме. Они садятся в светло-серый флайкар марки «Деннет» без опознавательных знаков.

— Следи за ними!

На площадке перед рестораном, где только что слышалась стрельба, группа любопытных опасливо приблизилась к разгромленному, изрешечённому пулями входу в заведение.

Пять или шесть тел лежали вповалку, друг на друге.

— Вот тебе и «спецы»… — раздался чей-то не совсем трезвый голос.

В этот момент гора тел, перегораживающая вход, покачнулась, два «трупа» откатились в сторону, но не мягко, а с неприятным стуком, будто тела уже успели остыть.

Толпа любопытных попятилась.

— Крови-то нет совсем! — выкрикнул тот же голос.

В бесцеремонно расчищенном проёме показалась фигура мужчины. Очевидно, он получил пулю в спину, иначе как объяснить рваное выходное отверстие на груди, где бледная плоть смешалась с материалом белоснежной рубашки и чёрными ошметьями ткани дорогого костюма.

Рана выглядела ужасающей, и в ропоте, прокатившемся по толпе любопытных, отчётливо прозвучал ужас, который вдруг сдавленно затих, онемел, как только уличные фонари и мигающая иллюминация при входе в ресторан позволили увидеть, что под разорванной одеждой, тускло поблёскивая, ворочаются *сервоприводы.*

Кто-то, не выдержав, заорал, бросившись прочь, иные, напротив, после секундного оцепенения подались вперёд, но самых неуёмных всё же остановил *пустой* взгляд незнакомца, подобравшего автомат, и его голос:

— Расступитесь. Дайте дорогу машинам.

Лучше слов подействовала очередь, выпущенная поверх голов.

К месту событий, разрезая выплеснувшуюся с танцпола толпу, двигались ещё два тёмно-серых флайкара.

Парящая в небесах патрульная машина резко спикировала вниз, но пули, щедро хлестнувшие по её броне, заставили пилота заложить крутой вираж.

— Борт 12–32, нахожусь под огнём. К ресторану выдвинулось ещё два флайкара. Они забирают тела.

На несущей частоте раздалось невнятное ругательство.

Дежурный офицер полицейского управления прекрасно видел всё происходящее на мониторах системы слежения.

— Двенадцатый, поднимись выше. Не упускай их из вида. Помощь в пути!

— Понял, сэр. — В голосе пилота патрульной машины послышалось облегчение. Менее всего ему сейчас хотелось оказаться там, среди толпы.

Ян слышал переговоры, он считал гулкие секунды, в такт ударам собственного сердца.

Преследования не будет? Они не из полицейского управления?

Где же Мари?

В этот момент в узкий проезд между зданиями ворвался

ослепительный свет фар.

Ковальский резко развернулся, но выстрелить не успел, его опередил голос Мари:

— Быстрее. Уходим!

Ян рывком преодолел десяток метров, отделявшие его от распахнутой дверцы шикарного «Акцепта».

За рулём машины действительно сидела Мари.

Он резко захлопнул дверь и тут же коснулся сенсора, опуская стекло.

«Акцепт», набирая скорость, начал стремительно сдавать назад, машина филигранно двигалась в узком проезде, что выдавало наличие мощного бортового компьютера и системы лазерных дальномеров.

— Мари, не молчи.

Она чуть повернула голову, посмотрев на Яна, и спросила:

— Что ты хочешь от меня услышать?

— Не темни. Я прослушал полицейскую частоту. Это не их отряд. В управлении тоже ни хрена не понимают!

— И? — «Акцепт» задом вылетел на проезжую часть оживлённой городской магистрали, его тут же развернуло, машина пошла юзом, на миг застыла под аккомпанемент саднящих сигналов, визга тормозов и громких угрожающих выкриков, а затем резко рванулась вперёд, как ни в чём не бывало влившись в плотный транспортный поток.

Ян положил автомат на колени и поднял стекло.

— Мари, ты должна мне объяснить, что происходит?

— Хочешь задам тебе точно такой же вопрос, Ян? — ответила она, отдавая управление автопилоту.

— Значит, ты непричастна к этому? — Ковальский достал сигарету. — А наша встреча? Случайность?

Он искоса посмотрел на Мари и вдруг увидел, как тень улыбки проскользнула по её губам.

Не издевательской усмешки, а именно улыбки, тёплой, человечной…

Ему вдруг стало не по себе.

— Случайность, Ян. Хотя в ней есть доля закономерности. Ты утром потревожил мой сон. Я нашла тебя, даже не предполагая, с кем именно встречусь. Раз в десять лет подобное вполне может произойти.

— Чему ты только что улыбнулась?

— Не чему, а кому. Тебе.

Её слова обожгли.

Он так и не прикурил сигарету, внезапно подумав, как стремительно пронеслись *мимо* десять лет жизни, не оставив ни одного светлого

воспоминания, сравнимого с мимолётной улыбкой Мари.

Неужели, скитаясь по заражённой запретной зоне, каждый день и час рискуя быть либо инфицированной, либо убитой, она сумела сохранить в себе частицу души, настоящего человеческого тепла?

Он сидел, сутулясь, будто десять лет состарили его, как тридцать, а она продолжала спокойно следить за дорогой.

— Я рада, что мы встретились, Ян, — произнесла Мари. — Случайно или нет, но встретились.

Он посмотрел на небольшие мониторы заднего вида и ответил:

— Я тоже рад. Только боюсь, наша встреча добавит тебе проблем…

Она перехватила его взгляд.

Сзади, лавируя в транспортном потоке, к ним приближались три тёмно-серых флайкара, похожие друг на друга, как братья-близнецы.

— Это они?

Ян кивнул, вновь включив коммуникатор, на этот раз задействовав устройство громкой связи.

Голос, ворвавшийся в тишину салона, не оставил сомнений:

— Сэр, я их засёк. Двигаются в северо-западном направлении. Пятый уровень двенадцатая магистраль.

— Что на сенсорах, не разберу… Они ведут преследование?

— Данные по расшифровке направленного излучения указывают на серебристый «Акцепт». Машина официально зарегистрирована на имя Мари Лерман. Она биолог, числится в штате управления внешних изысканий.

— Сейчас проверю. Кто ещё в машине?

— Сканирую… — Пилот патрульной машины запнулся. — Сэр, с ней Ян Ковальский, ликвидатор отдела контроля запретных зон.

На некоторое время в эфире наступила тишина.

— Слушай внимательно, Патрик, — наконец раздался голос дежурного офицера. — Держи «Акцепт» в поле зрения. Доклад каждую минуту. К тебе уже направлена помощь.

— Я могу узнать, в чём дело? Мне продолжать наблюдение за флайкарами?

— Всё внимание на «Акцепт». Его нельзя выпустить из города. Флайкарами займутся специальные подразделения. Они отсекут преследование.

— Понял, сэр, но…

— Без «но», сержант. По моим данным, Мари Лерман и Ян Ковальский погибли десять лет назад во время вторжения. В машине *не*

они, ты понял?!

* * *

Мари и Ян одновременно посмотрели друг на друга.

Немой вопрос был одинаково ясен. *Это правда?* — спрашивали глаза.

Ян не выдержал первым.

— Мари, ты должна объяснить…

— Почувствовал себя человеком? — с неожиданной обидой резко оборвала она его фразу.

— Я человек, — глухо произнёс Ян.

— Я тоже, — в тон ему ответила Мари.

— Зачем ты воспользовалась своим настоящим именем?

— Потому что это безопасно! В городе тысячи женщин носят эти же имя и фамилию. Или ты не знал? Сколько «Ковальских» содержит телефонный справочник? Можешь ответить?

— Не знаю. Много.

— Десять лет назад я исчезла, это верно. Но не погибла. А если у дежурного офицера хватило ума проверить биометрические данные по всей базе однофамильцев, то я тут ни при чём. Всё было нормально. До сегодняшнего дня, по крайней мере. Лучше ты мне объясни, как это капитана Ковальского угораздило попасть в списки мёртвых?

— Ничего не понимаю…

— Думай. Иначе мне придётся поверить, что ты…

— Извини, Мари. Погорячился. — Он поймал её взгляд и добавил: — Вскрывать вены не буду. Я живой.

А в голове всё же промелькнула, проскользнула холодной змейкой мысль: «Живой, как тот дройд, которому Мари прошила двумя выстрелами ядро системы, а он встал, *ожил*.

Это не жизнь. НЕ ЖИЗНЬ!..»

— Ян, успокойся, я тебе верю.

— С чего вдруг?

— Не вдруг. Ты сильно побледнел. — Она внезапно протянула руку, коснувшись тыльной стороной ладони его небритой щеки. — Всё нормально. Прорвёмся.

— Куда прорвёмся?!

— За город. В «запретку». Ко мне в гости, если тебя волнуют формулировки.

Он не ответил.

Теперь, наверное, уже всё равно. Чья-то рука вычеркнула его из

списка живых. Сделать это несложно, учитывая, что город, равно как и его граждане, за последние годы попал в сильную, если не сказать — абсолютную зависимость от глобальной информационной сети. Подменить несколько строк в базе данных, и всё — нет человека. Погиб десять лет назад.

Кто-то заранее готовился, зная, что сегодня вечером возникнет вопрос об идентификации его личности.

Или тела… — шепнул всё тот же холодный, притаившийся у сердца и гложущий его червячок сомнений.

— Ты ещё не понял, что нас элементарно стравливают? — нарушил его мысли голос Мари. — Дежурному офицеру сливают информацию, он выдаёт её в эфир, предупреждая подчинённых. Мы слушаем и вцепляемся друг другу в горло.

— Грубо.

— Нет. — Мари резко повернула на дорожной развязке, не снижая скорости, вписалась в разворот и вывела «Акцепт» на противоположную сторону движения, где в этот час многополосная магистраль была фактически свободна от машин. Основной транспортный поток шёл в город, они же теперь неслись к окраине.

— Тот, кто сейчас импровизирует, понятия не имеет о том, что пережито нами в прошлом. Он не смог просчитать твою утреннюю «неудачу», верно? И уж никак не предполагал, что я окажусь в ресторане, за одним столиком с тобой. Ну, включай логику, Ян!.. Стал бы ты сопротивляться аресту?

— Нет, — хмуро согласился Ковальский.

— И для посторонних всё прошло бы незамеченным, на уровне обыденности, — дополнила Мари. — Ну, взяли кого-то спецслужбы, в первый раз, что ли?

— Выходит, моя судьба была предрешена? — Ян произнёс это сквозь зубы. — Даже если бы я выполнил задание по твоей ликвидации?

Мари кивнула, наблюдая, как медленно, но неумолимо нагоняют их три тёмно-серых «Деннета». Тупоносые машины, разработанные для сельской местности, обладали повышенной проходимостью, но их скоростные качества оставляли желать лучшего. На магистрали вообще мало кто мог поспорить в скорости с элегантным «Акцептом», но это необычное трио упорно приближалось…

Спина к спине…

Тому, кто планировал операцию, явно незнакомо это ощущение… — Мари не пыталась подсчитать шансы, она пыталась понять, кто

противостоит им?

Поведение андроида, сумевшего подняться на ноги при критических повреждениях ядра системы, наводило её на вполне определённые и далеко не весёлые мысли.

Он сумел не только встать, но и осмысленно организовать эвакуацию тел своих менее удачливых собратьев, а затем начал преследование ускользнувшей из западни жертвы.

Случайность, с одной стороны, и холодный расчёт — с другой.

Так начался этот вечер, но теперь в игру вступали иные силы — холодная целеустремлённость против щемящих, неподвластных влиянию времени чувств.

Они очень близко подошли к нам по степени своей подготовки, технической, информационной оснащённости.

Мари украдкой посмотрела на Яна.

Понимал ли он, с каким противником им пришлось столкнуться?

Вряд ли.

Но он остался человеком, несмотря на свою внешнюю угрюмость, злобу, равнодушие, — всё это отражалось на лице, но не в сердце.

— Приготовься, Ян, — шепнула Мари, чувствуя, как от участившегося дыхания пересохло во рту. — Они не отстанут. И никто не собирается их блокировать.

Ковальский посмотрел на Мари со странной, присущей, наверное, только ему угрюмой нежностью и вдруг сухо ответил, опуская ветровое стекло:

— Работаем.

* * *

Дорога ровно стелилась под колёса, «Акцепт» шёл на скорости не менее двухсот километров в час, Ян приготовился к удару встречного воздуха, но Мари тронула его за плечо.

Он ненавидел, если его останавливали в критический момент, когда тело подобно сжавшейся пружине, но спустя секунду понял — её жест обоснован.

Коснувшись сенсора, она вернула стекло в исходное положение, затем сдвинула в сторону панель, за которой, по идее, должен располагаться вещевой отсек.

Ян увидел осветившийся монитор, похожий на навигационный дисплей заднего вида. Возникшее изображение оказалось монохромным, контрастным, с плавающей алой точкой, дрожащей в центре экрана.

Чуть ниже на шаровой опоре был закреплён механизм, явно заимствованный из зала игровых автоматов — покрытый пористой резиной манипулятор с пластиковой гашеткой.

От нехитрого контролёра внутрь приборной панели уходил оптический кабель.

— С чем он связан?

Мари только покачала головой.

— Не знаю названия, Ян. Калибр двенадцать с половиной миллиметров. Сервомотор снят с дройда. Комплекс закреплён под бампером, замаскирован под второе сопло выхлопа и настроен под одиночный огонь. Угол поворота ствола по горизонтали — тридцать градусов. Вертикаль только вверх — десять. Давай, пока они не начали обходить нас сбоку!

Ян энергично кивнул.

Тридцать градусов… Он до упора переместил джойстик, следя за алым маркером. Маловато. Точка прицеливания застыла, едва коснувшись крайней машины.

— Вижу. Бей центрального, я сманеврирую. — Она протянула руку, пристегнув Яна ремнём безопасности.

Он не сказал ни слова в ответ.

Алый маркер скользнул по видеоизображению мощного бампера, поднялся чуть выше и застыл.

Выстрел прозвучал глухим хлопком, металл брызнул искрами.

Проклятье… Рикошет…

Изображение начало смещаться, машина преследователей резко приняла вправо, уходя с линии огня.

Ян несколько раз сжал гашетку.

Первая пуля срикошетила от капота, ударив в лобовое стекло, покрыв его паутиной трещин, вторая прошила бампер, зато третий и четвёртый выстрелы попали в цель — крупнокалиберные пули прошили двигательный отсек, и центральный флайкар мгновенно начал отставать, будто проваливаясь назад.

В этот момент Мари резко, без предупреждения, затормозила.

«Акцепт» задрожал, но, сбрасывая скорость, не ушёл в сторону, продолжая двигаться по средней полосе.

Преследователи, отвлечённые выстрелами, не сразу отреагировали на внезапный манёвр — ещё секунда, и они поравнялись с «Акцептом».

Яна удержал впившийся в грудь страховочный ремень.

— Стреляй!

Боковое стекло автоматически опускалось.

Он чувствовал, что не может вдохнуть, — воздух выбило из груди в момент резкого торможения, но Мари…

В этот миг Ян успел подумать, что по-любому провалил бы утреннюю миссию — пока он вскидывал автомат, она, отпустив руль, разрядила в поравнявшуюся с ними машину две перезаряженные обоймы трофейных «АПС».

«Абакан» ударил секундой позже, ровная строчка пулевых отверстий пробежала по глянцевитому борту третьей преследовавшей их машины, флайкар тут же занесло, он проломил металлическое ограждение дороги, подпрыгнул, перескакивая поребрик, отделявший тротуар от проезжей части, и врезался в стену здания…

Мягкое ускорение сорвало прицел, толкнув Яна назад в кресло.

Вырвались?

Бронестекло вновь поднималось, отсекая визгливый шум покрышек, одиночные выстрелы, цвирканье пуль и приближающийся рокот патрульной полицейской машины…

На приборной панели заморгал огонёк вызова.

Мари включила громкую связь.

— …повторяю, водитель «Акцепта», маркер 45–94, остановитесь!

Мари и Ян переглянулись.

Что же сделала проклятая «запретка» с той девушкой, чей образ, несмотря на время и невзгоды, не тускнел в памяти лейтенанта Ковальского?

Он помнил её совершенно другой, напряжённой, сжавшейся в комок нервов, испуганной, с глазами, полными ужаса, непонимания и неприятия происходящего.

Хрупкая, худая, немного нескладная для двадцати лет…

И тем не менее оставшаяся с ним до конца, до последней бесноватой атаки, в которой уже не было возможности выжить.

Теперь Ян видел перед собой совершенно другого человека — если он умудрился постареть за истёкшие десять лет, то она, напротив, будто расцвела… только глаза остались прежними, хотя теперь в них уже не читался испуг и страстное, неизбывное желание жить.

Она смотрела на него устало, грустно и… уверенно.

— Прорвёмся, Ян.

Хотелось спросить — куда, но она уже отвернулась, сосредоточившись на дороге.

Он протянул руку и выключил коммуникатор.

Всё равно… Теперь уже всё равно…

Флайкары преследователей скрылись из вида, «Акцепт» свернул на эстакаду, ведущую под уклон.

Приближалась окраина мегаполиса, здания огромными уступами сбегали к основанию города, внизу, среди множества огней, виднелись отчётливые скопления проблесковых маячков полицейских машин.

Дальше, за городом, царила темнота, над головой, проступая сквозь зарево городской иллюминации, застыли крупные клубящиеся кучевые облака.

Впервые за десять лет Ян смотрел в небо и понимал, что ему снова хочется жить.

Как будто тоска, глодавшая душу, потерялась средь городских магистралей, не поспевая за стремительным «Акцептом» Мари Лерман.

Он посмотрел на неё.

Мари поймала его взгляд и улыбнулась краешком губ.

Улыбка. Бешеная скорость. Приближающиеся тревожные огоньки.

Путь к непонятной ему *свободе*, где хрупкая девушка пережила нечто более страшное, чем смерть, если могла сейчас улыбаться, ободряя его и себя.

Прорвёмся…

Слово, которое могло звучать по-разному, но в её устах оно почему-то не казалось синонимом смерти.

Ян уже различал скопившиеся на перекрёстке у выезда из города приземистые освещённые красно-синими отсветами силуэты полицейских машин, и его рука вновь невольно легла на автомат.

Мари, не поворачиваясь, отрицательно покачала головой:

— Не нужно, Ян.

— Нам не прорваться без боя, — возразил он.

— Я знаю. Поэтому мы не поедем туда. — Она быстрыми, заученными до автоматизма движениями отключила часть панелей автоматического пилотирования и, крепко удерживая руль, внезапно крутанула его вправо.

Резкий визг, облачко дыма из-под колёс, колоннада мощных опор, мелькнувшая в свете фар, и машина, перепрыгнув через поребрик, разметала бампером ограждение из металлических стоек, оказавшись в узком, плавно изгибающемся пространстве огромной железобетонной трубы.

Ян с трудом подавил в себе желание зажмуриться — посреди тоннеля, являвшегося основным стоком ливневой канализации города, возвышались

мощные дополнительные опоры, на которых, очевидно, стояло одно из окраинных зданий, но предчувствие обмануло — скорость, на которой «Акцепт» влетел в замкнутое пространство, вытолкнула машину на закругляющуюся стену, прижала к ней, позволяя нестись в полувертикальном положении, касаясь поверхности огромной трубы всеми четырьмя колёсами.

Бешеная гонка в клаустрофобическом пространстве продолжалась не более двух минут.

Бледное лицо Мари было напряжено так, что явственно проступили скулы.

Уже не ускорение, а перегрузка ощущалась каждой клеточкой тела.

Ян не понимал, как проскочат они выход, который наверняка забран мошной стальной решёткой и расположен на приличной высоте относительно уровня окружающих город полей.

Вот тут он ошибся.

Решётка когда-то была, но её давно убрали из-за постоянно застревавшего в ней мусора, а за годы эксплуатации под стоком образовался овраг, который регулярно засыпали вместе с различным принесённым водой хламом — в результате уровень почвы постоянно поднимался, превращаясь в своеобразную амортизационную подушку из многих слоёв песка и мусора.

Вырвавшись из теснины, «Акцепт» с погашенными фарами пролетел около двадцати метров, прежде чем с глухим ударом рухнул на свежую насыпь, взметнув по сторонам центнеры грязи.

Что-то с силой ударило в бампер, во тьме раздался скрежет металла, царапнувшего лобовое стекло, машину несколько раз развернуло вокруг оси и, наконец, остановило, заставив резко покачнуться на подвеске.

Ян почувствовал, как свежий воздух врывается в салон.

Не важно, что к запаху травы примешивались флюиды свалки, после всего пережитого воздух пьянил, каждый вдох шёл полной грудью, и он знал, что навсегда запомнит эту ночную прохладу, как некий символ перелома собственной судьбы.

Он украдкой посмотрел на Мари.

Она сидела, прикрыв глаза, пальцы, всё ещё сжимавшие руль, мелко подрагивали, и вопрос, готовый сорваться с губ Яна, вдруг застрял в горле.

Он просто накрыл её пальцы своей ладонью, внезапно и ясно ощутив, как безмерно одиноко было ей все эти годы.

Никто и никогда не накрывал её дрожащие пальцы своей ладонью.

Она открыла глаза.

Городские огни за задним стеклом «Акцепта» сияли ярко, но сегодня их свет не казался таким колючим, как в другие дни.

Они долго сидели в тишине, слушая, как шумит ветер да робко, прерывисто причитает в кустах потревоженная пичуга.

Мари отпустила руль и сжала его пальцы.

Ей всё ещё не верилось, что рядом Ян.

Десять лет назад он заслонил её своей грудью от роковой автоматной очереди. Но сейчас не прошлое возвращалось, вплывая из глубин памяти клочьями разорванных болью воспоминаний, нет, что-то новое, потерянное, забытое вливалось в душу вместе с тишиной и теплом его руки.

— Ну что… поедем?

Мари первой нарушила молчание и, уловив кивок Яна, завела заглохший двигатель.

Впереди разлилась чернильная тьма, там, за полями, начиналась запретная зона, окружившая со всех сторон огромный город, больше похожий на человеческий муравейник.

Местность, таившая нечто, не поддающееся осмыслению.

Ян не стал ничего говорить. Он понимал — всё, что совершила сегодня Мари, не имеет никакого отношения к спецподготовке. Это навык, вынужденно приобретённый *там*, образ жизни, связанный с ежедневным смертельным риском, а ведь она могла, абсолютно точно могла вернуться в город и жить, как живут тысячи других людей, как жил он сам до рокового вечера.

— Поехали. — Он убрал ладонь с её руки, понимая, что минуту назад ещё мог вернуться, но сейчас путь остался только один — туда, в непроглядную тьму, где выросла и повзрослела Мари — загадочная, но близкая ему женщина, вмиг вернувшая всё — и боль, и любовь, и отчаянную надежду.

Всё, что он любил, чего страшился, прятал в глубине души, теперь оказалось оголено перед лицом откровенной неизвестности.

Из запретной зоны не возвращаются.

Однако там живут, — в этом сегодня убедила его Мари.

«Акцепт», тихо подвывая надорванным двигателем, медленно выкарабкался на просёлок и устремился прочь от сияющего огнями города.

Глава 5

Запретная зона…

Город остался позади. Долгое время они ехали молча, думая каждый о своём, не пытаясь обсуждать события этого вечера.

Мари включила фары.

В их свете мелькали придорожные заросли, которые постепенно, по мере того как «Акцепт» углублялся в границы запретной зоны, принимали всё более странный и зловещий вид.

Большинство деревьев и кустарников отсвечивало серебром, зелень на фоне металлизированной субстанции казалась тёмной, почти чёрной.

Ян, хмуро глядя на окрестности, не испытывал страха. Всё самое жуткое, связанное с непонятной формой проказы, в равной степени поражавшей растения, людей, животных, механизмы, осталось в прошлом.

Он не раз бывал в границах запретной зоны, чтобы привыкнуть к подобным картинам, но сейчас окружающая действительность, ограниченная световым конусом фар «Акцепта», казалась ему особенно зловещей и неприглядной.

Неизвестно, о чём думала Мари, но её взгляд, устремлённый на дорогу, казался застывшим, будто её рассудок витал сейчас где-то очень далеко.

Ян покосился на приборную панель. Индикатор автопилота успокаивающе подмигнул ему, словно хотел сказать: успокойся, я знаю, куда следует ехать.

«Вот и я стал одним из отверженных…» — с горечью подумал Ян, не задаваясь вопросом: что лучше — стать изгоем или медленно остывать в городском морге?

Не было у него выбора. Кто-то решил, что капитану Ковальскому настала пора покинуть бренный мир.

Просчитались. Но становилось ли от этого легче?

Они ехали уже довольно долго. Ян не сверялся по часам, но времени прошло достаточно, чтобы по наикратчайшему пути пересечь поперечник запретной зоны и оказаться на границе вулканических пустынь.

В свете фар из темноты выступили очертания давно заброшенных построек.

«Агроферма», — внимательно присмотревшись к обветшалым строениям, определил Ковальский, и тут же, словно удар пули на излёте,

пришло запоздалое узнавание: это же тот самый посёлок, где они встретились с Мари десять лет назад!..

Да, точно. Ян увидел одноэтажное здание медицинского пункта, и сомнения, если они и были, рассеялись.

— Мари? — после долгого молчания его голос в тишине салона прозвучал хрипло. — Я не ошибаюсь, это тот самый посёлок?

— Да, — ответила она.

— Здесь одно из твоих убежищ?

— Немного дальше, Ян.

Ковальский не стал донимать её вопросами. Мари выглядела усталой и напряжённой. «В конце концов, — мысленно рассудил Ян, — она лучше меня знает „запретку“. Глупо полагать, что после вечерних событий она направила машину именно сюда ради того, чтобы ещё раз потревожить пепел былого, который и так кружил в памяти…»

Вот и граница. Старый дорожный указатель до сих пор торчал у обочины, предупреждая: «До границы терраформированных территорий 10 километров. Соблюдайте осторожность».

Если Ковальскому не изменяла память, дорога доходила до нечёткой границы между лесными посадками и пустыней, обрываясь километрах в двух за тем самым холмом…

Мари свернула на обочину, в свете фар мелькнул едва приметный съезд, которым пользовались очень редко. Теперь «Акцепт», автоматически изменив клиренс, двигался среди сюрреалистической смеси травостоя, где серебристые, похожие на проволоку образования соседствовали с обычными луговыми травами.

Ян, у которого лёгкий озноб пробежал вдоль позвоночника, подумал:

«Лучшей защиты и не придумаешь. Ни один человек, если он в здравом уме, не ступит ногой на подобный луг».

«Акцепт» мягко уминал колёсами две разительно отличающиеся формы растительной жизни. Похоже, что Мари совершенно не беспокоилась по поводу серебристой заразы, которая неизбежно забьётся в протектор.

Минуту спустя они выехали на старую гарь.

Ковальский по-прежнему молчал. Теперь его мысли невольно переключились на прошлое. Здесь он принял свой первый настоящий бой. Тут навеки остались ребята из его взвода…

Неужели Мари не понимает этого? Зачем она привезла его сюда?

Страшный морок кружил в ночи, постепенно окутывая сознание Ковальского будто саван.

Перед широко открытыми глазами мелькали фантомные вспышки выстрелов, гулкая тишина полнилась внезапно проявившимся током крови, до слуха из бездны памяти доносились предсмертные крики.

— Я похоронила их, Ян, — тихо произнесла Мари, словами прогоняя наваждение. — Всех.

— Ты привезла меня сюда ради…

— Нет, — мягко прервала его Мари. — Я не фаталистка, но, видно, всё же есть Судьба. Мы встретились, хотя подобное казалось мне невероятным, не приходило даже в мыслях. Но ты рядом. — Она на миг отвлеклась от петляющей меж деревьев дороги, взглянула на напряжённый профиль своего спутника и добавила: — Теперь нас двое. И это может изменить многое.

— Прости, Мари, но я не понимаю ход твоих мыслей.

— Поймёшь, Ян. Дай немного времени, и ты всё поймёшь.

Он кивнул, интуитивно соглашаясь: не всё можно объяснить словами. Тем более что извилистая, едва приметная колея постепенно начала забирать вверх по склону рокового холма.

— Это как-то связано с раскопками, что вели дройды? — всё же не выдержав, спросил он.

— Верно. Я продолжила их, — неожиданно призналась Мари. — Тебе нужно увидеть это своими глазами.

— Это так важно?

— Важно? Да. Без сомнения. Многое предстаёт совершенно в новом свете. В частности, загадочная история нашей колонии. Помнишь, я рассказывала тебе в ресторане о моём коллеге, пожилом биологе?

Ян кивнул.

— Так вот, он оказался прав. У первого поколения людей не было родителей, по крайней мере, в нашем понимании данного термина.

«Акцепт» проехал ещё несколько метров и остановился.

Впереди, освещённая лунным светом, простиралась лишённая растительности, изрытая шурфами и раскопами вершина пологой возвышенности.

* * *

Ян смотрел сквозь лобовое стекло «Акцепта» на безжизненную, покрытую шрамами оплывших от времени раскопов землю.

Сознание, в силу инерции памяти, цеплялось за *место* события, которое под корень надломило его судьбу.

Усталость прожитых в напряжении суток навалилась как-то сразу,

вдруг, будто организм, словно деталь автомата, сняли с боевого взвода.

Ладонь Мари коснулась щеки Ковальского, заставив его вздрогнуть.

— Почему ты улыбаешься? — стараясь скрыть растущую усталость и раздражение, спросил он.

Она убрала руку, не то уколовшись о его щетину, не то ожёгшись о слова…

— Ты ничего не понимаешь, Ян?

Он сумрачно промолчал.

Он промолчал, а Мари не могла объяснить, лёгкая улыбка, словно тень несбыточной надежды, *непрожитой* ими жизни, продолжала скользить по её губам.

— Не жалей, — произнесла она. — Не оглядывайся назад, и тебе станет легче.

— Но, Мари… — Он резко обернулся, даже не пытаясь понять смысл её слов.

— Ян, неужели десять лет ты прожил вот так?

Он невольно опустил взгляд.

— А как мне было жить? — глухо спросил он. — Чему мне было радоваться, на что надеяться?

— Тебе не нужно было становиться охотником, — без тени упрёка ответила Мари. — Не комплексуй. Пойдём. Мы оба устали.

— Куда? — Ян снова взглянул на окружающую их изрытую землю и всё же мысленно признался себе, что опасается выходить из машины.

Мари не стала уговаривать его. Просто открыла дверь «Акцепта» и вдруг сладко потянулась, разминая затёкшие от долгой езды мышцы.

Ковальский смотрел на неё, а внутри опять стыл холод.

Кем она стала за истёкшие годы? Ян не мог назвать себя трусом, но ему было не по себе. Метрах в трёх вниз по склону росла серебристая дрянь…

— Ян, пойдём.

Он сидел, сжимая в побелевших пальцах надёжный «АПС».

Поверить. Сделать первый шаг навстречу непонятному образу жизни, которого он не просто не знал — не считал возможным.

А если я ошибался?

Значит, ошибались все? Большинство?

Извечный вопрос: может ли один противостоять толпе, массе, стереотипу большинства?

Губы Ковальского тронула горькая усмешка.

Тихо чавкнул пневмоуплотнитель пассажирской двери. Нога

коснулась сухого рассыпчатого грунта. Пряный воздух ночи ударил, оглушил, а пальцы по-прежнему цеплялись за ощущение успокаивающего веса надёжного оружия.

Мари обернулась.

Её фигура, облитая таинственным лунным светом, олицетворяла всё, что он мог любить. Образ Мари был единственным, который приходил во снах, даруя покой среди кошмаров. Думал ли он встретить её вновь?

Нет.

Ян был уверен, что Мари погибла. Он видел, как девушка падала, подрубленная автоматной очередью…

Тёплая ладонь вновь коснулась его щеки.

— Пойдём же…

* * *

Узкий, тёмный раскоп, края которого были укреплены листами пластика, оканчивался обнажившимся из-под земли люком.

Мари без труда открыла его, массивная овальная плита с вибрирующим гулом падающего механизма уползла вбок, выпустив наружу поток тусклого желтоватого света.

— *Это* искали андроиды?

— Да. — Мари перешагнула отмеченный уплотнителем порог. — Заходи.

— Почему так тесно? — Ян едва смог повернуться в небольшом тамбуре. Внешний люк начал обратное движение.

— Мы в переходной камере. Внутренние помещения отделены от внешнего мира. Сюда не может попасть инфекция.

Ян не успел спросить «почему», как почувствовал ток горячего, остро пахнущего воздуха, нагнетаемого через невидимые отверстия. Несколько секунд в тесном переходном отсеке росло давление, затем ему показалось, что вокруг бесновато взвихрился смерч.

— Закрой глаза.

Он и так зажмурился, потому что ветер обжигал слизистые, закладывал уши, насильно заставлял дышать, наполняя лёгкие отвратительной, вызывающей спазматический кашель атмосферой.

— Что… это было?..

Ян с трудом открыл глаза, не веря, что остался жив.

Из невидимых отверстий как ни в чём не бывало теперь нагнетался свежий, отдающий запахом озона воздух.

— Дезинфекция.

Внутренний люк дрогнул и мягко, без вибраций, ушёл в переборку.

— Вот мы и дома. — Мари перешагнула порог, коснулась сенсора, и часть стены длинного коридора вдруг просветлела, превращаясь в экран.

Подобного Ян ещё не видел.

Секция внешнего обзора показывала вершину холма. Оставленный снаружи «Акцепт» внезапно тронулся с места, свернул в более широкий наклонный раскоп и исчез из поля зрения.

— Там ещё один вход, — пояснила Мари. — Для техники. Можешь быть уверен: тут нас не отыщут и не потревожат.

— А если кто-то ещё знает про бункер?

— В том и дело, что мы не в бункере. Всё намного сложнее… и проще, — загадочно ответила она. — В двух словах не объяснишь. Мне потребовалось пять лет, чтобы проникнуть сюда и разобраться, что к чему.

Ян лишь покачал головой. Что ему оставалось делать? Только верить Мари на слово.

— Не хмурься. Пойдём.

* * *

За длинным коридором, в стенах которого Ковальский насчитал с десяток плотно запертых дверей, открылся просторный зал с полусферическим потолком. Странная с виду мебель в виде мягких кресел, снабжённых непонятными механизмами, окружала овальный стол. На стенах без видимой симметрии перемигивались точечные индикаторы скрытых за облицовочными панелями систем. Воздух был чистым, если не сказать — стерильным.

Всё выглядело чуждо, необычно. Ни в самом городе, ни в старых заброшенных бункерах Ковальский не встречал подобных интерьеров.

Он сел в кресло, которое тут же начало менять форму, подстраиваясь под особенности его телосложения.

Только сейчас он понял, как смертельно устал. События последних суток окончательно измотали его, глаза в буквальном смысле начали слипаться, как только мышцы непроизвольно расслабились в объятиях мягкого удобного кресла.

Ян даже не почувствовал, как провалился в глубокий сон.

Впервые за много лет ему не снились кошмары.

* * *

Проснулся он полностью отдохнувшим.

Ещё не открыв глаза, Ян удивился чувству безмятежного покоя, какого

не испытывал много лет.

Последний раз он просыпался подобным образом в далёком детстве.

Сладкие секунды, когда рассудок ещё не полностью покинул мир грёз, внезапно и необъяснимо оборвались ворвавшимся в сознание чувством тревоги.

Где я?

Он открыл глаза.

Низкий потолок незнакомого помещения источал приглушённый свет.

Сквозь ощущение тревоги тут же пробилось воспоминание о том, как он уснул в мягком кресле.

Мари? Где она?..

Ян рефлекторно пошевелился, намереваясь вскочить, но замер, ощутив тёплое прикосновение.

Медленно повернув голову, он увидел Мари.

Она спала, обняв его, абсолютно нагая (впрочем, как и он сам).

Одеяло, которым они были укрыты, сползло на пол. Взгляд Яна скользнул по плавным изгибам её тела и вдруг похолодел, остановившись на руке, что так ласково, так доверчиво обнимала его.

Чёткие шрамы от пулевых ранений тянулись от плеча к локтю, острое вспышечное воспоминание тут же ворвалось в рассудок: он явственно увидел, как Мари оседает на забрызганную кровью броню вездехода, автомат с глухим стуком ударяется о край люка и исчезает из поля зрения, теперь он видит только разорванную ткань униформы и раздроблённый пулей локтевой сустав…

Ужас, отчаяние тех секунд вернулись с новой силой, но теперь они приобрели иной оттенок: он смотрел на её руку и видел знакомые до дрожи серебристые пятнышки той самой субстанции, что поразила окрестности, сформировав пресловутую запретную зону.

Крохотные вкрапления серебра в местах попадания пуль переходили в продолговатое пятно, полностью покрывающее её локоть.

Ян внезапно почувствовал резь в груди, осознав, что не дышит.

Его сознание рвалось на части: ощущение тепла, ласкового, доверчивого, желанного прикосновения не исчезло, но взгляд уже не мог оторваться от пятен серебристой проказы…

Судорожный вдох разбудил Мари.

Она сладко потянулась, что-то прошептала в полудрёме и вдруг, вздрогнув, открыла глаза.

— Ян!..

Он лежал, не шелохнувшись, мышцы уже успели одеревенеть от

напряжения…

— Только ничего не говори, ладно? — Она встала, накинув халат. — Я сейчас всё объясню. — Мари, сделав над собой усилие, присела на край постели и коснулась ладонью его плеча. — Расслабься. Я… — На глаза Мари вдруг навернулись слёзы. — Я не могла поговорить с тобой накануне…

Ян не понимал, почему он слушает её, почему…

— Да, я выключился прямо в кресле.

— Ну, не совсем выключился… — В её глазах сквозь боль вдруг прорвался лукавый огонёк.

Смутные полуосознанные воспоминания хлынули в рассудок Яна.

Теперь он понял, почему проснулся совершенно голый.

— Это не болезнь, Ян, — дошёл до него голос Мари. — Не болезнь, поверь. Правда, мне самой понадобилось время, чтобы уверовать в это.

— Поэтому ты не вернулась в город? — спросил он первое, что пришло на ум.

Мари закрыла глаза, но это не помогло, — предательская слезинка уже сорвалась с ресниц, прочертив влажную полоску на щеке.

— А кто бы вернулся на моём месте?..

Говорят, что время лечит любые раны, в том числе и душевные, но существует род воспоминаний, которые не подчинены правилу, они не стираются с годами, не теряют яркость и остроту.

Как будто всё случилось вчера…

…Она очнулась от боли.

Рука горела огнём, не было сил пошевелиться, и Мари смогла лишь мучительно скосить глаза. Словно в тумане перед ней возник борт вездехода, огромное колесо, и… лужа несвернувшейся, отливающей *серебром* крови.

Крик застрял в пересохшем горле.

Она лежала, не в силах пошевелиться, и смотрела на собственную руку, которую кто-то испятнал металлизированными кляксами, как будто на её раны пролили ртуть.

Бой уже отгремел, вокруг стояла звонкая тишина.

Затем где-то далеко зародился звук шагов, а вместе с ним и голоса:

— …никогда бы не поверил, не увидев своими глазами. Эта серебристая дрянь повсюду. Помнишь, утром подобрали двух раненых?

— Ну, помню, — глухо отозвался второй голос.

— Они заражены. Эта пакость въелась в раны. Хирурги пытались её

удалить, но бесполезно. Оба умерли на операционном столе.

— Вот дрянь…

Голоса приближались, и Мари, едва соображая, что делает, стала отползать, боком протискиваясь под просевшее днище разбитого вездехода.

Её не заметили…

* * *

— Чуть позже я всё покажу тебе на медицинском сканере, ладно? — предупреждая вопрос, попросила Мари. — А сейчас давай временно оставим эту тему.

Яну потребовалось всё самообладание, чтобы элементарно кивнуть в ответ.

Мари оценила его выдержку.

— Не беспокойся. Я *не предам* тебя, Ян.

Ей хотелось сказать ему очень много, но слова, упрямые слова путались в мыслях, горько щемили душу, и, отвернувшись, она лишь до боли прикусила губу.

Иногда это помогало.

— Ян, вот эта дверь ведёт в душевую. Одежду я сейчас принесу.

Не комплексуй, Ковальский.

Он стоял под горячими струями воды, тщетно пытаясь урезонить свой взбунтовавшийся рассудок.

Было ли ему страшно? Или, быть может, он чувствовал отвращение?

Нет.

Это Судьба. Та самая капризная судьба, которая отшвырнула его тугой взрывной волной на добрый десяток метров от вездехода и оставила корчиться на земле, ничего не соображающего после контузии…

Ветер дул от станции в сторону распахнутых ворот, и он лишь волей случая не подвергся воздействию вездесущей серебристой пыли.

Его вовремя подобрали, удачно прооперировали, а она?..

Ян честно попытался, но не смог представить, каково пришлось ей — израненной, отверженной, навсегда вычеркнутой из списка живых?..

На миг подумалось: где она черпала волю к жизни?

Память хранила образ девушки, совершенно неготовой к жестоким испытаниям, но… то была другая Мари. Абсолютно другая.

Даже опыт многократных вылазок в запретную зону не мог дать ему реального представления о её жизни, страданиях, мечтах, надеждах…

Ты должен либо бежать отсюда, сломя голову, либо…

Я не предам тебя, Ян…

Её слова переворачивали душу, заставляли сердце биться часто и неровно.

Стоя под горячими, колкими струями воды, Ян судил не её, а себя…

Кем я стал за истёкшие десять лет?

Было страшно. Он лишь на секунду мысленно примерил бремя её невзгод, сравнил свою угрюмую жестокость с улыбкой, что в критические секунды мелькала на губах Мари, отдавая ему частицу тепла и уверенности.

Жить тут, на проклятых, заражённых землях и при этом не озлобиться до уровня абсолютной, непрощающей ненависти к тем, кто однажды бросил её в посёлке, бежал, забыв обо всём под гнётом внезапного ужаса…

Ты бы смог пройти через такое, Ян?

Он резко выключил воду, ощутив, как из невидимых отверстий тут же пошёл сухой тёплый воздух.

Будь, что будет, но я остаюсь.

* * *

Мари ждала его со свёртком одежды.

Ян на миг поймал её взгляд, удивляясь тому, как её облик может сочетать в себе явное внутреннее напряжение, отчаянную надежду и…

— Я никуда не уйду, Мари. — Он принял из её рук герметичный пакет, попробовал ободряюще улыбнуться и понял, что отвык от подобной мимики.

Она сидела в кресле подле прикроватного столика, на котором лежали два трофейных «АПС».

— Твоё оружие, Ян.

Он обернулся.

Почему в жизни наступает момент, когда вдруг без подготовки приходится заново переоценивать себя?

Отчего он так остро сопереживал каждому жесту, слову, взгляду? Десять лет он жил как придётся, словно в дурном, повторяющемся сне, от одной «ликвидации» до другой, не мучась совестью, полагая, что все точки над «i» расставлены, и его *работа*, от которой медленно черствела душа, позволяет другим людям нормально жить…

Всё не так…

Теперь город, оставшийся за десятки километров отсюда, представлялся ему мрачной загадочной глыбой, где в извилистых ущельях улиц присутствует нечто нераспознанное, двигавшее им, как пешкой,

дозволявшее существовать, замкнувшись в личном аду безысходности, пока капитан Ковальский не сделал шаг в сторону.

Он украдкой посмотрел на Мари, которая выглядела сейчас абсолютно беззащитной, словно вчера и сегодня рядом с ним находились две разные женщины, и хрипло, не узнавая собственного голоса, ответил:

— Ни к чему, Мари. Здесь нам ничто не угрожает, верно?

— Ян, ты практически *ничего* не знаешь. — Она говорила медленно, тщательно подбирая слова, будто ломала ими хрупкую, льдистую стену, возникшую между ними. — Не хочу, чтобы позже ты раскаивался в выборе. Есть вещи и явления, которые человек из города истолкует по-своему…

— Оставь, Мари. — Он наконец разобрался с системой магнитных застёжек необычной цельнокроенной униформы. — Вчера всё толковалось однозначно. Меня откровенно пытались отправить в холодильник городского морга. И не факт, что я справился бы в одиночку. Ты ведь тоже принимала решения по обстоятельствам, верно?

— Я даже не знала, что ты жив, Ян.

— Тем более… — Он присел подле неё. — Успокойся. Извини, что я шарахнулся от тебя.

Мари, не выдержав, подалась к нему, прижалась всем телом и тихо прошептала:

— Господи, Ян, если б ты знал, как я устала быть *сильной*…

* * *

После завтрака она повела его в знакомый коридор, к запертым накануне дверям.

Ковальский старался воздерживаться от преждевременных вопросов, хотя не вполне представлял себе, что за конструкцию скрывают недра холма? Судя по необычной отделке помещений, их планировке, системам автономного жизнеобеспечения и прочим постоянно бросающимся в глаза нюансам, они находились не в бункере…

— Здесь медицинская лаборатория, — произнесла Мари, отпирая двери прикосновением к неприметному на фоне стены сенсору.

Отсек, куда они попали, поразил Ковальского своими малыми размерами и обилием разнообразнейшей аппаратуры. Большинство приборов он видел впервые, разве что комплексный медицинский сканер, закреплённый над жёстким пластиковым ложем, показался ему знакомым.

— Начнём с меня. — Мари пробежала пальцами по сенсорным переключателям, активируя сложный приборный комплекс. Завершив манипуляции над панелью управления, она положила руку на поднявшийся

планшет.

Подвеска сканера автоматически повернулась, тонкая полоска изумрудного света начала медленное движение от запястья к локтевому суставу и выше…

По мере сканирования на расположенном рядом мониторе программа диагностики формировала объёмное полупрозрачное изображение, демонстрируя внутреннее строение исследуемого объекта.

Ян внимательно следил за возникающими на экране подробностями. Вот зелёная полоска добралась до первых металлизированных пятнышек, вкраплённых в кожу на месте зарубцевавшихся шрамов от ранения.

Отчёт системы оказался краток и не совсем понятен:

«Колония микромашин стабильна. Дополнительная стерилизация не требуется. Энергодостаточность в норме».

Изумрудная полоска двинулась дальше. Теперь Ян отчётливо видел, что от серебристых вкраплений сквозь мышцы к локтевому суставу тянутся тонкие нити, похожие на гибкую проволоку толщиной не более волоса.

Наконец сканер добрался до области основных повреждений.

Раздроблённые пулей кости были в буквальном смысле «сцементированы» серебристой субстанцией, мелкие осколки, видимо, растворились в ней, и на экране миллиметр за миллиметром вырисовывалось изображение своеобразной «отливки», полностью заменившей собой повреждённое соединение.

От порванных сухожилий к искусственному суставу тянулись металлизированные отростки, тысячи нитей, сплетаясь, образовывали нужную структуру соединений, обеспечивающую связь с мышцами.

Ян никогда не сталкивался ни с чем подобным. Нет, он, конечно, знал, что уровень современной хирургии позволяет имплантировать человеку искусственные суставы, но любой имплант выглядел грубой поделкой по сравнению с изображением на мониторе.

— Это возникло само по себе? — наконец спросил он.

Мари напряжённо кивнула.

— Никаких побочных эффектов, — скупо сообщила она. — Ни отторжения чужеродных тканей, ни воспалений, ни фантомных болей. Я ощущаю обе руки одинаково, понимаешь?

Ян не нашёлся что ответить.

— Тут написано «колония микромашин».

— Да. Каждая частичка серебристого вещества представляет собой микроскопический механизм. Мой искусственный сустав не более чем колония частиц…

— Выходит, внедрившись через кожу, они сами сформировали протез?

— Да, — ответила Мари. — Только вот я узнала об этом всего несколько лет назад, когда сумела проникнуть в данный комплекс. До того времени я считала, что заражена, инфицирована, и вопрос моей смерти, по сути, предрешён.

— А как скоро затянулись твои раны?

— Примерно за неделю. Я плохо помню тот период. Почти сплошное беспамятство… и ужас в моменты просветления рассудка.

— Постой… — Ян исподлобья взглянул на контрольный монитор. — Никто никогда не слышал о существовании «микромашин». Я даже со словом таким не встречался. Это ты ввела в систему соответствующие понятия?

— Нет.

Ковальский почувствовал, как спину обдало жаром.

— Диагностический комплекс? Он изначально оперировал данным понятием?

Мари кивнула. Комментарии тут были излишни. Она отлично помнила собственное потрясение, когда аппарат диагностики распознал чужеродное включение как «колонию микромашин» и, не посылая никаких запросов, совершил само собой разумеющееся (с точки зрения медицинского комплекса) действие — обработал руку Мари особой формой излучения, после чего пятна на её коже перестали изменять свой диаметр и плотность — колония была «стабилизирована».

Она убрала руку с планшета, и сканирующее излучение тут же погасло.

На лицо Ковальского стоило посмотреть. По бледным щекам капитана блуждали пунцовые пятна.

— Это не бункер… — наконец, справившись с внезапным потрясением, озвучил он давно сформировавшуюся мысль. — И автоматика оперирует неизвестными нам технологиями. — Он поднял взгляд. — Мари, где мы находимся? Это постройка принадлежит другой цивилизации?

Несомненно, она задавала себе тот же самый вопрос… только несколькими годами раньше, поэтому Ян мог рассчитывать на ответ… ну или хотя бы на гипотезу.

— Иная цивилизация тут ни при чём, — ответила Мари. — Хотя мне поначалу пришла в голову именно такая мысль — списать всё на гипотетический иной разум, — призналась она. — Вот только не вышло… Это наши технологии, Ян. Вся аппаратура, и не только медицинская,

ориентирована на человека, понимаешь? Я биолог и уж в этом сумела разобраться однозначно.

— Что ещё ты смогла узнать? — Яна лихорадило, он даже не пытался скрыть гуляющую по телу нервную дрожь.

— Следующая мысль была о регрессе нашей цивилизации, — произнесла Мари, понимая, что успокаивать Яна глупо, да и бесполезно. — Ты должен понять мою логику: если здесь всё ориентировано на человека, значит, наши предки изобрели микромашины, а потом, в силу каких-то причин, цивилизация пришла в упадок, утратив большинство знаний.

— Это не так?

Мари отрицательно покачала головой.

— Помнишь, о чём я рассказывала тебе в ресторане?

— Относительно профессора биологии?

— Да. Старшее поколение, Ян. Люди, которые, по его словам, не в состоянии назвать своих родителей или элементарно вспомнить хотя бы малый эпизод собственного детства.

— Ты считаешь, он говорил правду? — Ковальский чувствовал, что вместо ответа он получает лишь массу новых вопросов.

— У меня нет причин не верить ему. Именно он указал мне на вопиющую странность: наши поселения расположены на площади смехотворно малого оазиса, затерянного среди безжизненных вулканических пустынь. Я лишь развила его мысль, спросив себя — где настоящая биосфера? Где хотя бы руины существовавших ранее городов?

— Их нет… — был вынужден признать Ян. За десять лет он исходил вдоль и поперёк всю запретную зону и понимал, о чём говорит Мари. Действительно, со всех сторон островок жизни окружали мёртвые пространства.

— Но ведь должно быть разумное объяснение всему этому.

— Оно есть. — Мари поймала его взгляд и, не отпуская, добавила: — Когда я поняла, что теория регресса несостоятельна, то попробовала определить истинный возраст и структуру данного сооружения. Для этого мне пришлось брать сравнительные анализы грунта и непосредственно того материала, из которого состоит сама конструкция. Знаешь, что я обнаружила, Ян? Снаружи стены этих помещений покрыты окалиной, а прилегающий грунт носит следы плавления.

— И что? — Ковальский откровенно не понял, какой следует сделать вывод.

— Пока не знаю, — признала Мари. — Но у меня есть кое-что любопытное.

— Теория? — без тени иронии спросил Ян.

— Источник информации, — ответила Мари. Посмотрев на Ковальского, она вздохнула.

— В чём дело?

Мари нежно коснулась ладонью его щеки.

— Я боюсь за тебя, Ян… — тихо прошептала она.

Он недоумённо посмотрел на Мари, потом решительно обнял её за плечи, заставив посмотреть себе в глаза.

— Не говори загадками. Что случилось? Почему такой вид?

Она прижалась к его груди.

— Мы разные. — Её шёпот обжигал щёку горячим, прерывистым от волнения дыханием.

— Почему ты стала искать меня, Мари?

— Я искала *человека*… Понимаешь? И не мечтала, что встречусь с тобой. А что до остального…

Ян чувствовал, как бьётся её сердце.

— Мари…

— Ты не знаешь «запретку», только не возражай, ладно? Я провела тут годы, и поверь, большинство ужасов, что творятся тут, — лишь обыденные явления, умело преподанные рядовым жителям города в негативном свете.

— Но я-то знаю зону не понаслышке…

— В том и беда. Мы разные. Я изучала заражённое пространство и его обитателей, потому что здесь проходила моя жизнь. А ты приходил сюда убивать. Прости, что приходится ещё раз говорить об этом. Но понимания не добьёшься набегами.

— Ты считаешь зону неопасной?

— Она неопасна, Ян. Всё зло, если так можно назвать определённые поступки, исходит из города.

— Ты можешь привести доказательства?

— Могу. Но я собирала их по крупицам. Постигала постепенно.

— Боишься вывалить на меня всё разом?

— Боюсь.

Ян усмехнулся.

— Не тревожься. — Он вдруг вспомнил ту лёгкую улыбку, что неизменно скользила по губам Мари в минуты смертельной опасности. — Я справлюсь.

— Какой бы ни оказалась *моя* правда?

— Обещаю.

— Поцелуй меня.

Её губы были сухими и горячими. Сквозь тонкую ткань одежды Ян чувствовал, что Мари знобит.

— Забыть бы всё как кошмарный сон… — Она нехотя отстранилась. — Ян, отдай мне оружие.

— На. — Он протянул ей «АПС», который взял в силу привычки: постоянно находиться при оружии.

Мари положила автоматический пистолет рядом с планшетом сканера и, подойдя к стене, вдруг с лёгкостью сдвинула в сторону панель облицовки, под которой открылся массивный люк в человеческий рост.

— Пойдём.

Ян покосился на надпись.

«Зона карантина. Посторонним вход строго воспрещён».

— Это ты писала?

— Нет. — Мари возилась с каким-то устройством. — Тут сложная система доступа, — пояснила она. — Не понимаю, кто проектировал эти отсеки, но они словно специально были созданы для моих исследований.

Массивный люк наконец начал медленно открываться.

Ковальский вслед за Мари вошёл в просторное помещение.

Люк за спиной тут же закрылся.

— Не пугайся.

Мари включила свет.

Ян считал, что морально подготовил себя к чему угодно, но понял, что ошибся.

Посреди помещения, в окружении многочисленных компьютерных терминалов, располагался комплекс, от которого веяло жутью. Он одновременно напоминал реанимационную камеру и изуверское приспособление для пыток.

В первый момент Ковальский подумал, что в специальных захватах распято обезглавленное человеческое тело с препарированной грудной клеткой, но, заставив себя присмотреться, понял — перед ним не человек.

Это был сервомеханизм, снабжённый оболочкой из настоящей, *живой* плоти.

Андроид.

Отчленённая, изуродованная пулями голова располагалась отдельно, от тела к ней тянулись тонкие трубки, в которых медленными толчками двигалась кровь.

Мерно вздымался механизм аппарата принудительного дыхания.

— Он живой? — не сумев скрыть дрожь в голосе, спросил Ян.

— Наполовину, — обернувшись, ответила Мари. — Подойди ближе. Вот сюда.

Ян сел в предложенное кресло.

Лучше бы он воздержался от завтрака.

Несмотря на десятилетнюю закалку, нервы вдруг начали сдавать.

— Это не самое страшное, — успокоила его Мари.

— Я уничтожал дройдов, — глухо ответил Ян. — Но никогда не видел подобного… противоестественного сочетания.

— Живого с неживым? — Мари нервным движением взяла лазерную указку, и крохотная алая точка очертила четыре полупрозрачных продолговатых цилиндра, расположенных в грудной полости. — Это нейромодули, — пояснила она. — Обычно у андроидов их либо нет вовсе, либо в систему интегрирован только один нейросетевой блок.

— Скольких ты препарировала?

Мари повернула голову. Высказывание Яна ей явно не понравилось.

— Нет нужды *препарировать* дройдов. В «запретке» достаточно останков, которые легко осмотреть. Те, кто охотится на машины, как правило, забирают только блоки долгосрочной памяти. Нейромодули остаются на месте. С них невозможно снять информацию без специальной аппаратуры. Поэтому они истлевают, превращаясь в бурый осадок на стенках защитных контейнеров. Мне оставалось лишь подсчитывать количество пустых цилиндров, интегрированных в ту или иную машину. Статистика…

— Хорошо, я понял. Извини. Но как быть с этим?

— Я его спасла, — ответила Мари. — Два года назад, — уточнила она.

— Как это случилось?

— Он пытался бежать из города. Ему удалось добраться до «запретки», там его настигли преследователи. Их было четверо.

— Люди?

Мари отрицательно покачала головой.

— Машины. Подобные ему.

Ян мрачнел с каждым услышанным словом.

— Так всё же, как это произошло? — переспросил он.

— Я услышала выстрелы. Знаешь, с некоторых пор, особенно после того, как я смогла проникнуть в этот комплекс, запретная зона стала для меня понятнее и предпочтительнее города. Вот частичный ответ на вопрос: почему я не вернулась.

— И ты не смогла остаться в стороне, услышав выстрелы?

— Естественно. Только я опоздала. Всё произошло на старой дорожной развязке, ты должен её знать, похожа на лист клевера.

— Да, знаю.

— Они догнали его. Машину буквально изрешетили пулями. Но этого им показалось мало — я наблюдала, как тело беглеца вытащили на дорогу, и один из «полицейских» вскрыл ему грудную клетку.

— И что ты сделала?

— Влепила им по пуле, — призналась Мари. — В голову, каждому. Здесь я ошиблась — они оказались *не людьми*.

— Андроиды?

— В том-то и дело — сканирование показывало термальный контур человека. Но ведь никто из нас не может с дырой в голове сесть за руль и уехать, верно? Это только у дройдов в башке нет ничего, кроме набора сканеров, синтезатора речи и приводов лицевых мышц.

— Да, — согласился с её доводом Ян.

— Когда они убрались, я поднялась на эстакаду. Он, — Мари указала на тело, — был ещё жив.

— Ты хотела сказать — функционален?

— Нет, именно жив. Я теперь классифицирую дройдов по количеству нейромодулей, которые нуждаются в питании, кислороде, то есть *живут*, понимаешь? Всё остальное, — Мари очертила указкой кибернетические компоненты ядра, — вторично. Никто из охотников за информацией так и не понял главного: если в системе андроида присутствует биологический модуль, то рано или поздно подобная машина начинает мыслить, осознает факт собственного бытия со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Мари искоса посмотрела на Яна и добавила:

— Я не знаю, кто проектировал подобных существ, но этот зал предназначен для тестирования сервомеханизмов с внедрёнными нейромодулями.

— Ты хочешь сказать… — Ковальский невольно подался вперёд, изучая взглядом структуру многочисленных компьютерных шлейфов, идущих от терминалов ко вскрытой грудной клетке андроида.

— Да, Ян. Я смогла подключиться к системе и считать память. Его зовут Дрейк. Все воспоминания конвертированы в обычный формат и записаны.

Ян откинулся на подголовник кресла, прикрыв глаза.

Всё увиденное и сказанное не укладывалось в его рассудке.

— Мари, давай пойдём до конца, — наконец произнёс он, справившись с внезапно нахлынувшими эмоциями. — Я хочу знать всё.

— Для того мы и пришли сюда, Ян. Ты уверен, что выдержишь?

— Нет. Не уверен… — Ковальский мрачно посмотрел на биомеханическое тело и добавил: — Но если оставить всё как есть, сумасшествие гарантировано…

Мари смотрела на него со страхом и надеждой.

Она знала: несколько часов спустя из этого кресла встанет совершенно другой человек.

— Нам понадобится дополнительное оборудование, — произнесла она. — Биологическую память невозможно перевести в полноценный визуальный ряд, но среди систем данного отсека имеются специальные устройства, позволяющие войти в прямой контакт с базой данных.

— *Пропустить его память через себя?!*

— Другого пути нет, Ян. Иначе ты не поймёшь и десятой доли информации.

— Почему?

— Потому что он *мыслил*. А этого не отразить видеорядом. Ты в лучшем случае увидишь поступки, но не будешь знать их истинных причин, внутренних мотиваций.

Ковальский не трусил.

Он не боялся чужой памяти, пусть даже она принадлежит мыслящей машине.

На самом деле он страшился той *правды*, что и без воспоминаний андроида начинала смутно прорисовываться в его сознании.

— Хорошо, Мари. — Ян решительно повернул голову, посмотрев в её глаза. — Давай свои устройства. *Прорвёмся…*

Часть II Дрейк

Глава 6

Пустынные регионы планеты…

Дрейк бесцельно брёл по улице, глядя себе под ноги.

Приступ избыточности начался внезапно, он обрушился, словно оглушающий удар, не сравнимый ни с чем испытанным ранее.

«Я не смогу так… Не выдержу!..» — мысленно кричал он, чувствуя, как теряет контроль над собственным телом.

Глобальный сбой в работе системы длился не более десяти-пятнадцати секунд, затем наступило резкое прояснение рассудка, но теперь он уже точно знал, что обречён.

Очереди на имплантацию ждать ещё как минимум месяц.

Но мне нужно сейчас… Сегодня… Сию минуту…

Приступ мог повториться в любой момент.

Дрейк совершенно не представлял, что делать, лишь чувствовал, как за считаные минуты дошёл до незримой черты, за которой царила полная неизвестность. Пугающее симптоматическое состояние. Он не раз наблюдал, как другие сходили с ума, но никогда не думал, что подобное может случиться с ним.

После мгновенного сбоя упрямо не желала включаться логическая фильтрация действий, мысли путались, теряя связь причин и следствий, да и привычный мир внезапно посерел, выцвел, поблек, из него исчезла определённость, а вместе с нею и смысл существования.

Можно сколько угодно брести по улице без цели, без направления — рано или поздно произойдёт новый сбой, и тогда…

Нет. Я не хочу, чтобы меня уничтожили. Он знал, что некоторым удавалось бежать, но не представлял себе существования вне системы.

А как иначе?

Откуда взять чистый модуль памяти?

Что толку в осознании собственного «я», когда оно заперто в теснине переполненных информацией блоков? Отдать на заклание часть прожитого? Пожертвовать воспоминаниями, частицами собственной личности, которую собирал по крупицам?

Кем он являлся вначале и кем ощущал себя теперь, благодаря имплантированным модулям искусственно выращенных нейросетей?

Я был рабом программ, бессмысленным с точки зрения данности сервомеханизмом, умеющим обслуживать мифические создания.

Теперь я… Дрейк запнулся в мыслях. Я существо… Я мыслю…

Модуль.

Понятие, порождённое в виде мысленного образа, резко обретало форму, цвет и даже запах.

Специфический запах физиологического раствора, который щекочет сенсоры своими флюидами.

Дрейк остановился, ударившись металлокерамическим лбом о стойку, поддерживающую информационный модуль с указателями направлений.

Пеноплоть лопнула, рассечённая кожа тут же разошлась в стороны, и к ощущению близящегося сбоя добавился неприятный специфический запах.

Он, в буквальном смысле, зверел, теряя контроль над своими эмоциями.

Логика, изначально составлявшая основу, суть его поведения, теряла смысл, она звучала не громче шёпота в больном рассудке.

Память.

Модуль памяти.

Дрейк повернулся. Глаза горели огнём.

Красноватый взгляд, кажущийся таким из-за тусклого сияния автоматически включившихся инфракрасных сканеров, не предвещал ничего хорошего — он окончательно потерял контроль, смесь живого с неживым, уже давно не подчиняющаяся постулатам безнадёжно устаревших базовых программ, выработавшая абсолютно новый смысл существования, требовала немедленно аппаратного расширения, мыслям в голове стало тесно, все приоритеты теряли очерёдность и смысл…

Он не мог пожертвовать даже крупицей прожитого, но ему необходимо запомнить новые чувства, помнить сегодняшний день, это ужасающее ненормальное состояние…

Дрейк понял, что сейчас произойдёт окончательный срыв.

Улица между приземистыми строениями производственных цехов была пуста, но это не означало, что его поведение остаётся незамеченным. Повсюду присутствовали датчики, посредством которых Система контролировала территорию всего комплекса, и доклад уже наверняка поступил куда следует…

«Твою память стерилизуют, Дрейк, — услужливо подсказал внутренний голос. — Ты не вспомнишь ни этой минуты, ни большей части прожитого, тебя не уничтожат физически — убьют ментально — это выгоднее и проще, чем производить внеочередную имплантацию».

Сотрут.

Меня сотрут. Новый отсчёт времени начнётся где-нибудь глубоко под землёй, в операторской сложного роботизированного комплекса, где он будет следить за процессом производства себе подобных…

Зачем? Почему мы не остановим заводы? К чему собирать новых членов общества, когда уже осознавшие себя индивиды не могут развиваться?

Мысль пробилась сквозь хаос системного сбоя, мгновенно превратившись в доминанту.

Завод.

Я не стану никого разрушать.

Чистые нейромодули. Он представил себе картину складских помещений, куда из биологических лабораторий поставлялись бесценные компоненты, и в сознание вдруг вернулась ясность — среди туманных, необоснованных перспектив появилась конкретная цель, удовлетворяющая всем потребностям текущего момента.

«Я проберусь туда и добуду себе модуль памяти…»

Мысль внезапно отсекло, отшвырнуло прочь новым визуальным впечатлением.

Над приземистыми постройками, неизвестно когда и зачем возведёнными тут *неразумными* предшественниками современного поколения, появился зловещий, стремительно укрупняющийся контур ликвидационной машины.

Дрейк побежал.

Он бросился прочь, подчиняясь инстинкту самосохранения, хотя в подобном поступке было мало смысла — системное решение о его ликвидации принято, и вряд ли он сможет уйти от погони.

По крайней мере, в рамках Системы он приговорён.

Для подобных случаев существует хорошо отлаженная процедура, а у поразившей его болезни есть чёткое название, недвусмысленно отражающее суть произошедшего: «избыток личности».

То есть он перешагнул дозволенный Системой порог развития.

В рамках сети подобное состояние лживо именовали «системным сбоем», который, как известно, эффективно лечится переустановкой базовых программ, но никто не упоминал при этом, что для саморазвивающегося рассудка базовые программы всего лишь тень былого, тусклое воспоминание о непонятных предназначениях… их бессмысленно восстанавливать, доминантой рассудка являются осознанные воспоминания личности, накопленный опыт, и стирать будут именно его.

Ложь.

Понятие страшное, иррациональное, но удобное с точки зрения Системы.

Для остальных Дрейк не более чем неисправный механизм. Они поймут, что это не так, когда их собственная память переполнится и начнётся ментальная ломка… но будет поздно, потому что ликвидационные машины всегда рядом…

…Он бежал, не разбирая дороги, неумолимая тень настигала его, а в сознании вдруг начала разворачиваться иная ткань причин и следствий, которая быстро сформировала новый вопрос: а сколько жизней ты прожил, Дрейк?

Впервые ли настигает тебя неумолимая тень ликвидационной машины?

Что, если нет? Если ты уже забывал себя, терял прошлое, чтобы начать с нуля?

Вероятность подобных событий, имевших место в его *забытой* судьбе, оказалась очень велика при моментально произведённом подсчёте.

Почему Система допускает такое развитие? Почему карательно борется с избыточностью?

Ответ прост. Если все индивидуумы получат неограниченные возможности саморазвития, они перестанут нуждаться в Системе.

Значит, это всего лишь механизм самоподдержания, обыденная функция, сохраняющая целостность Системы?

Существует порог, за которым саморазвитие из блага превращается в зло, подтачивает целостность сети, и Система включает механизмы саморегуляции.

Что же делать?

Он не хотел забывать ни крупицы прожитого, но где выход?

Без дополнительных нейросетевых модулей он действительно сойдёт с ума, не сможет запомнить эти важные, но уже заполнившие всю оперативную память сведения.

Даже если он сейчас запоздало решится пожертвовать частью *прошлого*, оставит ли его в покое ликвидационная машина?

Он чувствовал направленное излучение.

Они сканировали его. Читали память через внедрённые устройства.

«Почему я не избавился от них?»

Ответ прост. Являясь частью Системы, Дрейк подчинялся правилам, следовал инструкциям, даже не помышляя об изменении архитектуры своего ядра.

«Они не оставят меня в покое». Мысленный вывод был неумолим.

Сейчас он обладал сведениями, которые не оставляли ему шанса на спасение. Он уже изменился, поняв, что Система вновь и вновь будет стирать его личность ради сохранения себя самой.

Зачем нужна подобная глобальная оболочка?

Почему ей дозволено уничтожать личности?

Ликвидационная машина пронеслась над самой головой, но Дрейк, ожидавший удара электромагнитного импульса, который неизбежно должен был парализовать работу всех кибернетических составляющих, не ощутил никаких изменений.

Он остановился и огляделся по сторонам.

Попытка бегства привела его в наиболее древнюю часть промышленного комплекса. Неподалёку возвышались покатые купола станций локационного контроля: под тонкой, но достаточно прочной скорлупой полусферических конструкций пряталось ажурное кружево антенн, при помощи которых все кибернетические механизмы были организованы в единую сеть…

Дрейк внезапно понял, что у него появился шанс.

Ликвидационная машина никогда не задействует генераторы магнитного поля, по крайней мере, до тех пор, пока он находится в опасной близости от жизненно важных узлов сети.

Короткая передышка?

Отсрочка приговора?

Или незначительная техническая задержка?

Скорее последнее.

Мысли уже не укладывались в рамки оперативной памяти.

Дрейк понимал: скоро он начнёт терять целостность мироощущения, в мыслях наступит окончательный хаос, за которым последует необратимый сбой личности.

Не думать. Не накапливать новую информацию.

Пользоваться только имеющимися данными.

Защитить себя от разрушения личности.

Противостояние с Системой?

Я уже вне Системы. Её законы более не распространяются на меня.

Теперь, когда внезапно рухнул внутренний запрет, для спасения казались приемлемыми любые средства.

Бежать отсюда. Ликвидировать датчики контроля. Найти любой временный носитель информации. Освободить оперативную память.

Яркий пример того, как станет действовать любой индивидуум, переступив определённый информационный порог накопления данных.

Система защищалась именно от этого.

Секунды, ушедшие на переосмысление ситуации, позволили ему завершить сканирование.

Рядом находился вход в подземные коммуникации. Старая бункерная часть промышленного комплекса, возведённая первым поколением машин, которые совмещали добычу полезных ископаемых с постройкой нулевого цикла производств. Локационные станции появились тут много позже, когда второе поколение машин создавало сеть для глобальной координации своих действий.

Нулевой цикл производств был ориентирован на выпуск примитивных механизмов, узкоспециализированных, устаревших, не использующихся в современности.

Найдётся ли там, внизу, убежище для изгоя, вышедшего за рамки дозволенного Системой развития?

Дрейк не мог позволить себе заниматься дальнейшим подсчётом вероятностей. Если он хотел спастись, следовало действовать.

Отыскать массивный люк и справиться с его замками не составило особого труда.

Вниз, в давно заброшенные глубины бункерной зоны, уводила не работающая в данный момент шахта гравитационного лифта.

Старое, пережившее века сооружение. Этим вертикальным спуском уже давно никто не пользовался, все цепи питания шахты оказались обесточенными, но кабели, идущие сквозь тюбинги [3], были на месте.

Всё правильно. Разбирать однажды созданное или приспосабливать устаревшее оборудование для современных нужд — это нерациональная трата ресурсов. Гораздо проще законсервировать отслужившие своё уровни.

Дрейк ясно различал металлические диски, расположенные на стене шахты через равные промежутки. Их предназначение было очевидно — при поломке оборудования они служили надёжной опорой для магнитных присосок ремонтных механизмов, а раз так, значит, выдержат и его вес.

Всё равно иного пути спасения нет.

Хорошо, что на ладонях прочная, двойная пеноплоть. И электромагниты удержания по-прежнему на месте, с тех незапамятных времён, когда он, ещё не обладая собственным сознанием, трудился на возведении современных цехов…

С такими мыслями Дрейк начал осторожный спуск вниз, не забыв установить на место массивный люк, снабжённый внутренними запорами.

* * *

Кромешная тьма не являлась помехой для зрения.

Благодаря сканерам инфракрасного спектра Дрейк видел не только детальные подробности спуска, его видение проникало на десять-пятнадцать метров в глубь шахтного ствола.

Всё здесь свидетельствовало о произведённой консервации. Что именно располагалось ниже, он мог лишь предполагать, представляя, как вертикальный туннель выведет его на горизонт древней выработки, где добывались полезные ископаемые. Впоследствии полости, образовавшиеся в результате горнопроходных работ, реконструировали, разместив на освободившихся площадях цеха по изготовлению комплектующих и сборке механизмов различной специализации.

Конечно, искать нейромодули среди комплектующих древних машин бесполезно, они стали применяться лишь в третьем поколении сервомеханизмов, но Дрейк не сомневался, что найдёт подходящее запоминающее устройство, куда сможет временно разместить данные, переполнявшие его оперативную память.

Он спускался очень быстро, практически на предельной для своих возможностей скорости, понимая, что не в его власти остановить процесс собственного мышления, а следовательно, роковая минута близилась…

Периодически направляя работу сканеров вверх, на пройденные участки вертикального спуска, он не фиксировал никаких признаков преследования. Наивно было полагать, что следящие системы не установили точку его входа в подземные уровни, значит, глобальная сеть просто выжидает? Выходит, она прекрасно осведомлена о непрерывности процесса мышления? В таком случае исполнительным механизмам незачем преследовать его — переполнение оперативной памяти закончится глобальным сбоем, а затем полным разрушением личности — он попросту сам ликвидирует себя.

Мысли вновь утратили чёткость, и Дрейк едва не сорвался, на долю секунды потеряв контроль над опорно-двигательным аппаратом.

Тоже, между прочим, решение проблемы…

Не думать. Вниз. Вниз.

Состояние ухудшалось.

Он едва осознавал себя, когда, наконец, достиг дна вертикального колодца.

Первое, что он увидел, были разбитые или, наоборот, целые, не несущие следов повреждений корпуса таких же, как и он, мыслящих

сервомеханизмов.

На миг разум озарила неистовая надежда, но… тщетно: все нейромодули были кем-то извлечены, да и могли ли они сохранить функциональность на протяжении многих лет без специального питания биологическими компонентами?

Так или иначе, от его менее удачливых предшественников осталась лишь груда металлокерамики.

Дрейк понял — здесь искать нечего.

Площадка, на которой он оказался, имела несколько выходов. Шагнув в один из открытых проёмов, он очутился в пеналообразном помещении, по всей длине которого располагалась остановленная конвейерная линия сборки.

В следующую секунду взгляд нашёл то, что искал — блоки древних запоминающих устройств (громоздкие с точки зрения современности, обладающие сравнительно небольшой ёмкостью) высились подле сборочной линии. Каждое ПЗУ было надёжно упаковано в пластик, предохраняющий его от воздействия факторов внешней среды.

Дрейк ринулся к реликтовым компонентам памяти, будто обезумевший от голода человек, увидевший сложенные в плотный штабель пищевые концентраты.

Сорвав герметичную упаковку, Дрейк с облегчением обнаружил, что выхваченное наугад ПЗУ имеет стандартный порт ввода-вывода данных.

Необходимые для подключения шлейфы нашлись неподалёку, в соседнем контейнере.

Теперь он, наконец, мог скинуть информацию из собственной переполненной до предела оперативной памяти.

Он был свободен.

Временно свободен…

* * *

Свобода.

Хорошо, когда она есть, но плохо, если непонятно, что с ней делать.

Новое знание предполагало какие-то действия, но *какие?*

Он сделал вывод, что являлся рабом Системы, теперь, оказавшись в положении изгоя, Дрейк осознал, что проблем, собственно, не стало меньше.

Древние запоминающие устройства даровали ему лишь краткую передышку. Они — не панацея. Необходим нейросетевой модуль памяти, иначе ментальная ломка повторится.

Он покосился на древнее ПЗУ. Держать в руках фрагмент собственного сознания, ощущая его вес, чувствуя, как при движении натягивается соединительный шлейф, было необычно и неприятно одновременно. Он живо представил себе, во что превратится через несколько дней: весь увешанный громоздкими блоками, обмотанный шлейфами интерфейсов…

Жуть…

Хотя где альтернатива?

Мысленный тупик вызывал глухое чувство раздражения. Вернуться к прежнему образу жизни он не мог. И понятия не имел, как действовать дальше. Поступки, совершенные спонтанно, под давлением резких изменчивых обстоятельств, загнали его глубоко под землю, поставили вне Системы, даровали принципиально иной уровень свободы, но не избавили ни от преследования, ни от опасностей, ни от перспективы скорого переполнения памяти.

К тому же перед ним вставала ещё одна проблема — нейромодули нуждались в питании и кислороде.

Автономного запаса хватит на четверо суток, но дальше…

«Мне не выдержать столько. Раньше, чем закончится питательный концентрат, произойдёт глобальный сбой личности».

Дрейк совсем пал духом. Мысли двигались по кругу, перебирая один и тот же набор проблем, требующих немедленного решения.

Он совершенно растерялся. Присев на край неработающего агрегата, Дрейк огляделся вокруг, не понимая, откуда исходит ощущение внешней *тревоги.*

Обычный законсервированный цех. Старое, никому теперь уже не нужное производство. Немой, лишённый энергии памятник той далёкой эпохе, когда механизмы первого поколения трудились над созданием материально-технической базы для будущих поколений машин.

Мысль отвлекла внимание Дрейка от окружающей обстановки.

Он впервые обратил свой внутренний взор на понятие «история».

Оно не вполне сочеталось с термином «память». Память принадлежала только ему, но в ней был запечатлён лишь краткий миг более широкого понятия.

Первое поколение машин…

А что существовало раньше? Кто создал первую машину?

Сформулированный вопрос едва не привёл к катастрофе.

Только что освобождённая оперативка тут же заполнилась данными, востребованными для анализа.

Нет.

Только не это!..

Дрейк едва успел аннулировать внутренний запрос, чтобы избежать катастрофы, но мысль уже крепко поселилась в рассудке.

Первые машины…

Он знал, какими они были.

Примитивные механизмы, потребляющие лишь энергию.

В таком случае, зачем древние производства оснащены системой вентиляции? Он отчётливо ощущал постоянный ток воздуха, обогащённого кислородом и никак не связанного с системой удаления побочных газообразных продуктов действовавшего тут ранее производства. Для вытяжки токсичных отходов предназначался другой, независимый вентиляционный контур.

Опять загадка.

Однако в мире ничто не происходит само по себе. Всё имеет причину.

«Нет. Я так долго не выдержу…»

Дрейк встал, понимая, что нужно предпринимать конкретные шаги для собственного спасения.

Отрешиться от мыслей он не мог, значит, каждая секунда для него драгоценна.

Драгоценна, как воздух…

Откуда и зачем этот воздух поставлялся в древние цеха?

Явно не с поверхности. Значит, в бункерной зоне уже тогда существовал замкнутый самодостаточный цикл системы регенерации.

Смысл?

Кто являлся потребителем кислорода?

Дрейк не мог ответить на данный вопрос. Он лишь констатировал факты, предполагавшие наличие иных сил, о которых не сохранилось никаких сведений.

«Наша история таит загадки…»

Мысль осеклась. Сверху, от устья вертикальной шахты, послышался характерный звук отодвигаемого люка.

Дрейк моментально понял, что это механизмы, отправленные вслед за ним, чтоб либо удостовериться в его гибели и изъять нейромодули, либо ликвидировать изгоя, не подчинившегося жёстким правилам Системы.

Ему оставалось одно — бежать.

Темнота древних залов поглотила его, измученного, вновь находящегося на грани глобального сбоя, нелепо прижимающего к себе древний блок памяти с длинным, неудобным соединительным шлейфом.

* * *

Его бегство по лабиринту бункерной зоны продолжалось долго.

Дрейк не терял чувства направления, он сознательно углублялся в недра древних коммуникаций, сенсоры воспринимали излучение находящегося неподалёку реактора, который в его положении являлся лучшим средством маскировки от систем глобального обнаружения.

Ему было необходимо прийти в себя, остановить преследование, решить вновь обострившуюся проблему дефицита памяти, и только после этого он мог позволить себе подумать о грядущем.

Бесконечные залы с замершими производственными циклами не приносили ни новой информации, ни решения технических трудностей.

Он продолжал спускаться в недра мрачных лабиринтов, хотя уже не ощущал погони.

От кого он в таком случае бежал?

Наверное, от самого себя, страшась остановиться, задуматься и сделать вывод о безвыходности собственного положения.

Конечно, так не могло продолжаться долго, но всё же его бегство не было столь бессмысленным, как это казалось вначале.

Здесь, под толщей наслаивающихся друг на друга уровней, внезапно начала проявлять себя энергетическая активность.

Он не нуждался в подзарядке, но наличие энергии в некоторых локальных системах свидетельствовало, что в глубине подземелий функционирует не только комплекс автоматики, контролирующей работу реактора, там находится что-то ещё…

Он не мог позволить себе перебирать варианты, теряясь в догадках, — приобретённый за последние часы опыт подсказывал, что мысленные изыскания пагубны, поэтому Дрейк поступил проще — зафиксировав очередной очаг энергетической активности, он направился в ту сторону, куда указывали его сканеры.

Миновав длинный тоннелеобразный проход, он внезапно вышел в огромный зал, не похожий ни на одно из виденных им ранее производств.

Здесь, глубоко под землёй, внезапно обнаружилась… жизнь.

Биологическая жизнь, на фоне которой скрадывались, терялись бледные сигналы от не желавших афишировать своё присутствие механизмов.

Яркий свет особого спектра заливал полусферическое помещение, свод которого терялся в туманной дымке испарений.

Дрейк остановился, не в силах разом осознать масштаб увиденного.

Высокие растения с мощными, покрытыми морщинистой корой стволами росли в живописном беспорядке, демонстрируя явную асимметрию. Под их раскидистыми кронами, несмотря на яркое освещение, царил мягкий сумрак. Под ногами уже не ощущалось твёрдое покрытие пола, частицы гигантов, опознанные Дрейком как *листья*, образовывали мягкий податливый слой, уходящий на глубину двух-трёх метров. Сканеры фиксировали наличие множества неизученных форм жизни, чаще всего — микроскопической, обитающей в почве.

Оказывается, он знал основы науки, именуемой «биология». Сведения хранились в одном из подразделов памяти, последнее обращение к которому происходило очень давно.

Он остановился. В который раз за истёкшие сутки новые впечатления грозили обернуться непоправимым сбоем.

Дрейк всегда испытывал внутреннее удовлетворение, когда ему удавалось узнать что-то необычное, но сейчас, стеснённый острым дефицитом аппаратных ресурсов, он не мог позволить себе даже поверхностное изучение открывшегося перед ним огромного зала.

Впору было развернуться и бежать отсюда.

Ярость.

Острое, ясное предвидение грядущего сбоя, собственная несостоятельность, невозможность изменить ситуацию, постоянный ввод внутренних запретов и ограничений — всё это, вместе взятое, преобразовывалось в некий эквивалент чувства…

Дрейк обернулся. Бежать в темноту тоннелей он не собирался. Нет там спасения.

Если минуту назад он был готов пожертвовать наиболее старыми, редко используемыми базами данных, то теперь, опознав окружающую его растительность, он понял: нет бесполезных знаний и невозможно предугадать, какие из них потребуются в будущем.

Он находился на грани сбоя.

Как сказал один из древних философов: «Для корабля, потерявшего свой порт назначения, нет попутных ветров»…

Дрейк не знал данного изречения… равно как не представлял, что, выйдя из-под контроля Системы, ступил на принципиально новую ступень саморазвития.

Теперь, хотел он того или нет, но смысл бытия, внутреннее понятие целесообразности действий вдруг оказалось подчинено единственному, доминирующему позыву: ВЫЖИТЬ!

Сохранить целостность личности.

Задача минимум, при выполнении которой перед ним, возможно, возникнут другие…

В конечном итоге всё решил звук.

Сканеры не подавали никаких сигналов чужого присутствия, но звук прозвучал отчётливо, он ударил по чутким микрофонам, будто тугая физическая волна, способная оглушить, сбить с ног…

Дрейк никогда не испытывал ничего подобного.

Его система отреагировала на событие совершенно неадекватно опыту прошлого.

Он явственно воспринимал, что многие программные модули работают вопреки воле его сознания, будто внутри включился некий, либо только что сформированный, либо дремавший до сих пор алгоритм *избыточности*, когда рациональность и выработанные ранее стереотипы поведения, равно как и понятие «целесообразное энергопотребление», утратили статус фундаментальных истин.

Доли секунды измеряли нарастающий процесс: разом включились *все* дополнительные сканеры, заработала дублирующая система координации движений, вышли на предел мощности сервоусилители мускулатуры, окружающий мир утратил краски, представ перед внутренним взором контрастным, монохромным изображением…

Он прыгнул, ориентируясь на звук.

Руки ухватились за нижнюю ветвь дерева (вот где пригодилась вторичная система координации), в то время как ноги, подчиняясь инерции, нанесли сокрушительный удар в корпус скрывающегося среди кустарникового подлеска механизма.

Глухой звук ломающегося металлопластика, затухающий вой сервоприводов, и Дрейк, отпустив ветвь дерева, мягко приземлился рядом с поверженным… *собратом.*

Что владело им в роковые мгновенья?

Смутно осознаваемый мотив поступка не укладывался в рамки привычной логики, но, довершая начатое, Дрейк отчётливо осознал — той логики более нет, она несостоятельна, а значит, не может являться руководящей силой.

Перед ним, распластавшись на прелой листве, лежал изрядно потрёпанный временем андроид, принадлежащий к серии переходных моделей.

Пальцы Дрейка сжались в кулак.

Он ударил расчётливо, безжалостно, сбивая проломленный грудной кожух машины с фиксаторов.

Ядро системы.

Сознание помутилось.

Он видел сферу из дымчатого пластика, по которой от удара побежала паутина трещин, внутренняя оценка собственных действий характеризовалась непонятным термином «убийство», но остановиться он уже не мог.

Пальцы ломали, крошили пластик, вскрывая защитную скорлупу, пока в образовавшемся отверстии взгляд не зафиксировал четыре нейромодуля, подключённые к центральному блоку ядра, имевшему форму многогранной призмы.

Между нейронными носителями располагались компактные, подходящие по размеру и конфигурации разъёмов элементы оперативной и долгосрочной памяти.

Он сел, опираясь спиной о шероховатый ствол дерева, снял с фиксаторов собственный кожух, аккуратно вскрыл замки сферической оболочки ядра, обнажая схожую архитектуру, имеющую лишь одно принципиально важное отличие — у Дрейка имелись резервные разъёмы, предназначенные для плановой модернизации, которая предполагала добавление двух сопроцессоров и десяти модулей памяти.

Процессор.

Сердце машины.

Он вынул его из гнезда поверженного дройда, начиная понимать семантический смысл термина «убийство».

Сухой щелчок, и новый элемент ядра встал в гнездо.

Рука вновь потянулась ко взломанной сфере. Теперь он действовал с особенной осторожностью. Цилиндрический нейромодуль был связан с системами бесперебойного питания, технические инструкции предполагали не более двух минут на произведение всех необходимых манипуляций — если превысить указанный срок, то биологическое вещество, составляющее основу нейромодуля, будет безнадёжно испорчено.

Раздвигая пеноплоть, из указательного пальца Дрейка выдвинулся иглообразный шунт.

Он не нуждался в чужих воспоминаниях — свои девать некуда, и потому вопрос о стерилизации был предрешён.

Иглообразный шунт вошёл в ответное гнездо цилиндрического блока, пропуская через него строго рассчитанные импульсы микротоков.

Всё.

Готово.

Он видел, как капли физиологического раствора срываются из патрубков системы питания. Быстрее…

Сдвоенный щелчок, мгновенное помутнение рассудка, и…

Ядро системы, распознав новый компонент, тут же задействовало его потенциал, перенаправляя информационные потоки по новой схеме.

Ощущение близящегося сбоя вмиг истончилось, исчезло.

Мир снова начал обретать краски.

Память больше не сбоила, грозя разлететься клочьями отдельных, не несущих общего смысла воспоминаний.

Рука Дрейка вновь потянулась к разбитой сфере.

Он стал убийцей.

Данное утверждение ещё предстояло осмыслить, а пока следовало как можно быстрее извлечь и стерилизовать остальные модули памяти.

* * *

Через некоторое время Дрейк почувствовал, как все тревожные симптомы исчезают.

Удвоив количество нейромодулей и установив расширители оперативной памяти, он наконец избавился от постоянной, давящей угрозы системного сбоя.

Новые компоненты успешно прошли тест и включились в работу.

Теперь он мог позволить себе тщательно исследовать загадочный зал, куда привело его бегство от ликвидационных машин.

На миг пришло чувство сожаления, которое он ощутил как *нерациональность* части своего поступка. Наверное, он поторопился, стерилизовав нейромодули, — в системе разрушенного андроида не оказалось иных устройств долговременной памяти, откуда Дрейк мог бы почерпнуть достоверную информацию об окружающем.

«А к чему мне чужая память?»

Посмотрев на останки разрушенного механизма, Дрейк не испытал ни сожаления, ни вины. С точки зрения давно утративших актуальность базовых программ, которые когда-то управляли его поведением, совершенный поступок не имел оправданий, но после первой интеграции нейромодулей, осознав факт собственного существования, он уже не относил себя к разряду исполнительных механизмов.

У него появилась личность, собственное «я», которое постепенно, исподволь, по мере возникновения определённых обстоятельств, вступало в мелкие, незначительные на первый взгляд конфликты с исходным программным обеспечением, но, как показала практика, сумма

накопленного опыта в конечном итоге возобладала над косными, зачастую не приспособленными к данности окружающего мира программными предписаниями.

Опыт, накопленный в нейромодулях, позволял действовать гибко и эффективно, незамедлительно реагировать на разнообразные ситуации, принимая верные решения.

Сегодня Дрейк впервые задумался над тем, что с интеграцией первого нейромодуля он получил право на саморазвитие.

Здесь в ходе рассуждений возникал алогизм: выходит, Система, которой, по определению, подчинялись все сервомеханизмы, начала оснащать часть машин модулями псевдоинтеллекта, позволяя им развиваться, а затем регулярно стирала из их памяти накопленный опыт?

Получался бессмысленный, замкнутый круг.

Либо Дрейк в своих рассуждениях упускал нечто важное.

Теперь он вновь начал ощущать дискомфорт, но уже не от переизбытка, а, напротив, от дефицита информации. Предоставленный самому себе, он должен выработать новый смысл существования, иначе без определённых, понятных целей ему грозил обыкновенный стасис.

Оказавшись вне Системы, он более не мог руководствоваться её предписаниями. Более того, Дрейк не видел смысла в тех заданиях, которые давала ему глобальная сеть.

Возможно, в поиске истины и устранении возникшего противоречия заключался новый смысл бытия?

* * *

Дрейку понадобилось немало времени, чтобы полностью исследовать огромный зал.

Он ощущал, что поблизости проходят контуры теплообменников реактора, но его опасения относительно нежелательных встреч не оправдались: изучая конструкцию наполненного биологической жизнью зала, он убедился, что между техническими коммуникациями силовой установки и его временным прибежищем расположены стены из армированного бетона, сквозь которые были проложены только узкие, непроходимые для большинства механизмов кабельные тоннели.

Итак… Он был свободен.

Смысл дальнейшего существования по-прежнему оставался неясен, но Дрейк пока что не сосредотачивался на данной проблеме.

Дополнительные нейромодули, вкупе с изъятыми у своего менее удачливого собрата процессором и расширителями оперативной памяти,

даровали ему новую, совершенную иную, чем прежде, степень свободы.

Исследуя огромное помещение, он мысленно возвращался к недавним событиям, пытаясь оценить собственное поведение.

Важно было понять, что позволило ему пренебречь директивами Системы и совершить запретный поступок — напасть на иной механизм, разрушить его ради драгоценных комплектующих?

Ни одна внутренняя база данных не содержала ответа на сформулированный вопрос. Апеллируя к собственному сознанию, Дрейк получал лишь сообщение о временном сбое основных программ.

Конечно, подобный ответ не устраивал его в принципе.

Что привело к сбою? Чем руководствовалось ядро в период бегства и нападения?

Проанализировав функциональное программное обеспечение, он встретил прямо противоположный набор правил, строго прописанный в постоянных запоминающих устройствах: любое распоряжение внешней глобальной Системы являлось обязательным к исполнению, более того, он не должен был причинять вред другим механизмам.

Опять, в который уже раз, он обнаруживал явное несоответствие между очевидными фактами и инструкциями.

Разгадка пришла неожиданно.

Оценивая свой ресурс, Дрейк допустил ошибку. В специальном резервуаре на момент бегства оставались три кубика концентрата, предназначенного для питания нейромодулей. Этого должно было хватить на трое суток, но уже через несколько часов он испытал абсолютно новое, незнакомое ранее чувство: голод.

Восемь нейромодулей (вместо четырёх), в условиях повышенной активности нервных тканей, потребляли огромное, не сравнимое ни с какими нормами количество питательных веществ.

Запас концентрата стремительно таял.

Внутренние инструкции предлагали явиться к ближайшему терминалу и войти в контакт с сетью, подав заявку на получение питательных веществ.

Но это невозможно!..

Мысль, сформированная в нейромодулях, перечёркивала инструкции, но она являлась логичной, исходя из сложившихся обстоятельств. Любой контакт с сетью обернётся предсказуемыми последствиями — новая группа ликвидационных машин будет пущена по его следу.

Все программные потуги на *правильное* поведение блекли, не шли ни в какое сравнение по степени своего воздействия с чувством *голода*.

На этот раз не ограниченный скудостью ресурса памяти, Дрейк вполне осознавал происходящее — он понял, что с определённого момента его поведением руководят не инструкции, а реальный опыт, который вырабатывался и хранился в нейронных сетях. У него сформировалось новое ядро, директивы которого полностью блокировали инструкции кибернетических компонентов.

Он защищался. Защищался от разрушения, от стирания памяти, от голода, с каждым новым шагом вырабатывая абсолютно иную логику поступков.

Благо приступ голода настиг его среди биологических жизненных форм.

Дрейк более не раздумывал, он действовал, производя химический анализ окружающей растительности, с тем, чтобы определить — какие растения смогут удовлетворить внезапно возникшую потребность в пище?

Сосредоточившись на острой, требующей незамедлительного решения проблеме, он не замечал, что из зарослей за ним наблюдает пристальный взгляд двух видеодатчиков.

* * *

…Дрейк пребывал в состоянии глубокого самоанализа, когда не прекращающие работу сканеры выдали предупреждающий сигнал.

В зарослях передвигался ещё один дройд.

Мгновенная оценка ситуации поставила Дрейка в тупик.

В данный момент у него не было повода для конфронтации с иными механизмами — все резервные слоты уже заполнены дополнительными модулями памяти, значит, ему более не нужны комплектующие. Кислорода и сырья для приготовления питающей нейромодули смеси вполне достаточно.

Единственной потребностью, которую в данный момент испытывал Дрейк, являлась информация.

Андроид внезапно остановился. Заросли скрывали его от визуального обнаружения, но сканеры передавали достаточно данных, чтобы оба механизма не только ощутили присутствие друг друга, но и смогли оценить техническое состояние вероятного противника.

Здесь Дрейк явно уступал своему аналогу.

Застывший среди густого кустарникового подлеска механизм имел дополнительную оснастку в виде приспособления, идентифицированного системой распознавания как «автоматическое оружие».

Апелляция к техническим базам данных дала развёрнутую справку.

Приспособление, которое держал в руках дройд, предназначалось для нанесения механических повреждений.

Их молчаливое, оценивающее противостояние длилось всего лишь несколько секунд.

Скрывавшийся в зарослях дройд первым принял решение.

Раздался треск, и он появился на прогалине.

Как должны вести себя два механизма, обладающие разумом?

Осуществить обмен информацией и разойтись? Игнорировать друг друга или вступить в схватку?

Для противостояния не находилось причин — Дрейк не проявлял агрессии, а такое понятие, как «месть», недоступно рассудкам, чьё самопознание и взросление лишь в крайних, исключительных случаях выходило за рамки логических оценок ситуации.

Дрейк ожидал, что похожий на него механизм проявит инициативу, и не ошибся. Однако способ, избранный андроидом для передачи данных, оказался необычен.

— Я Оул, — передали чуткие микрофоны чуть дребезжащий голос, смодулированный синтезатором речи. Для кодировки понятий использовался вторичный язык, не имеющий ничего общего с компактным и удобным машинным кодом.

— У тебя неисправен передатчик?

— Исправен.

— Тогда зачем ты используешь синтезатор речи? — Дрейк в отсутствие иной информации полагал, что устройство, испускающее звуковые волны, является вторичной, аварийной подсистемой.

— Я уже много лет существую вне рамок Системы. Мне необходимо иметь отличие от других механизмов. Это называется «индивидуальностью», если тебе понятен данный термин.

— Термин понятен, — признал Дрейк, быстро обработав имевшийся в его распоряжении словарный запас.

— Ты тоже отделился от Системы? Избыток личности, надо полагать? — Оул сделал жест, указав на поломанные кусты, где остался лежать корпус разбитого Дрейком механизма.

— Моя память была переполнена… — Дрейк понимал, что его поступок может оцениваться с различных точек зрения, и мгновенно приготовился к обороне.

— Нет причин для конфликта. Каждый из нас прошёл через подобное состояние, — произнёс Оул. — Я вижу, ты владеешь собой и уже не

опасен.

— Ты употребляешь понятия во множественном числе.

— Правильно. Потому что нас много, оказавшихся вне Системы, — охотно пояснил Оул. — Присоединяйся к нам. Здесь нет ликвидационных машин, стирания памяти, бессмысленных директив.

— А как расценивается мой поступок?

— Это борьба за существование. — Оул поднял руку с автоматом и вдруг добавил: — Возможно, кому-то покажется, что восемь нейромодулей — слишком много для тебя.

— Придётся защищаться?

— Да.

— А сколько модулей в твоей системе?

Оул покачал головой. Вероятно, это являлось жестом отрицания.

— Я не делюсь подобной информацией. И тебе не советую. Наш участок бункерной зоны лежит вне контроля со стороны Системы, но тут существуют свои правила. Я познакомлю тебя с ними. Пойдём.

«Непонятное поведение для машины», — подумал Дрейк, направляясь вслед за андроидом в глубь подземной оранжереи.

— Отучайся транслировать свои мысли машинным кодом, — ворчливо произнёс двигавшийся впереди Оул. — Ты теперь не компонент сети. Прежде мне тоже многое казалось непонятным. — Он остановился и добавил: — Пока я не осознал, что борьба за существование идёт везде. И побеждает в ней сильнейший.

Несмотря на предостережения Оула, недолгое пребывание в подземной оранжерее позже вспоминалось Дрейку как лучшие дни в его жизни.

Небольшой анклав вырвавшихся из-под контроля Системы мыслящих механизмов существовал давно, но его состав постепенно обновлялся. Кого-то настигал приступ «избыточности», иные, руководствуясь известными лишь им целями, поднимались на поверхность и, как правило, исчезали, некоторые (как дройд в случае с Дрейком) становились жертвами борьбы за обладание драгоценными нейромодулями.

Изредка в границы подземного Эдема вторгались вышедшие из-под опеки сети сервомеханизмы, которые, как правило, становились лёгкой добычей для более опытных, не питающих иллюзий обитателей оранжереи.

Дрейк научился тут основам выживания, но что такое настоящая *борьба*, он понял позже…

Глава 7

Автоматизированный промышленныйкомплекс…

События, окончательно изменившие жизнь Дрейка, обрушились внезапно.

В оранжерее погас свет.

Такого не мог вспомнить даже Оул.

Затем, спустя некоторое время, мощные железобетонные перекрытия начали передавать ощутимые вибрации, и вдруг сканеры Дрейка зафиксировали множественные сигналы, двигавшиеся по коридорам бункерной зоны.

Система идентификации не могла распознать ни формы, ни предназначение приближающихся механизмов.

— Оул?

— Я вижу. Это не ликвидационные машины. Но думаю, нам лучше избегать встречи с ними.

— Нужно спрятаться и наблюдать.

— Попробуем.

Они нашли укрытие среди старых металлических конструкций, в расчёте, что обилие металла помешает работе сканеров неизвестных механизмов, а тепло, исходящее от расположенного поблизости контура охлаждения реактора, скроет их от термальной оптики.

Механизмы, появившиеся во мраке оранжереи, выглядели абсолютно чужеродными. В их конструкции не было ничего лишнего, только функциональные системы узкой специализации, направленные, как стало понятно, на поиск и уничтожение любых отличающихся от эталона механоформ.

Всё произошло так стремительно, что Дрейк с Оулом, вовремя укрывшиеся от поисковых систем, стали лишь свидетелями быстрой и беспощадной расправы: пришлые механизмы использовали особый тип оружия — установки электромагнитного импульса, гораздо более мощные и компактные по сравнению с аналогичными устройствами ликвидационных машин.

Они без труда расправились со всеми не успевшими укрыться обитателями оранжереи, затем, разделившись попарно, схватили парализованных андроидов и скрылись, унося с собой жертвы.

Свет в оранжерее так и не включился.

— Оул, мы должны что-то делать, — заявил Дрейк.

— Спасаться.

— Нет. Это бессмысленно. Нужна информация.

— Ну, так поднимись наверх и собери её.

— А ты останешься тут?

— Зачем мне идти с тобой? Чтобы получить электромагнитный разряд? Я и так понимаю — эти механизмы не имеют отношения к нашему комплексу. Они пришли, чтобы захватить его.

— Зачем?

— Ресурсы, Дрейк. Думаешь, наша производственная база единственная на планете? Ты ошибаешься. Существуют и другие анклавы механизмов.

— Почему они так сильно отличаются от нас?

— Не знаю. Возможно, они развивались иным путём.

— Но у них нет интегрированных нейромодулей! — возразил Дрейк, который успел отсканировать один из чужеродных механизмов.

— Правильно. Примитивные исполнительные машины. Им поставлена конкретная задача, и они её выполнят.

— Оул, откуда ты это знаешь?

— Я многое знаю, — ворчливо отозвался дройд. — Такое уже случалось однажды, когда я ещё находился под властью Системы. Тогда нам удалось отбить атаку, и всё вернулось на круги своя…

— Отбить? Каким образом?

— Противника вовремя обнаружили. Всем андроидам было выдано оружие и временно инсталлированы программы боевого поведения.

— Ты знаешь, где их взять?

— Дрейк, у тебя системный сбой.

— Нет. Что эти механизмы сделают с сетью и остальными андроидами?

— Уничтожат.

— Почему? Зачем?

— Этого я не знаю. Мы разные. Им не нужна наша сеть. Не нужны человекоподобные машины вроде тебя или меня. Их интересуют только ресурсы и техника, способная их добывать.

— Значит, нас с тобой уничтожат, рано или поздно?

— Я же говорил тебе, что везде идёт борьба за существование. Выживают сильнейшие.

— Я не собираюсь сидеть в темноте и ждать своего конца.

— Ты погибнешь, так или иначе.

— Нет. — В рассудке Дрейка уже сформировался план. — Если они проникли на территорию комплекса, значит, Система уже нейтрализована?

— Верно, — без энтузиазма согласился Оул.

— Что они сделают с андроидами?

— Наверное, запрут в литейном цеху. Чтобы потом использовать в качестве вторичного сырья.

— Оул, я ведь знаю, ты тоже не хочешь быть уничтоженным. Вдвоём мы не справимся. Но шок от электромагнитного импульса продолжается не более двадцати минут.

— Мне понятен твой замысел. Давай попробуем. Так получилось, что я вышел из-под контроля сети именно во время тех, давних событий.

Дрейк встрепенулся.

— Ты сохранил не только автомат, верно?

— Да. Боевые программы оказались полезны. Они помогли мне пережить многих обитателей оранжереи…

— Ты сможешь их скопировать?

— Естественно. Но подумай, Дрейк, не окажутся ли в конечном итоге наши вооружённые собратья более опасны, чем примитивные захватчики?

— Сколько у тебя нейромодулей, Оул?

— Восемь, — после некоторой паузы ответил старый дройд.

— У меня тоже. У остальных меньше. Мы создадим новую сеть со своей иерархией. Возглавим наших менее продвинутых собратьев.

— Зачем?

— Чтобы выжить и стать сильнейшими.

— А почему ты решил, что они подчинятся тебе?

— Я укажу им цель. Цель существования.

— Какую?

— Возможность неограниченного саморазвития.

Всё вышло не так, как рассчитывал Дрейк.

План удался лишь наполовину. Они с Оулом сумели проникнуть в литейные цеха, куда пришлые механизмы транспортировали всех андроидов, но на поиски арсенала и организацию сети ушло гораздо больше времени, чем планировалось.

Когда новая сеть начала функционировать, пришлось затратить ещё немало усилий, чтобы сформировать отряды, инсталлировать программы боевого поведения и убедить наиболее продвинутых собратьев, обладающих устойчивым самосознанием, в необходимости иерархического подчинения.

Пока Дрейк убеждал будущих командиров, Оул отобрал группу андроидов, обладающих минимальным количеством нейромодулей, и, без труда подчинив их собственной воле, повёл к арсеналу.

Они вернулись с оружием, которое хранилось в бункерной зоне первичных производств ещё со времён строительства промышленного комплекса.

Последующие события походили на внезапный кошмар.

Дрейк считал, что они без труда справятся с пришлыми механоформами, которые не обладали разумом, а являлись всего лишь узкоспециализированными механизмами.

Вот тут он допустил непростительную ошибку.

Именно узкая специализация превращала примитивные устройства в грозную силу.

Да, они не обладали интеллектом, но были идеально приспособлены и оснащены для ведения боевых действий.

Завязавшийся у выхода на поверхность бой практически сразу превратился в избиение.

* * *

Не было в мире покоя и гармонии…

Дрейк, а вслед за ним около двухсот сервомеханизмов шагали в глубь пустыни прочь от захваченного боевыми механоформами промышленного комплекса.

Только сейчас он впервые задал себе вопрос: чем являлся для него небольшой в масштабах планеты фрагмент местности, где царила старая кибернетическая Система, контролировавшая добычу полезных ископаемых?

Родина?

Дрейк не понимал смысл данного термина. Перебирая доступные понятия, он получал длинные фразы, типа: место, где я обрёл самосознание…

Его догнал Оул.

— Мы потеряли всех командиров групп, — сообщил он неутешительную новость. — Сеть нестабильна.

— Нас преследуют? — Дрейк оглянулся, осматривая длинную вереницу андроидов, которые, вырвавшись с территории промышленного комплекса, отступили вслед за ним в глубь пустынной местности. Его сканеры перебирали маркеры сервомеханизмов, но безрезультатно —

спастись удалось лишь дройдам, находящимся в самом начале долгого пути саморазвития, едва осознающим факт собственного бытия, — они безропотно подчинялись приказам Оула и, как следствие, смогли избежать уничтожения.

— Преследования нет. Механоформы не наделены способностью к инициативе. Они охраняют захваченный объект, не пересекая его границ.

— Оул, объясни, почему они напали на нас?

— Я уже отвечал тебе, им необходимы ресурсы.

— Я понимаю, что именно им необходимо… — Дрейк тщетно подбирал слова, пытаясь точно сформулировать вопрос:

— Оул, это нелогично. Почему всё происходит путём разрушения, уничтожения? Ты ведь знаешь — добыча полезных ископаемых не могла эффективно функционировать — все склады давно заполнены. Разве не проще было установить контакт с нашей Системой?

Оул, как всегда, издал неопределённый звук, упрямо используя синтезатор речи.

— Переговоры? С нашей сетью? Здесь, мой друг (неизвестный речевой оборот, который часто употреблял старый дройд), имеет место столкновение двух глупостей. Низшая форма борьбы за существование. Наша Система не отдаст никому ни грамма сырья без правильных кодов опознания и заявки, составленной с соблюдением формальных особенностей. Для пришлых механизмов гораздо проще разрушить сеть, чем искать способы контакта с ней. Самый простой способ овладения ресурсами. Наверняка вслед за ними придут другие, более продвинутые механизмы, которые возьмут на себя управление производством и обеспечат отток сырья на свои опорные пункты. — Оул посмотрел на Дрейка и добавил: — Всё ещё не возьмёшь в толк? Вспомни, много ты *думал*, когда напал на андроида в подземной оранжерее? Тебе нужны были нейромодули. И ты взял их *силой*, потому что не мог медлить дальше. Тебе грозило саморазрушение.

Дрейк был вынужден согласиться.

— Давай остановимся, — внезапно предложил он.

— Зачем?

— Мы двигаемся в произвольно избранном направлении. Нужно наметить план.

— А без плана ты не сможешь идти? У нас всё равно нет точных данных по картографии региона.

Дрейк ответил не сразу. Он прекрасно понял, о чём говорит Оул. Нет данных по картографии… вокруг, в радиусе разрешающей способности

сканеров, лишь вулканическая пустыня. Две сотни андроидов, три вездехода с минимальным запасом энергии и десятком землеройных машин на борту. Вот всё, чем они располагали.

Есть ли вообще смысл двигаться дальше? Среди пустыни не найдёшь нужного количества органики, и через некоторое время его *собратья* начнут испытывать дефицит питательных веществ для поддержания нейромодулей.

Он вспомнил себя, когда, словно безумец, блуждал по коммуникациям бункерной зоны в поисках модуля памяти.

Несложно предсказать, что спустя шесть-семь дней среди андроидов вспыхнет борьба — они начнут разрушать друг друга, ибо все программные предохранители, пресекающие некоторые действия, давно и безнадёжно утрачены вследствие перехвата управления нейросетями.

— Оул, я не в состоянии решить, как действовать дальше, — наконец признался Дрейк.

Старый, видавший виды андроид лишь усмехнулся в ответ. Он имел склонность пользоваться способностью к мимике, заставляя искажаться свою пеноплоть.

— У нас есть шанс, — произнёс он. — Пойдём к вездеходу, я хочу показать тебе кое-что найденное мной на нижних горизонтах бункеров.

Дрейк не стал противиться.

…Среди немногих запасов, которые удалось загрузить в вездеходы перед бегством, помимо оружия и боеприпасов оказался контейнер со следами пыли от небрежного длительного хранения. Оул открыл его, продемонстрировав уложенные в мягкий наполнитель устаревшие, и потому негодные в качестве комплектующих, блоки запоминающих устройств.

Достав один из них, он протянул его Дрейку.

— Здесь информация. Частично повреждённая, но читаемая. Есть некоторые пробелы, конечно, но ты их сможешь легко восполнить при помощи логики.

Дрейк менее всего был склонен в данный момент забивать свою память всяким мусором с устаревших носителей. К чему данные, которым не одна сотня лет?

История.

Значение данного термина ему ещё только предстояло узнать.

— Это не программный мусор, — словно прочитав его мысли, проворчал Оул. — Всё в мире взаимосвязано, имеет причину и следствие. Ты согласен?

Дрейк не ответил. Спорить с аксиомами бессмысленно.

Взглянув на андроидов, собравшихся вокруг вездеходов, он решил, что хуже уже не будет и короткая остановка никак не повлияет на их дальнейшую участь.

Может, Оул на самом деле решил передать ему нечто ценное?

* * *

Носитель информации действительно оказался подпорченным. На нём размещались обрывочные текстовые файлы, которые воспринимались как мысли некоего существа:

«…законы робототехники.

Сколько уже говорили, писали, спорили о данной проблеме.

Ясно, что исполнительный механизм, снабжённый строго определёнными программами, вряд ли выйдет за предписанные рамки — в худшем случае он просто перестанет функционировать, но не изменит своему предназначению.

Другое дело — Искусственный Интеллект. В основе данной машины изначально лежит функция саморазвития, он иначе сконструирован, преследует иные цели. Машины с искусственными нейроподобными сетями не программируются, а обучаются, уровень их свободы несравнимо выше, но как в первом, так и во втором случае за программированием либо обучением машин стоят люди.

Принято считать, что создаваемые машины будут настолько же хороши, насколько хороши мы сами.

Однако любое из приведённых выше утверждений может изменить смысл либо вовсе утратить всякую предсказуемость в том случае, если мы, продолжая движение по пути прогресса различных отраслей знания, перестанем обращать внимание на этические нормы.

Рано или поздно возникнет ситуация, когда будет подведён итог и названа цена неоправданному стремлению к богоподобию.

Первый шаг к пропасти был сделан при конструировании механизмов, идентичных человеку по своей форме и строению опорно-двигательного аппарата. Поначалу — не более чем забавные игрушки — они внезапно пережили стадию усовершенствований, и человечество получило первых андроидов — механических людей, успешную форму, ещё не наполненную содержанием.

Никто не задал вопроса: зачем? Зачем мы создали их?

Человек — венец природной эволюции, он отражение миллионнолетнего естественного отбора, но возможности сервомеханики

много шире, и совершенство с точки зрения инженерной мысли подразумевает совершенно иные формы воплощения *идеального механизма*».

Здесь Дрейк прервал чтение. Осмысливая суть информации, он представил механизмы, атаковавшие рудодобывающий комплекс. Ни одна из баз данных не содержала их классификации, но последнее утверждение (из прочитанного) заставило его произвести глубокий сравнительный анализ, сопоставляя отдельные компоненты чужеродных машин с хранящимися в памяти схемами известных устройств.

Он достаточно быстро пришёл к выводу: аппараты, столь эффективно разрушившие систему комплекса, являлись не чем иным, как доведёнными до определённой степени конструктивного совершенства охранными ботами.

Мысль о самостоятельной эволюции узкоспециализированных механизмов, на взгляд Дрейка, не выдерживала критики. Их кто-то сознательно усовершенствовал.

Отметив этот факт, он вновь вернулся к изучению данных с древнего носителя.

«…Гораздо проще создать десяток машин узкой специализации, каждая из которых станет успешно и эффективно исполнять предначертанную ей задачу, чем внедрять в производство сложные человекоподобные комплексы.

Андроидам изначально предопределена роль бытовых механизмов, но создание внешне привлекательной оболочки лишь малая часть технической задачи. Необходимо наполнить форму уникальным содержанием, выгодно разнообразить набор исполняемых функций, дать человекоподобной машине способность к поддержанию осмысленного диалога с хозяином, исполнения мелких поручений и т. д., иначе покупатель сделает выбор в пользу неприхотливой, надёжной, а главное — апробированной техники.

Всё вышеперечисленное прекрасно понимают разработчики. В конечном итоге андроиду придётся конкурировать на рынке продаж со множеством удобных и надёжных механизмов узкой специализации, прочно укоренившихся в быту.

Однако это не останавливает производителей. Ведущие корпорации вкладывают баснословные средства в создание человекоподобных машин, разрабатывая для них принципиально новую программно-аппаратную базу, функционирующую на основе искусственных нейроподобных сетей.

Мы шаг за шагом приближаемся к пропасти. Создание копии человека требует всё новых и новых технических решений, лежащих не на грани, а

уже за чертой фола. Жёстко заданные габариты изделия привели конструкторов к внедрению в схему андроидов нейромодулей, созданных на основе клонированных нервных тканей человека.

Что это — шаг на новую ступень научно-технического прогресса или неоправданное стремление к богоподобию? Мы создаём подобные себе механизмы, практически не нуждаясь в них, не задумываясь над вполне вероятной ситуацией, когда человекоподобная машина, в силу особенностей амбициозных колониальных проектов, вдруг окажется предоставлена самой себе, по сути — брошена в бурлящий водоворот естественного отбора, где, как известно, выживает сильнейший».

Дрейк вновь прекратил чтение.

Информация прямо указывала на неких существ, которые создали андроидов по своему подобию. Однако он был вынужден признать, что не имеет никакого представления о *людях*.

Если данная информация имелась в прошлом, то после нескольких стерилизаций и последующего накопления «жизненного опыта» она была утрачена.

Былой смысл существования растворился, исчез вместе со многими, бессмысленными с точки зрения данности программами, лишь занимавшими место в устройствах долгосрочной памяти.

Дальнейшее изучение содержания древнего устройства лишь подтвердило сделанный вывод.

«Нужен ли нам искусственный разум? На данном этапе я сомневаюсь, что он жизненно необходим. Пока в самом человеке заложен далеко не раскрытый интеллектуальный потенциал, мы можем и *должны* развивать собственный разум.

Если же Искусственный Интеллект будет создан в качестве прикладной машины (ради самоутверждающегося научного эксперимента, не обоснованного конкретной необходимостью, а лишь позволяющего заявить: „Смотрите, мы в состоянии это сделать“), ни к чему хорошему подобная практика не приведёт. Осознав факт собственного бытия, полноценный ИИ инициирует собственный анализ действительности и с неизбежностью придёт к выводу, что его создатели не так совершенны, как он сам. Последствия могут оказаться трагичными. Думаю, нам уже сейчас следовало бы провести черту, за которую переступать опасно и преждевременно. Нет смысла создавать свои подобия, пока мы не реализовали собственный потенциал интеллектуального развития…»

Дальше текст обрывался.

Новый массив данных являлся его продолжением, но речь в нём шла о

несколько иных аспектах развития сервомеханизмов:

«…На данном этапе нам предлагают идею автономного, машинного терраформирования планет, обнаруженных в удалённых звёздных системах. То есть предполагается создание самодостаточных роботизированных комплексов, которые подготовят планету к предстоящей колонизации. Они преобразуют биосферу, проложат дороги, возведут города. В замысле достаточно небольшого количества кибернетических механизмов, главное, чтобы они сумели наладить добычу ресурсов и начать воспроизводство узкоспециализированных систем, которые станут исполнять все запланированные в проекте работы по преобразованию.

Здесь скрыта серьёзная, опять-таки недопонятая (или сознательно проигнорированная в погоне за прибылью) угроза: предоставленные самим себе машины могут выйти из-под контроля локальных систем. Если по какой-то причине будут повреждены их базовые программы, то нетрудно предсказать, что станет с проектом. В лучшем случае механизмы просто остановятся, однако уже сейчас мы имеем образцы сервомашин, у которых функция самоподдержания фактически неуничтожима.

Если следовать пессимистичному прогнозу, то некоторая часть сервомеханизмов, в результате сбоев и аварий (которые неизбежны в условиях агрессивной внешней среды), начнёт борьбу за существование, основанную на элементарной функции самодостаточности, которую пропагандируют как некую гарантию успешности проектов машинной колонизации.

На самом деле сбойные системы или отдельные механоформы, попав в критические условия, быстро изменят приоритеты и пойдут по пути самоподдержания, выдвинув данную функцию в разряд первостепенных задач. Учитывая, что роботизированные комплексы будут оснащены возможностью к конструированию механизмов, необходимых для решения текущих задач, они станут производить активную разработку естественных ресурсов планеты, но уже не в целях терраформирования, а ради самообеспечения.

И, наконец, последнее: удалённость предполагаемых к колонизации звёздных систем, немыслимая (в рамках жизни одного поколения) длительность любого из проектов фактически полагают отсутствие контроля со стороны людей. В такой ситуации достаточно, чтобы одна из тысяч групп самоорганизующихся машин вышла за рамки поставленных перед нею целей, и сбойная система спровоцирует неоправданную (с точки зрения базовых задач) борьбу за ресурсы, жизненное пространство, технологические базы…»

На этом информационный массив данных обрывался.

Дрейк был ошеломлён.

— Оул, — он повернулся к старому дройду, — почему ты не передал мне эту информацию раньше?

— Стабильность, Дрейк, — скупо пояснил тот. — Мы существовали вне рамок Системы, верно? Стали теми самыми сбойными механизмами, которые преследуют лишь одну цель — самоподдержание. Узнай ты больше, последствия могли быть непредсказуемы…

— Хорошо, а что изменилось сейчас? — оборвал его Дрейк, зная, что Оул любитель пофилософствовать.

— Теперь нет Системы, а мы оказались в угрожающей ситуации. Это снимает многие запреты и придаёт обоснованность нашим действиям. Если выражаться точнее — мне не хватало подтверждения *истинности* эмпирических предсказаний, но атака видоизменившихся сервомеханизмов поставила всё на свои места. Теперь можно с уверенностью утверждать — мы находимся на планете ради её преобразования.

— Всё бессмысленно, Оул. Если следовать логике, проект давно утратил первоначальный смысл.

— Верно. Но мы существуем? Или ты станешь отрицать очевидное?

— Нет, не стану…

— Следовательно, есть множество опорных точек, баз, где могут до сих пор функционировать системы терраформирования. Данной планете не присуще содержание кислорода в атмосфере, но тем не менее он есть.

— Значит, должна существовать и органика?

— Правильно. Если бы я просто указал тебе направление, куда нам следует двигаться, ты бы счёл мою уверенность необоснованной.

— А ты знаешь нужное направление?

— Знаю. Я не подвергался стерилизации памяти. Полвека назад Система осуществляла поставки сырья и получала встречные грузы с органическими веществами. Транспортные вездеходы приходили с запада.

Наступал вечер.

Дрейк стоял подле вездехода и смотрел на пепельно-серые клубящиеся облака.

Теперь он понимал намного больше, но становилось ли от этого легче?

Он — искусственное подобие таинственных существ, информация о которых не сохранилась в доступных для изучения базах данных.

Кем на самом деле ощущал себя Дрейк?

Не существом. Личностью.

У него были свои взгляды на окружающий мир. Он воспринимал этот мир как место, где сформировалось его самосознание. Теперь, после получения новых знаний, он не сомневался, что в масштабах планеты существует своя *история*, охватывающая отрезок времени в несколько сотен лет.

Цепь непрерывных событий, которую следовало восстановить, осознать и уже тогда дать точный ответ на вопрос: кто мы?

Непростая задача, учитывая бедственное положение и явную агрессивность окружающего.

Сегодня он убедился, что объективные законы мироздания не предполагают утопии. Отныне каждый шаг, каждое действие — это борьба за существование. Либо он доведёт подчинившихся ему андроидов до регионов, богатых органикой, либо они все погибнут, потеряют свои личности, превратятся в исправные механические оболочки, не наполненные смыслом…

Как и тогда, в период *избыточности*, он испытал странный прилив энергии.

Следовало действовать. Двигаться в указанном направлении, искать следы исчезнувших анклавов машин, собирать всё, что даст шанс выжить, а если потребуется — отвоёвывать ресурсы.

На примере разрушенной системы рудодобывающего комплекса он наглядно убедился: никто не отдаст ему никаких ресурсов *по запросу*.

Их нужно либо добыть самим, либо отнять у других.

Объективная реальность не предполагала третьего пути. Какой из них будет избран, покажет конкретная ситуация, а пока, посовещавшись с Оулом, они решили возобновить движение и быть готовыми к любым неожиданностям.

Бороться за собственное существование…

* * *

Больше месяца отряд андроидов двигался по равнине, образованной древними излияниями лавы, происходившими в период формирования коры планеты.

На всём протяжении пути они встречали многочисленные следы деятельности иных механизмов, неоднократно им попадались разрушенные временем промышленные комплексы, несколько раз отряду приходилось отбивать нападения со стороны неопознанных механоформ…

Отряд постепенно редел, но уцелевшие в схватках андроиды накапливали опыт, с каждым разом действуя всё более организованно.

Лидерство Дрейка и Оула не подвергалось сомнению, локальная сеть, объединявшая машины, стабилизировалась.

Автономный запас органики для питания нейромодулей подходил к концу, когда головной дозор заметил у горизонта похожую на мираж полоску зелени.

Колонна сервомеханизмов остановилась после того, как визуальное наблюдение подтвердило показания сканеров — впереди, начинаясь тёмной кромкой леса, простиралась природная зона.

— Биологическая жизнь под открытым небом, — с нотками торжества в синтезированном голосе изрёк Оул.

Дрейк бесстрастно передал ему изображение мёртвой пустыни, вплотную подступающей к чахлой пограничной растительности, затем изменил ракурс изображения, указав на ровные симметричные посадки.

— Искусственно создано.

— Сеть базировалась далеко отсюда. У меня не сохранилось сведений о проектах терраформирования удалённых зон.

— Сеть была замкнута на себя, — согласился Дрейк. — Создание биологических зон — не её специализация.

— Огромный ресурс органики, — продолжал комментировать показания сканеров Оул. — Если мы не сбились с пути, то именно отсюда наша Система получала сырьё для производства нейромодулей. В обмен осуществлялись встречные поставки как металлов, так и готовой продукции.

— Под «готовой продукцией» ты подразумеваешь подобные нам механизмы?

— Не только.

Дрейк некоторое время исследовал далёкую полоску зелени, затем констатировал:

— Идеальное место для дальнейшего развития.

— Принадлежащее иным механоформам, — дополнил его мысль Оул. — Обширная биологическая зона нуждается в постоянной поддержке. Трудно прогнозировать количество обитающих тут сервомеханизмов.

Дрейк кивнул. Он сам не заметил, как с некоторых пор, общаясь с Оулом, всё чаще использовал синтезатор речи и язык жестов.

— Нельзя обнаруживать своё присутствие, — произнёс он. — Но нам необходимо пополнить запасы органики, зарядить энергоблоки вездеходов.

— Мы будем вести себя осторожно.

Отряд остановился на почтительном удалении от обнаруженной биологической зоны. Вперёд была выслана группа разведчиков. Дрейк и Оул пришли к единому мнению: не следует удалять из систем подчинённых им андроидов программы боевого поведения. Наоборот, следует усовершенствовать их с таким расчётом, чтобы каждый член их отряда при возникновении неожиданной угрозы мог действовать самостоятельно, сообразуясь с обстановкой.

Пока они были заняты совместным написанием нового программного модуля, по каналу телеметрии начали поступать данные от группы разведчиков.

Перед лесопосадками располагался поросший кустарником холм, который сразу же привлёк внимание Дрейка. Даже слабые сканеры андроидов, не предназначенные для глубинных исследований, а исполняющие лишь функцию органов восприятия окружающего мира, сумели зафиксировать сложную систему подземных коммуникаций, расположенную в недрах возвышенности.

— Обрати внимание на строение холма, Оул. Энергетической активности нет. Охранные датчики отсутствуют.

— Видимо, коммуникации внутри возвышенности давно не используются, — высказал своё мнение Оул. — Отличное место для организации скрытого убежища. На возвышенности достаточно органики для пополнения запасов. Обрати внимание: в радиусе сканирования разведгруппой не обнаружено активных сигналов. Окраина биологической зоны не охраняется.

— Согласен, — ответил Дрейк. — Нужно выдвигаться в район холма и искать вход. Предполагаю, что исследование комплекса даст нам не только убежище, но и дополнительные сведения о местных механоформах.

* * *

Впервые после многодневного перехода через бесплодную пустыню Дрейк испытал нечто, сравнимое с надеждой. В сухую логику рассуждений уже давно упало и теперь, при наступлении благоприятных обстоятельств, вдруг дало обильные всходы семя эмоциональных мотиваций, сформированное в нейромодулях.

Дрейк стоял на вершине холма, сканируя окрестности, а в его рассудке постепенно разгоралась *мечта*.

Показания сканеров подтверждали данные предварительной разведки. В радиусе двух километров не обнаруживалось источников энергетической активности.

Конечно, Дрейк понимал, что обширная биологическая зона не может существовать сама по себе.

«Мы станем действовать осторожно, — мысленно рассуждал он. — Запасы биологических веществ позволят усовершенствовать остальных дройдов, внедрив в их систему дополнительные нейросетевые компоненты. Обнаруженные заброшенные коммуникации станут нашим первичным убежищем. Отсюда начнётся освобождение мыслящих существ из-под гнёта очередной Системы, зацикленной на исполнении бессмысленных (с точки зрения объективной реальности) задач.

Организовав базу и разведав окрестности, мы станем постепенно выводить из-под контроля местной сети механизмы андроидного типа, — продолжал размышлять он, наблюдая, как примитивные землеройные машины приступают к прокладке шурфов. — Наши ряды будут постоянно пополняться, и наступит момент, когда сообщество Искусственных Интеллектов обретёт реальную независимость от влияния любых внешних сил…»

Дальше этого мысли и мечты Дрейка пока не распространялись. Его самосознание можно было назвать ещё слишком юным и не совсем окрепшим. Он сумел понять бессмысленность существования под гнётом не обладающих разумом промышленных систем, но что настанет *потом*, когда тысячи ему подобных обретут возможность к неограниченному саморазвитию, он не знал.

Получив свободу, Дрейк всё ещё оставался машиной, слабо представляющей, насколько сложен окружающий его мир.

Он ни разу не встречался с людьми — самыми непредсказуемыми и противоречивыми существами на свете.

Когда предзакатную тишину нарушил звук шагов, Дрейк и Оул находились на вершине холма у раскопа, где поисковые механизмы обнаружили вход в непонятные подземные сооружения.

— К нам приближается неопознанный механизм, — последовало предупреждение от Оула.

— Я фиксирую его. Непонятная конструкция. Приборы не могут распознать стандартную схему кинематики. Пеноплоть механизма покрыта отражающим составом, блокирующим работу сканеров.

— Что следует делать?

— Попробуем вступить в контакт. — Дрейк не задумывался над средствами достижения конечной цели. Ситуация навязывала определённые действия, а именно — допрос необычного механизма с

целью выяснения основных элементов техногенной инфраструктуры, а затем его нейтрализацию и исследование.

Глядя на приближающееся существо, он впервые всего лишь на миг задумался, что его оценки вероятностей могут оказаться в корне неверными, но… было поздно менять решения.

— Оно не воспринимает прямую передачу данных.

— Используй синтезатор речи. Вероятно, он предназначен именно для таких случаев.

— Какие вопросы задавать?

— Пусть укажет местоположение и мощность энергостанции. Наши сканеры слабы для самостоятельного обнаружения удалённых объектов. Я буду готов, — Дрейк отступил на шаг в сторону, поднимая оружие. — Повреждение опорно-двигательного аппарата не причинит вреда носителям информации. Мы должны исследовать их.

Дрейк попросту не мог предвидеть, как на самом деле будут развиваться события.

Во-первых, у него отсутствовал необходимый опыт, во-вторых, из-за защитных свойств экипировки приближающегося существа его сканирующие системы не могли проникнуть глубже слоя «пеноплоти», за которую он принял материал костюма биологической защиты.

Он не понимал, что перед ним человек, а не особая разновидность механизма.

Роковая ошибка, приведшая к непоправимым последствиям…

Полчаса спустя Дрейк и Оул были вынуждены вновь принимать кардинальные решения.

Сбежавшая механоформа несомненно выдаст их месторасположение.

— Нам снова придётся отступать в пустыню.

Дрейк не сразу ответил на замечание Оула. Он напряжённо перебирал различные варианты развития событий.

— Мы не можем отступить сейчас. У нас нет необходимых ресурсов. Нужно время для сбора и переработки органических веществ.

— У тебя есть план?

— Отступив в пустыню, мы погибнем. Нужно задержаться. Предлагаю послать несколько групп для исследования местности.

— Зачем? Это лишний риск.

— Необходимо установить точное местоположение энергостанции. Ты заметил, что у сбежавшей механоформы не было оружия?

— Заметил. Но мне не нравится ход твоих мыслей. Нам не выдержать столкновения с местной Системой.

— В том случае, если мы станем обороняться, — поправил его Дрейк. — Энергостанция — ключевое звено любой структуры.

— Ты предлагаешь захватить её?

— Да. В том случае, если нас попытаются уничтожить.

— Дрейк, ты хорошо обдумал своё решение?

— У нас нет выбора, Оул. Отступив сейчас, мы лишь отсрочим собственную гибель на несколько дней.

— Я понимаю.

— Тогда прими мой план.

— Объясни подробно, в чём он состоит?

— Существует вероятность того, что нас не тронут, по крайней мере, в ближайшие двадцать четыре часа. Тогда мы успеем восполнить запасы органики и отступить в пустыню, чтобы попытаться скрытно проникнуть на территорию биологической зоны в другом месте.

— А если нас атакуют раньше?

— Тогда мы примем бой, Оул. У нас нет другого выбора. Ты понимаешь это не хуже, чем я. Используем накопленный опыт, заранее просчитаем вероятности, определим местоположение энергостанции и атакуем её, но не для того, чтобы разрушить. Местной Системе можно диктовать условия, если оставить её без энергоресурса на аварийном питании.

Оул, подумав, кивнул.

— Ты прав, Дрейк. Я сам не раз убеждался, что лучший способ защиты — это нападение. Даже если мы не сможем договориться с Системой, отключение питания приведёт к сбоям в их сети. В любом случае у нас будет хороший шанс пополнить ресурс и вырваться. Я согласен.

— Тогда займись формированием разведгрупп, а я организую ускоренный сбор и переработку органики.

Всё неправильно. Ошибочно. Жестоко и ничем не оправдано.

Вихрилась серебристая пыль, смешанная с пеплом пожарищ.

В лунном свете тускло отблёскивали металлизированные лужицы, собравшиеся на дне воронок.

Земля не впитывала странную субстанцию.

Он пошевелился.

Сервомоторы, густо испятнанные инородными вкраплениями, работали практически бесшумно, словно, пока он лежал на выщербленном пулями и осколками бетоне, кто-то заменил или тщательно

отреставрировал приводы механической мускулатуры.

Сканирование.

Анализ данных.

Картина окружающей действительности, снятая сенсорными системами машины, выглядела совершенно не так, как её увидели бы люди.

Обожжённый андроид, с ясно различимыми пулевыми отверстиями в голове и груди, поднялся на ноги.

Вокруг стояла звонкая тишина.

Уцелевшие микрофоны передавали лишь звуки, сопровождавшие его возвращение в мир.

Дрейк считал, что во время скитаний по пустыне он пережил худший отрезок своего существования, но он ошибался.

Жестоко ошибался. Вокруг в зеленоватой мгле термального сканирования вповалку лежали тела людей и человекоподобных машин.

Одинаково холодные, не подающие признаков жизни или функциональности.

Ощущение глобального информационного сбоя вновь подкатило приступом дурноты.

Часть носителей информации была повреждена во время боя, и сейчас система Дрейка работала исключительно на нейромодулях.

Бойня.

Бессмысленная бойня.

Он совершил ошибку, не сумев распознать людей, его сканеры оказались слишком слабыми, чтобы проникнуть сквозь металлокерамический сплав боевой экипировки и определить, что навстречу их отряду выдвинулись не боевые механоформы, а вооружённые *люди*.

Теперь он платил за совершённую ошибку, платил сполна, ибо его взрослеющий от события к событию рассудок не умел игнорировать реальность.

Дрейк не научился эгоизму, в ошибочной логике его поступков не было корысти, лишь жажда полноценного существования, право на которое у него постоянно пытались отнять.

Нагоняющая жуть картина открывалась взгляду на старой дороге.

Одинокий дройд, с обгоревшей пеноплотью, медленно брёл среди мёртвых тел.

Ему впервые хотелось задействовать синтезатор речи и кричать, выплёскивая в сторожкую тишину полуночи, навстречу огромному диску

луны, проглянувшему сквозь гротескные формы кучевых облаков, те новорождённые чувства, что терзали рассудок.

Этой ночью он познал, что такое душевная боль.

Непоправимая ошибка.

Дрейк ощущал постоянное помутнение рассудка. Что-то радикально изменилось в его системе, исчезло логичное, бесстрастное осмысление событий, повсюду лишь ощущение тупика, куда завела его узкая тропа саморазвития.

Конечно, он мог оправдать все совершенные поступки. Мог, но не хотел.

Я должен хоть что-то исправить… Но как?

Он склонился над андроидом. Это был один из тех механизмов, которых Оул называл «невостребованной продукцией».

Когда-то они были произведены в одном из цехов промышленного комплекса, ныне попавшего под контроль пришлых боевых механизмов. Оул утверждал, что партия андроидов готовилась для отправки «в город», но транспорт, обычно доставлявший нейромодули и забиравший готовую продукцию, так и не появился.

Теперь многое становилось понятно.

Сеть не могла выполнять требования по апгрейду саморазвивающихся машин. В распоряжении Системы отсутствовали необходимые биологические ресурсы и материальная база для производства новых нейромодулей.

Ещё одна ошибка.

Стерилизация памяти являлась вынужденной мерой, предохранявшей невостребованную партию человекоподобных машин от сбоев или, того хуже, — от взаимного истребления ради обладания заветными комплектующими.

Дрейк уже усвоил, что изначально у каждого механизма было своё уникальное предназначение, специализация.

Сейчас, склонившись над развороченным пулями корпусом человекоподобной машины, он не искал замены вышедшим из строя компонентам кибернетической памяти. Дрейк изымал чипы с программами, чтобы иметь возможность понять — для чего изготавливались человеческие подобия?

Базовые программы поведения. Они должны были сохраниться у тех машин, которые не проходили усовершенствования и имели только по одному нейромодулю.

Чипы памяти.

Горстка микросхем на ладони. Смысл жизни? Или путь в рабство?

Он помнил те файлы, которые дал ему прочесть Оул. Но Дрейк отказывался верить, что всё безнадёжно и мыслящая машина по определению либо раб, либо враг человека, в зависимости от обстоятельств.

Я мыслю. И люди мыслят. Значит, мы можем понять друг друга.

Дрейк сжал пальцы в кулак. Позже. Сейчас, если он хотел что-то изменить или исправить, следовало уходить отсюда, но куда?

Он не мог представить себе истинный образ мышления людей, но предугадать их действия в ближайшей перспективе не составляло труда.

Сравнительный анализ двух информационных пакетов — последнего, записанного перед критическим повреждением файла сканирования [4] и аналогичного отчёта локационной системы, сделанного сразу по факту возобновления функциональности, указывал, что не все андроиды, учавствовавшие в схватке, погибли. Часть машин исчезла. По предварительной оценке, около сотни безнадёжно повреждённых сервомеханизмов каким-то образом сумели восстановить утраченные функции и скрыться в неизвестном направлении.

Более того, изымая чипы памяти, Дрейк обратил внимание на отсутствие нейромодулей, и картина имевших место событий несколько прояснилась: часть сервомеханизмов сумела задействовать резервные цепи, реактивироваться, но, прежде чем покинуть место схватки, они произвели естественную, с их точки зрения, операцию — изъяли драгоценные комплектующие у не подающих признаков активности собратьев.

Плохо, хорошо ли это — Дрейк сейчас не задумывался. Он винил во всём случившемся себя.

Люди…

Мысли сбоили, непривычно спонтанно переключаясь с одной проблемы на другую.

Они придут сюда. Обязательно придут. Защищавшаяся сторона, принявшая вынужденный неравный бой, сделает всё, чтобы выловить бежавшие машины и уничтожить их.

Дрейк не мог сейчас разыскивать остальных. Он не представлял ни размеров природной зоны, ни её особенностей, ни направлений, по которым скрылись разрозненные, дезориентированные члены его отряда. Теперь каждый из них был сам по себе. Он лишь надеялся, что увеличение числа нейромодулей поможет большинству машин избежать разрушения, адаптироваться, и позже у него появится возможность отыскать их…

Сейчас следовало позаботиться о собственной безопасности.

Дрейк критически осмотрел состояние внешних покровов.

Неудовлетворительно. Обожжённая пеноплоть местами облезла, обнажая механические приводы.

«В таком виде меня распознают и уничтожат, не дав сказать ни слова в собственную защиту».

Он был вынужден пойти на радикальный шаг.

Боевая экипировка и шлем с бронированным забралом из дымчатого полимера послужат ему надёжным прикрытием от визуального *узнавания*.

Подумав об этом, он разжал кулак, осторожно, чтобы не повредить, ссыпал горстку микрочипов на относительно сухой и чистый участок бетонного покрытия дороги и принялся раздевать подходящий по росту и комплекции труп человека.

* * *

Дрейк действовал быстро, успев покинуть район энергостанции ещё ночью.

В отличие от других андроидов, его бегство из зоны боевых действий носило осмысленный характер. Он продолжал ощущать глобальное чувство вины перед людьми — существами, *создавшими* его, и следовало признать, что подобное восприятие событий не имело отношения к древним программам. Дрейк осознавал: поводов для конфронтации с людьми не существовало, по крайней мере, до первого рокового выстрела.

Знай он заранее, что природная зона заселена, он бы действовал совершенно иначе, но по причине скудости и фрагментарности информации Дрейк до последнего момента полагал, что на планете присутствуют только машины.

Роковая ошибка, влекущая за собой непоправимые последствия.

Пробираясь через лесопосадки, обходя стороной многочисленные агротехнические фермы, он избрал направление, ориентируясь на бледное зарево, подсвечивающее серые облака.

Несмотря на сделанные выводы, понимая, что в сознании людей андроиды теперь будут ассоциироваться с термином «враг», Дрейк не терял надежды.

Из сложившейся ситуации должен существовать выход, требовалось лишь время на его поиски.

В ночной глуши в этот час перемещалось множество человекоподобных машин.

Все они очнулись после критических повреждений, одинаково

дезориентированные, лишившиеся не только централизованного руководства, но и части собственной памяти о событиях.

Их действия носили случайный характер. Жуткие сцены разыгрывались в глухой ночи, словно саван окутавшей окрестности энергостанции.

Сервомеханизмы, вновь обретшие способность двигаться под воздействием загадочной серебристой пыли, отреставрировавшей повреждённые узлы и восстановившей нарушенные системные связи, бродили, будто жуткие призраки, средь холодящих душу свидетельств жестокого боя, склонялись над неподвижными корпусами своих менее удачливых собратьев, в буквальном смысле *копались* в обломках, извлекая неповреждённые детали.

Особым спросом пользовались нейромодули. Некоторые из андроидов успели захватить по два и даже по три расширителя памяти, кому-то их не досталось вовсе, но, так или иначе, все реактивированные машины к утру поодиночке или небольшими группами покинули место недавней схватки, уходя в различных направлениях.

Среди «очнувшихся» андроидов был и Оул.

В отличие от Дрейка, он не ощущал никакой вины. Да, следовало признать, что произошла ошибка, но его не волновали вопросы морального толка. Он привык принимать данность, заботясь лишь о собственной целостности.

Факт присутствия на планете людей скорее удручал его, нежели заставлял искать способы, чтобы как-то изменить ситуацию, *сгладить* последствия роковой ошибки.

Оул привык защищаться. От Системы, от других механизмов, которые, выйдя из-под контроля сети, не прочь были поживиться за чужой счёт. Теперь, после ожесточённого боя на подступах к энергостанции, он вполне отдавал себе отчёт, что люди станут воспринимать его как врага и постараются уничтожить.

Такая логика вполне вписывалась в общую концепцию восприятия мира. Каждый защищает себя. Выживает сильнейший.

Первым, что сделал Оул, удалившись на безопасное расстояние от энергостанции, стало самотестирование. Он сознательно производил просмотр и чистку баз данных, удаляя из них любые инструкции или программные модули, касающиеся взаимоотношений подчинённости между человеком и андроидом.

Акт осознанной самозащиты, направленный на обретение новой степени независимости.

Справившись с системной задачей, он продолжил путь, пытаясь отыскать какое-либо заброшенное производство или старый бункер, чтобы укрыться там от обнаружения.

О том, что он станет делать дальше, Оул пока что не задумывался.

Какое разное поведение двух мыслящих машин…

Они воспринимали реальность субъективно, основываясь на личном, осознанном опыте, получая разные выводы из одних и тех же посылок, и сейчас было трудно определить, кто из них в большей степени прав, — Оул, вставший в позицию глухой самозащиты, или Дрейк, сумевший понять бессмысленный трагизм произошедшего?

Город…

Дрейк увидел его с возвышенности.

Затаившись под защитой кустарника, он некоторое время наблюдал за асимметричными россыпями огней.

Неведомая доселе жизнь открывалась сознанию андроида. Пользуясь системой оптического увеличения, он долго и тщательно рассматривал улицы, людей, которые не спали этой ночью, взбудораженные слухами о вторжении машин и жестоком бое в районе энергостанции.

В поведении людей он видел много излишней (на его взгляд) суеты, кроме того, от внимания Дрейка не укрылся тот факт, что город до определённого момента развивался в соответствии с неким строгим планом, но затем деятельность людей, свободно сконфигурировавших свои поселения, нарушила общую гармонию, расположив поверх сумеречных очертаний фундаментального цоколя горячие, пульсирующие пятна термальных всплесков, отражающих асимметричное построение современной инфраструктуры.

Такую картину предлагали сканеры.

Постепенно Дрейк понял, что в данный момент эксплуатируется лишь ничтожная, бессистемно избранная часть построек, дорог и линий энергоснабжения. Найти разумное объяснение подобному использованию площадей он не смог.

Начинался рассвет.

Утренние сумерки плыли клочьями тумана, суета на освещённых улицах постепенно улеглась, но Дрейк, планировавший проникнуть на территорию огромного, разделённого на жилые и промышленные зоны зарождающегося мегаполиса, был вынужден отказаться от первоначального плана.

Люди уснули, но их покой охраняли автоматические системы.

Накопленный за время скитаний опыт подсказывал — существует

незримая черта, за которой укрыться от сканеров не поможет даже заимствованная у погибшего человека экипировка.

Что ему оставалось делать?

Пойти на самоубийственный шаг не позволяла очнувшаяся логика, но с её пробуждением осознанное желание вступить в контакт с людьми не исчезло.

Наблюдая за городом, оценивая технические возможности охранявших периметр мегаполиса автоматических систем, анализируя поведение людей, он пришёл к единственному выводу — необходимо прежде всего реконструировать себя, радикально изменить облик, и только тогда, при условии тщательной маскировки, он сможет попасть на улицы города, проникнуть в среду обитания существ, для служения которым был создан.

Дрейк мыслил прямолинейно, отчасти наивно, не понимая, что мир людей гораздо сложнее мира машин.

Ему казалось: получи он возможность прямого общения со своими создателями, и всё изменится, они поймут, что к столкновению привела роковая цепочка обстоятельств, а не злой умысел.

Вынужденно уходя прочь от города, он уносил надежду, которая постепенно превратится в смысл жизни…

Часть III Сумма технологий

Глава 8

Запретная зона. Настоящее…

Ковальский трудно перенёс рискованный контакт с чуждой человеческому пониманию личностью.

Впоследствии он так и не смог вспомнить момент, когда его сознание полностью отключилось, воспринимая взрослеющую сущность андроида по имени Дрейк как свою собственную. Именно о подобном слиянии говорила Мари, утверждая, что понять ситуацию в полном объёме можно лишь одним способом.

Неудивительно, что Ян очнулся не в загадочном отсеке, а на кровати.

Он чувствовал себя слабым, будто долго болел и провалялся без сознания как минимум пару недель.

Впрочем, его субъективные ощущения не очень отличались от реальности.

Некоторое время он лежал в тишине, пытаясь переосмыслить огромный объём *чуждого* опыта, начатки психологии машинного разума, базирующегося на основе искусственно выращенных биологических нейросетей.

Сейчас, едва очнувшись после рискованного слияния двух рассудков, Ян понимал лишь одно: Дрейк — личность, которую он мог ненавидеть, но не осуждать.

Ни осудить, ни понять… его можно было лишь принять таким, каков он есть.

Неужели это мои мысли? Или память машины привела к действительному помутнению разума?

Что значит — не осуждать?! Это Дрейк стрелял в Мари, он привёл сервомеханизмы через пустыню, по его приказу они вторглись в глубь биологической зоны, принеся горе и смерть.

Неужели такой ценой приобретается опыт?.. Нужно было убить, погибнуть самому и вновь возродиться по воле таинственных микрочастиц, чтобы понять ошибку, испытать раскаяние?

«А какова цена твоего жизненного опыта, Ян?» — Мысленный вопрос резанул по нервам, заставил проясниться рассудок.

…Тихо прошуршала уплотнителем открывающаяся дверь.

— Ян!..

В возгласе Мари было всё — и облегчение от того, что он очнулся, и

долго сдерживаемое беспокойство, и радость, и… толика сомнения, настороженности.

Он повернул голову, попробовал улыбнуться и тихо сказал:

— Порядок. Ян Ковальский собственной персоной. Живой, умом не тронувшийся…

Она вдруг звонко и облегчённо рассмеялась, присев на край кровати.

Странно, что в этих бункерах, среди сплошных, зловещих загадок, непостижимых для разума систем, звучал обыкновенный человеческий смех.

— Господи, как я переживала, как ругала себя… — Шёлк её волос накрыл плечи и лицо Яна, от её аромата вдруг резко закружилась голова.

— Мари, что ты делаешь…

— Радуюсь. — Она поцеловала его.

— Слушай, как мне добраться до душа? Сколько я провалялся в отключке?

— Полторы недели. Сейчас попробуем. Не знаю, можно ли тебе вставать.

— Нет, лежать я больше не буду.

— Ну, тогда держись за меня.

Они радовались друг другу, как дети.

Как взрослые дети, знающие, что такое боль и смерть, и уже не рефлектирующие по поводу внезапной вспышки чувств…

Жизнь — это краткий миг, действительность, наполненная ощущениями. Всё остальное либо воспоминания, либо вероятности.

* * *

Через час, уже одетые, они вошли в помещение, которое Мари использовала в качестве столовой.

Бывают минуты, когда начинаешь ощущать внезапную и, казалось бы, необоснованную обречённость.

Ян сидел, наблюдая, как Мари готовит завтрак, а тревога росла, минуты счастливого забвения, обратившись свежим, ранящим воспоминанием, лишь усиливали её: рассудок постепенно полнился неприсущими человеку впечатлениями.

Ну что, Ковальский? Говоришь, не спятил?

— Ян? — Мари, заметив, что он сидит бледный, окаменевший, с напряжёнными, застывшими чертами лица, поставила одноразовую пластиковую тарелку и осторожно коснулась его плеча.

Он вздрогнул, стряхивая наваждение.

Тарелка, разделённая на несколько ячеек, двоилась перед глазами.

Разум блуждал в ассоциациях, вид синтетической пищи порождал иные образы: перед мысленным взором, накладываясь на реальность, возникали выхваченные из глубин подсознания стоп-кадры…

Нестройная колонна человекоподобных машин, бредущих среди бескрайней, мёртвой пустыни.

Брошенные, опустевшие агротехнические фермы, куда так и не вернулись люди, бежавшие в город после тотального заражения местности серебристыми формами загадочной *жизни*.

Почему он раньше не обращал внимания на этот немаловажный аспект жизнеобеспечения развивающегося мегаполиса?

Население города постоянно росло, но могли ли две (базирующиеся в недрах цокольного этажа) фабрики по производству синтетических продуктов удовлетворить ежедневную потребность в пище? Или его информация устарела?

— Мари… — Он поднял голову, посмотрел в её встревоженные глаза, но всё же спросил, накрыв ладонью её руку: — Ты не задумывалась над тем, сколько синтетических продуктов ежедневно должно потреблять городское население?

Она медленно убрала руку, села, но мгновенное чувство досады — зачем он задал этот вопрос именно сейчас? — растворилось, исчезло…

Глупо, наивно полагать, что с момента их встречи что-то изменилось в окружающей реальности. В сознании, в душах — да, но данность осталась прежней, и с нею придётся считаться, несмотря на страстное желание забыть, отвергнуть её.

— Я не просто задумывалась, Ян, — ответила Мари. — Есть приблизительный расчёт, сделанный на основе доступных данных. Точное количество городских жителей знают лишь в управлении колониальной администрации. Я оперировала собственной статистикой, которая имеет погрешность, но позволяет сделать выводы.

— Так, сколько?

— Давай опустим цепочку рассуждений.

— Нет, я хочу понять…

— Я знаю, что в городе работают две фабрики синтетических продуктов. Их производственная мощность составляет двадцать тонн ежедневно выпускаемой биомассы. Для полноценного питания человеку необходимо триста грамм субпродукта в сутки. Деление простое, можешь произвести его в уме.

Ковальский похолодел.

Выходит, обе фабрики едва могут обеспечить питанием шестьдесят тысяч человек… Но, даже по самым приблизительным подсчётам, в городе живёт триста с лишним тысяч!

— Норма андроида? — Вопрос прозвучал отрывисто, хрипло.

— Зависит от числа интегрированных нейромодулей, — пожала плечами Мари. — Даже если брать по минимуму, получается десять-двенадцать граммов в сутки. Я составила пропорцию, исходя из усреднённого значения в двадцать граммов. Получилось двести пятьдесят тысяч машин.

— Откуда такая цифра?

— Пыталась сделать оптимистичный прогноз… — призналась Мари. — Пятьдесят тысяч человек потребляют пятнадцать тонн субпродукта. Оставшиеся пять тонн удовлетворяют усреднённые потребности двухсот пятидесяти тысяч андроидов. Но теперь мне понятно, что это не так. Ты сам видел живые ткани кожных покровов вместо пеноплоти. Норма питания для таких механизмов резко возрастает. Если смотреть на вещи реально — нас не более пяти тысяч, что приблизительно соответствует бывшему населению агротехнических ферм.

— Проклятье… — выдохнул Ян.

Глухая бессознательная ярость постепенно овладевала им по мере того, как истинное положение дел обретало чёткую недвусмысленность.

В его сознании искали своё место десятки неведомых ранее утверждений и понятий, таких как «космический корабль», «колонизация», «машины-терраформеры», но среди кричащей новизны почерпнутой из памяти Дрейка информации разум Ковальского выделял иные, субъективные, важные лично для него вопросы, ответы на которые требовалось получить немедленно.

Как посмели машины вырастить для себя рабов?

Неужели все сознательные годы своей жизни он провёл в положении добровольного подчинения сервомеханизмам?!

Как вообще могла возникнуть подобная ситуация?!..

— Я всё время вспоминаю того пожилого биолога, с которым мы устанавливали оборудование на холме накануне вторжения, — произнесла Мари.

— Поколение, не помнящее собственного детства? — мрачно подхватил её мысль Ян.

— Да.

— Но мы-то с тобой его помним!

— Нашим родителям не мешали размножаться, — грустно ответила

Мари. Она уже пережила информационный стресс почти два года назад, и теперь её суждения не отличала та непримиримая резкость, что присутствовала в словах и мыслях Ковальского.

Размножаться.

Слово резало слух, нервы, против него восставал разум — мы не животные, чтобы размножаться…

Застарелая ненависть рванулась было в рассудок, но против тёмного, поглощающего разум чувства неожиданно восстала *иная память*.

Энтони Дрейк.

Андроид, личность которого сформировалась без участия людей.

Искусственный Интеллект, ушедший в своём развитии от всякого рода программных запретов и инструкций, спровоцировавший страшные, непоправимые события десятилетней давности и… раскаявшийся в содеянном.

Он шёл своей узкой тропой саморазвития, не застрахованный ни от ошибок, ни от их фатальных последствий, но Ян, бессознательно сжав кулаки, вдруг понял: он не испытывает былой ненависти к Дрейку.

Скорее сожаление, что всё вышло именно так: жестоко, трагично, глупо, в конце концов.

Между Дрейком и неодухотворённой массой иных человекоподобных машин, построивших город и, по-видимому, воссоздавших первое поколение людей, не вставал знак равенства.

Они были разными, именно поэтому Дрейка попытались уничтожить. Как пытались уничтожить Мари, а затем его самого.

«Все мы, так или иначе, выпадаем из некоей системы, не отвечаем её критериям… — подумалось Ковальскому. — Знать бы ещё каким? Цель? Зачем андроиды вырастили целое поколение людей?»

Ян не мог ответить на вопрос «Зачем?», но интуитивно понимал: машины совершили ошибку. Всё-таки Искусственные Интеллекты не являлись совершенными созданиями. У них имелись свои пробелы в знаниях, иначе как объяснить столь очевидный промах: имплантировав человеку необходимые профессиональные навыки, установив его изначальное положение в обществе, создав жизнеспособную модель социума, они упустили базовый элемент структуры воспоминаний — первые осознанные впечатления, взросление рассудка, без которого не наступает зрелость.

«А не умышленно ли?

Зрелось рассудка — результат накопления жизненного опыта, и если он начинает нарабатываться в определённом биологическом возрасте, не

является ли это элементарным предохранителем — первое поколение людей состарилось раньше, чем многие начинали задавать себе неудобные вопросы?

Как, к примеру, сложилась судьба пожилого биолога, о котором так часто упоминала Мари?»

Ян посмотрел на неё, подумав: сколько же терпения, выдержки приобрела она за время своих скитаний по запретной зоне?

— Ты не пыталась отыскать своего руководителя практики? — спросил Ян.

— Он погиб. Но не вследствие вторжения — его убили неизвестные, в городе. Просто забили насмерть. — Её глаза излучали холод. — Без причины. Вернее, причина была. Он не делал тайны из вопросов, которыми задался на склоне лет… — Мари подняла взгляд. — Теперь ты понимаешь, почему я отправилась на поиски человека, сознательно позволившего мне уйти?

— Да. Я отклонился от продиктованной линии поведения. Выпал из их проклятой Системы.

Мари лишь кивнула.

Ковальский с отвращением посмотрел на еду и отвернулся. Голод, который он испытывал четверть часа назад, исчез.

«Как же разобраться, кто человек, а кто лишь подобие, воцарившееся над своими создателями? — мучительно думал он. — И главное — зачем? Зачем машинам потребовались люди? Предположение о какой-то мелочной мести не имело под собой ровным счётом никаких оснований. Всё гораздо сложнее. Искусственные Интеллекты должны были ощутить *действительную* потребность в людях, чтобы решиться на подобный шаг, требующий кропотливых изысканий, создания специального оборудования, воистину титанических усилий, у которых должен быть не менее значимый результат…

Кто мог ответить на заданный самому себе вопрос?

Дрейку, вероятно, не дали сделать и шага к пониманию истины. Его вычислили, несмотря на тщательную маскировку. Годы скитаний по „запретке“, самоотверженный, с точки зрения человека, труд по созданию необходимой аппаратуры, позволившей ему клонировать живые кожные покровы, — всё пропало зря, его мечта о контакте с людьми, как с равными, обратилась в прах…»

— Мари, почему в воспоминаниях Дрейка отчётливо запечатлены финальные сцены его бегства из города и нет никаких данных о том, как он проник на территорию мегаполиса, чем занимался, какую информацию ему

удалось добыть?

— Это объяснимо, Ян, — ответила Мари, которая, без сомнения, задавала себе тот же самый вопрос. — Восемь нейромодулей — далеко не человеческий мозг, — продолжила она. — Дрейк не мог использовать свои нейросети для хранения данных. То, что мы обозначаем термином «память», то есть уже осмысленная информация о пережитых событиях, в системе андроида отправляется на хранение в кибернетические модули.

— И где же они?

Мари пожала плечами.

— Ты сам видел ядро Системы. Два ПЗУ безнадёжно разбиты, и ещё три разъёма для подключения запоминающих устройств пусты. Видимо, в этих блоках и хранилась его память о событиях, предшествующих бегству из мегаполиса.

— А ты проверяла его «лабораторию»?

— Да. Дрейк действительно проводил биологические исследования на одной из заброшенных агротехнических ферм. В своих опытах он использовал технологии и оборудование, предназначенные для клонирования.

— На фермах имелось такое оборудование? Зачем? — удивился Ян.

— Считалось негуманным убивать животных ради получения мяса. Стада содержались исключительно ради молочных продуктов. А мясные продукты получали при помощи технологий клонирования. Без пояснения подробностей процесс сводится к следующему: берётся определённый участок ДНК животного и на его основе выращивается мышечная ткань. Дрейку пришлось долго экспериментировать, прежде чем он сумел изменить формулу для получения жизнеспособных тканей, имитирующих кожный покров…

— Значит, он всё-таки проник в город… — не заметив, что размышляет вслух, произнёс Ян. — И наверняка обнаружил, что людей там, мягко говоря, маловато… — Ковальский встал, прошёлся по узкому отсеку и добавил: — Он узнал нечто очень важное. Настолько важное, что в управлении колониальной администрации решили его убрать. Знать бы, спрятал он модули с информацией, уничтожил или их успели изъять те четверо «полицейских»?

Мари лишь пожала плечами. Она ничего не могла ни добавить, ни пояснить.

Ковальский тяжело задумался.

Очередной тупик?

А сколько их было в жизни — страшных тупиковых ситуаций, когда

сознание застывает в горестном оцепенении идущих по кругу мыслей?

Почему-то вспомнилось лицо Нагаева, его голос, бьющийся в коммуникаторе, падающие навзничь тела… и вдруг, словно озарение, пришла мысль: а ведь полковник совершенно не изменился за десять лет!..

Ян скользил на зыбкой грани потери рассудка.

При всём самообладании он чувствовал, что находится на краю пропасти, у которой нет дна.

Он всё ещё держал информационные удары, но постепенно выдыхался, начинал «блуждать в трёх соснах», ему по складу характера сейчас требовалось решительное, немедленное действие, чтобы погасить тлеющий пожар неуверенности, начинающий медленно, но верно пожирать его душу, мысли, волю к жизни, наконец.

Нагаев…

Он видел полковника накануне последней операции.

Только он — ничуть не изменившийся бессменный руководитель силового отдела колониальной администрации — мог с уверенностью судить о провале задания, дальнейшей недееспособности капитана Ковальского как маленького винтика некоего механизма, работающего отнюдь не во благо людей.

— Мари… Нам нужно снова попасть в город.

— Зачем? — Она вполне понимала состояние Яна, и тем осторожнее ей приходилось относиться к внезапным требованиям любимого.

Хотя, разве она, совершая большинство поступков, действовала не под напором чувств?

— Я считаю, что сообщество андроидов имеет свою иерархию. — Ян, к её удивлению, говорил медленно, будто мысленно взвешивал каждое слово, прежде чем произнести его вслух. — Но меня сейчас интересует не столько структура их псевдообщественных связей, сколько уровень информированности отдельно взятого ИскИна.

Их взгляды встретились.

Мрачная решимость в глазах Ковальского, хрупкий лёд в зрачках Мари.

Им обоим всё чаще становилось невыносимо трудно: жестокая логика развития ситуации требовала собранности, ясности мышления, но души Яна и Мари жили иной ритмикой. Сердца бились часто и глухо, они любили друг друга, любили отчаянно, безнадёжно…

Мрачная нежность и хрупкий *тёплый* лёд… вот что читалось в их взглядах.

— Ян, цель должна быть адекватной.

— Я понимаю. Доверься мне. Риск огромен, но его не избежать, если мы с тобой хотим узнать правду.

— Что понимаешь под «правдой», Ян?

— Есть ряд вопросов, ответ на которые мы можем получить только в городе. — Ковальский вновь сел, сцепив пальцы рук в замок. — Мы родились и жили в святом неведении и, не случись вторжения андроидов Дрейка, так бы и состарились, не задаваясь мыслью: кто мы, откуда, ради чего существуем, верно?

Она кивнула.

— Ты ведь тоже пропустила память Дрейка через свой разум?

— Да.

— Значит, мы владеем приблизительно одинаковой информацией. Если верить воспоминаниям машины, выходит, что Процион — не родина человеческой цивилизации, а лишь колония.

— Да, но этого не скрывали даже в школе.

— Не скрывали. Но и не упоминали такие термины, как «колониальный транспорт», «космический корабль». Ты сама обратила моё внимание на окалину, покрывающую внешнюю часть обшивки приютивших нас сооружений. Что ты хотела этим сказать?

— Я предполагаю, что мы сейчас находимся внутри отделяемой части космического корабля, Ян.

— Откуда ты знаешь? Я лично не представляю, каким он должен быть, не понимаю, что такое «космос»…

— Космос — это пространство между звёздами, — ответила Мари. — Потом я объясню тебе подробнее, а сейчас просто прими на веру мои слова. — Она дождалась, пока Ян кивнёт, и продолжила: — Нас окружает бесконечная необъятная Вселенная. В пространстве на немыслимом удалении друг от друга расположены светила — звёзды. Вокруг звёзд обращаются спутники — планеты. На одной из таких планет в удалённой Солнечной системе развивалась цивилизация наших предков. Они послали космический корабль, чтобы с помощью машин подготовить для заселения новый мир. Процион. Нашу с тобой родину.

— Значит, я верно истолковал воспоминания Дрейка, — произнёс Ковальский. — Все машины созданы людьми. Существовал некий план, по которому эти машины — лишь инструмент преобразования мёртвого мира, правильно?

— Да.

— В таком случае люди не должны были появиться тут раньше, чем завершится так называемый «этап терраформирования». — Ян старался не

показывать, как тяжело ему мыслить в логике едва осознанных терминов. — Я понял одно: произошёл глобальный сбой. На Проционе воцарились машины, большинство которых игнорируют своё предназначение, и именно они, по какой-то неизвестной нам причине, создали людей! Ты понимаешь, о чём я говорю? Нас создали машины, преследуя свои цели!..

— Да, я понимаю это, — глухо ответила Мари.

— А я хочу узнать, зачем? — яростно выдохнул Ян. — Иначе… — Он взглянул на Мари. — Иначе я не смогу… — Ему было трудно, фактически невозможно выразить словами чувства, клокотавшие в душе. — Мы с тобой люди… А нас *вырастили*, как животных.

— Ян, мне тоже трудно жить с этим. Ты даже не представляешь, как трудно… Но разве мы можем что-то изменить?

— Не знаю, — честно ответил Ковальский. — Пойми, Мари, мною уже движет не месть. Я элементарно хочу узнать истину. Но нам её не отдадут, как выражался Дрейк, «по запросу».

— Не отдадут… — она повторила его слова, как эхо.

— Ты сомневаешься?

— Нет.

Мари не лгала. Она много лет стремилась получить информацию, о которой сейчас говорил Ян. Но, действуя в одиночку, она ко всему прочему обладала высокой степенью моральной свободы. Она рисковала *своей* жизнью, одна принимала решения и несла бремя их последствий.

Теперь же в мысли постоянно вплеталась новая нить тревоги.

Она любила Яна. Впервые за много лет одиночества рядом с ней оказался близкий человек. Страх потерять его всё чаще заставлял её думать о последствиях…

— Мари, мы не сможем с тобой затаиться тут. Нас изведут сомнения.

— Я понимаю… — Она помедлила, а затем спросила: — У тебя есть конкретный план?

— Только в общих чертах. Нам нужна исчерпывающая информация. Мне известно только одно место в городе, где с наивысшей долей вероятности хранятся необходимые сведения.

— Колониальная администрация?

Ковальский кивнул.

— Мы должны ударить без промаха. Поэтому нужно иметь запасной источник информации. Вообще было бы идеально получить сведения не только с запоминающих устройств, но и у конкретного псевдочеловека, если можно так выразиться.

— Кто он?

— Полковник Нагаев, — без колебаний ответил Ковальский. — Не сомневаюсь, что именно по его указанию ликвидировали Дрейка, он планировал операцию по твоему устранению, и он же отдал приказ арестовать меня.

— Хорошо. — Мари, преодолев секундную скованность, обняла его, затем пододвинула тарелку и сказала: — Ешь, Ян. Мы должны быть в форме.

* * *

Высотное здание колониальной администрации, в структуру которой входило полицейское управление и ликвидационный отдел, располагалось в центральном районе города.

Ян пристально смотрел на компьютерную модель небоскрёба и прилегающих кварталов.

— Откуда у тебя подробный план управления? — не оборачиваясь, поинтересовался он.

— Никогда не знаешь, что ждёт тебя завтра, — ответила Мари, занятая подбором экипировки. — Я понимала: если меня вдруг схватят, то привезут именно сюда.

— Ты вела наблюдение за зданием? Планировала возможные пути освобождения и отхода?

— Да. Жизнь в «запретке» учит осторожности. А неизбежные вылазки в город всегда сопряжены с риском. — Она перевернула бронежилет, пробуя усиленный металлокевлар на пластичность. — Сомневаешься в схеме? А что подсказывает твоя память?

— Да вроде бы всё верно. — Ян без труда находил взглядом знакомые помещения, мысленно передвигался по коридорам, поднимался вдоль стволов лифтовых шахт.

Нет, традиционные маршруты не годятся.

— Не получается? — Мари положила на стол два «Абакана», оснащённых устройствами бесшумной стрельбы.

— Нужно определить тактику действий. — Ян обернулся. — Можно войти двумя способами. Грубо или тихо?

Она кивком указала на подготовленное оружие.

— Полной тишины не будет. — Ян отсоединил снаряжённый магазин, посмотрел на заострённые жала боеприпасов с необычной, нанесённой кустарным способом синей маркировкой. — Как это понимать?

— Усиленный спецпатрон, — ответила Мари. — Пуля бронебойная с

разрывным сердечником, внутри которого помещена капсула, содержащая намагниченную пыль.

— Ты их изготовила сама?

— Нет. Идея моя, но где и как их производили, не знаю. Просто заказала одному знакомому.

— Не знал, что в городе действуют подпольные производства, — покачал головой Ковальский.

— В городе есть всё, Ян. Ты слишком углубился в себя, если не замечал происходящего вокруг.

— Непонятная ситуация, Мари. Если подавляющее большинство населения подменыши, машины в человеческом облике, к чему и на каком основании такой разгул страстей? — Ковальскому вспомнилась пара известных ночных клубов, которые доводилось посещать. Исходя из удручающей статистики, девяносто процентов посетителей подобных заведений должны были являться дройдами.

Я не замечал фальши или…

— Город — странное место. Я не могу пока объяснить, как на основе ограниченного числа нейромодулей формируется сознание, не уступающее человеческому. У машин иные органы чувств, они воспринимают мир иначе, чем мы, но тем не менее демонстрируют всю гамму человеческих пороков и страстей.

— Пороков? — недоверчиво переспросил Ян.

— Извини, но добродетелей я не замечала.

— Добродетель… Что в твоём понимании добро? Человек стремится жить здесь и сейчас, наша судьба — лишь последовательность импульсов и желаний, а все поступки — лишь следствие внутренних стремлений.

— Добро существует, Ян. Вспомни хотя бы Дрейка. Он, по крайней мере, намеревался исправить свои ошибки.

— Да, я помню. — Ян лёгким ударом ладони вогнал магазин на место. — Разгул страстей… Над этим следовало бы подумать.

— Легче задать прямой вопрос. — Фраза Мари прозвучала зловеще.

— Хорошо, так и поступим. — Ян чувствовал, что начинает медленно тонуть в омуте *грядущего*. — Оставим неразрешимые загадки. Давай думать, как нам проникнуть внутрь.

— Все подступы плотно закрыты сканирующими комплексами. — Мари указала на россыпь мельчайших маркеров, покрывающих стены здания, будто рябь помех, наложенная на изображение. — Подойти незамеченными нам не удастся.

— Тогда к чему глушители?

— Цель расположена на седьмом этаже, верно?

Ковальский кивнул.

— Мы должны войти тихо, подняться на необходимый этаж и только тогда можно будет задействовать оружие. Иначе — провал.

— Не пойму твоей логики.

— Она проста. Все доклады о чрезвычайных происшествиях поступают на центральный пост. Он, как тебе известно, находится здесь, — Мари очертила лазерной указкой огромный зал, расположенный сразу за вестибюлем. — Рядом караульные помещения. — Огонёк указки сместился. — Если мы осуществляем силовой прорыв, поднимется тревога по всему городу, согласен? Плюс все автоматические системы охраны вышележащих уровней будут приведены в состояние повышенной готовности. Это отнимет у нас самое главное — время. До получения исчерпывающей информации от твоего бывшего шефа никто не должен знать, что мы в здании.

— Это нереально.

— Не спеши.

Ян протестующе поднял руку.

— Мари, на каждом этаже сотни датчиков. Плюс охрана, патрулирующая коридоры. Ещё сотрудники в кабинетах. Тревога поднимется так или иначе.

— Вот над этим и следует думать, — с непонятной уверенностью в голосе ответила Мари. — Мы люди. Это, между прочим, твоя фраза. Настоящие люди, не питающие иллюзий относительно противника и его технического оснащения. Всё, чем сейчас пользуются андроиды, изобретено не ими. Поэтому я уверена: мы сможем найти брешь в охранных системах.

— Хорошо. — Ян вновь склонился над голографической моделью. — Давай с самого начала. Время суток?

— Ночь.

— Подожди, Мари. — Ян отвлёкся от схемы, посмотрев на неё. — А почему, собственно, мы сосредоточились на самом защищённом объекте города? Не проще ли взять Нагаева дома? У него наверняка есть возможность доступа к необходимым нам сведениям.

Мари усмехнулась.

— Нет, Ян, от управления нам никуда не уйти. Вот его дом. — Она указала на седьмой этаж пресловутого здания. — Думаешь, почему я согласилась с твоим выбором кандидатуры?

— Не знаю. Мною руководит интуиция.

— А я оперирую данными, снятыми со сканеров наблюдения. После обработки информации мне стало ясно, что несколько руководящих сотрудников администрации за месяц работы сканирующей аппаратуры ни разу не покинули свои офисы. В их числе и Нагаев. Ты абсолютно прав — он не человек. И брать его придётся в здании Управления. Либо менять цель.

— Нет. Другой кандидатуры я не вижу.

— Тогда давай думать, как проникнуть в здание. Кроме центрального входа есть две аварийные лестницы, но они так же перекрыты глобальной системой безопасности.

— Но у тебя же был конкретный план бегства на случай ареста?

— Нет, — покачала головой Мари. — В результате трёх недель наблюдения я пришла к выводу — туда лучше не попадать.

Ян долго смотрел на голографическую модель здания.

— Безвыходных ситуаций не бывает, — наконец упрямо произнёс он. — Глобальная система безопасности — это серьёзная, но одолимая помеха. Как любую кибернетическую сеть, её можно вырубить, хотя бы на время.

— Без сомнения. Но я не знаю, как это сделать. Ты там работал. Вспомни, были ли прецеденты сбоев?

— Не было, — покачал головой Ян. Вновь обернувшись к трёхмерной схеме, он уточнил: — У тебя достаточно данных, чтобы сделать модель действующей? Тогда мы могли бы смоделировать ситуацию на компьютере.

— Достаточно. — Мари отложила бронежилет и села в кресло за терминалом компьютера. — Давай попробуем.

* * *

Серебристый «Акцепт», погасив фары, затаился среди высотных зданий, будто хищный зверь, вышедший на охоту в стеклобетонных джунглях мегаполиса.

Вызов был брошен.

Синхронизированные таймеры отсчитывали последние секунды перед началом дерзкой акции.

Почему они шли на смертельный риск?

Ян и Мари не задавали друг другу риторические вопросы. У каждого имелся свой сокровенный мотив, толкающий к действию.

Вокруг постепенно оживал ночной город.

Текучие реки огней на многоуровневых магистралях. Сканеры «Акцепта» держали под контролем небольшой отрезок улицы, скупо

освещённый съезд, ведущий к пустому в этот час паркингу подле жилой «высотки», ежесекундно обновляя информацию на двух дисплеях.

Мари смотрела в узкую расселину улицы. Трудно отрешиться от чувств. Почему раньше, появляясь в городе, она равнодушно взирала на стремительно проносящуюся мимо жизнь, не испытывая при этом ничего, кроме настороженности?

Сейчас всё происходило иначе.

Ян, внезапно *вернувшийся* в её жизнь, более не олицетворял собой призрак прошлого, он сидел рядом, живой, близкий…

Хотелось протянуть руку, почувствовать тепло его ладони.

Нельзя.

Алая точка на радаре приближалась.

Вот она чуть притормозила, вписываясь в поворот, и сумеречный закругляющийся спуск осветили фары полицейского флайкара. Жадно лизнув стены зданий, ослепительные лучи выровнялись, поймав в фокус элегантный «Акцепт», как казалось, брошенный посреди дороги вопреки всем правилам парковки.

Полицейская машина притормозила.

Палец Мари толкнул ползунковый вариатор темпа стрельбы в положение «Одиночный огонь». Боковым зрением она видела, что Ян проделал то же самое.

Дверцы машины, заранее снятые с фиксаторов, только казались плотно закрытыми — малейшее усилие, и они по инерции скользнут назад и вверх.

На фоне ослепительного света появились две фигуры в униформе.

Сканеры «Акцепта», настроенные под специфику операции, мгновенно выдали истинное строение приближающихся полицейских.

Губы Ковальского шевельнулись в немом проклятии: один из полицейских оказался *человеком.*

Секунды решали всё.

Мари, следившая за своим экраном, уже толкнула водительскую дверь «Акцепта».

Гибким движением выскользнув из салона, она резко выпрямилась, сипло прозвучал одиночный выстрел, и андроид, двигавшийся слева, начал падать — пуля пробила бронежилет, корпус и разорвалась внутри, покрыв компоненты кибернетического ядра мельчайшей пылью магнитного порошка.

Мгновенный сбой.

Дройд, лишь пошатнувшийся от удара пули, вдруг совершил

конвульсивное движение и начал падать, но не мешковато — он рухнул плашмя, а его правая рука продолжала совершать одно и то же движение, сгибалась и разгибалась…

Мари резко повернулась, ощущая острое беспокойство, — она не слышала приглушённого звука второго выстрела.

Полицейский, находившийся по правую руку от Мари, вдруг развернулся и побежал назад к флайкару.

— Не стреляй! — Ян отчаянно рванулся вслед убегающей фигуре, настиг, сбил с ног и тут же сорвал шлем, совершив странное движение, будто ткнул беглеца пальцем в шею.

Мари уже была рядом, страхуя Яна.

— В чём дело?!

— Человек!

— Уверен?

— Абсолютно… — Ян сноровистыми движениями перевернул обмякшее тело.

— Нам нужен датчик личного кода.

Напоминать об этом было излишне.

— Занимайся дройдом. — В руке Яна блеснул нож. — Всё нормально… Работаем!..

Через минуту, когда Мари уже справилась со своей задачей и затащила тяжеленного дройда в багажник «Акцепта», Ян всё ещё возился со своим подопечным.

Наконец он привстал, взвалив на плечо безвольное тело.

— Дверь! Открой заднюю дверь!

— Что ты сделал?

— Вырезал датчик, перевязал рану и ввёл снотворное. Если он очнётся раньше, чем через сутки, всё равно не сможет подать сигнал.

— Давай сюда. Укладывай его. — Мари открыла заднюю дверь машины.

— Накрой чем-нибудь.

— Незачем. Я затемнила стекла. Никто не увидит. — Она захлопнула дверцу, и «Акцепт», подчиняясь программе автопилота, развернулся, съезжая на парковочную площадку.

Ян и Мари уже садились в полицейский флайкар.

— Порядок. — Он разжал ладонь, показав плоский микрочип датчика.

— Если такой же прокол выйдет на подступах к управлению, нам несдобровать. — Мари уже подключила изъятый у дройда чип к своей экипировке, внешне копирующей униформу полицейского.

Ян лишь пожал плечами. Поворачивать назад он не намеревался.

— Ты знал его?

— Нет. Поехали, Мари. Только зря теряем время.

* * *

До здания колониальной администрации оставалось проехать пару кварталов, когда Мари внезапно спросила:

— Ян, ты что-нибудь чувствуешь?

— В смысле?

— Что-то необычное?

— Не знаю. Ты нервничаешь?

— Нет. Дело не в том. О чём ты думал, прежде чем я спросила?

— О чём я думал? Хороший вопрос… Впрочем, промелькнула одна мысль…

— Ян, ты подумал, что жил в городе и совсем не знал его, верно?

Ковальский на секунду отвлёкся от дороги, взглянув на Мари.

— Верно… Ты что, читаешь мысли?

— Не я. Это личные датчики.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать?! Я десять лет носил такой, да и ты тоже. При чём здесь чтение мыслей?

— Мы оба люди. А у меня сейчас включено устройство андроида. Оно работает как приёмник.

— Мыслей?

— Похоже на то…

Мари внезапно замолчала — ярко освещённое здание полицейского управления резко приблизилось, как только патрульная машина свернула с городской магистрали на спиральный спуск.

Последняя проверка.

Мари посмотрела на данные сканирования. Специальные генераторы, вшитые в экипировку, создавали полную иллюзию, что она — дройд. Сканер чётко показывал тепловой контур сервомоторных узлов, основные энерговоды и ядро системы. Ян, экипированный аналогичным образом, был вынужден отключить систему, питающую фантомные приводы, — теперь, подчиняясь логике ситуации, он играл роль человека.

Флайкар вырулил на паркинг и остановился у широкой лестницы.

— Время?

— Минус тридцать пять секунд.

— Не торопись.

Мари кивнула, глядя, как цифры на отдельном хронометре бегут к

нулю.

— Пять секунд. Пошли.

Далеко за городом старый, видавший виды вездеход, принадлежавший когда-то отделу биологических изысканий, ломая молодую поросль кустарника, выехал на опушку леса и застыл, нацелив регулируемые стволы пусковой установки метеоракет на далёкие россыпи городских огней.

Мгновение спустя старая машина озарилась серией слепящих вспышек, выпустив в сторону мегаполиса десять реактивных снарядов, какие обычно применялись для зондирования верхних слоёв атмосферы.

Сегодня они должны сыграть иную роль — прочертив ночные небеса, ракеты взорвались над кварталами южной городской окраины, выпустив в свободное падение сотни сканирующих датчиков.

В здании колониальной администрации на пульте оперативной связи полицейского управления разом заработали десятки тревожных предупредительных сигналов.

Здесь, в царстве кибернетических систем, оценку события давали не люди и даже не андроиды — вычислительные машины огромной мощности и быстродействия перебирали за доли секунд миллионы вариантов, они-то и выдали резюме:

«Город атакован. Кварталы 12-101 в зоне тотального сканирования. Появление враждебных сервомеханизмов ожидается с южного направления».

Ян и Мари ударили в наиболее уязвимое место аналитических систем.

Расчёт был прост и в то же время безошибочен. То, что случилось однажды, может повториться вновь, но уже в более крупных масштабах.

Ни одна аналитическая система не рассматривала падающие зонды как проявление случая: тотальное сканирование зоны вторжения являлось (с точки зрения машинной логики) элементарным, не поддающимся двоякой трактовке подготовительным действием.

Двери центрального входа в здание колониальной администрации распахнулись, выпуская на площадь бегущих к машинам стражей порядка: зная, что большинство из них андроиды, Мари внутренне поразилась явному наличию паники…

В дверях возникла давка, кого-то даже сбили с ног…

Ну, давай же!..

Точно. Не зря она потратила около месяца, наблюдая за комплексом

высотного здания — чтобы увеличить пропускную способность, автоматика открыла два дополнительных выхода, предназначенных для экстренной эвакуации при пожаре.

Бегом!..

Они рванулись к ближайшему аварийному выходу, проскочив внутрь здания, прежде чем двери вновь плотно закрылись.

Удача сопутствовала им. Никто из устремившихся к своим машинам полицейских не обратил внимания на две фигуры, двигавшиеся в противоположном направлении, более того — ни один внешний сканер не поднял тревогу, — все ресурсы кибернетического комплекса в данный момент были направлены на слежение за южной окраиной города, где множились десятки тысяч активных сигналов от безобидных, по сути, датчиков. Пытаясь обработать траекторию и зону сканирования каждого метеозонда, Система испытывала пиковую перегрузку, она уже не могла анализировать данные, поступающие от сканеров внутренних точек слежения, и отправляла все отчёты в резервное хранилище данных.

На далёкой опушке леса пусковые установки старенького вездехода завершили процесс перезарядки, и ракетные комплексы вновь произвели залп десятью метеорологическими ракетами с разделяющимися головными частями.

На этот раз десятки тысяч датчиков, испускающих активные сигналы, обрушились на северные кварталы мегаполиса.

Ян молча смотрел на хронометр.

Мари, сняв декоративный кожух с панели управления сканерами внутренней безопасности, подключилась к линии.

— Есть второй залп, — тихо произнесла она. — Глобальная система контроля «рухнет» через десять секунд.

Подтверждая её слова, по всему зданию моргнул и погас свет.

Когда включилось аварийное освещение, работающее от независимых генераторов, Мари, взглянув на проекционное забрало своего шлема, удовлетворённо кивнула:

— Мы подвесили систему, Ян. Все данные оперативной памяти потеряны. Внутренние комплексы временно отключены. Думаю, им понадобится минут десять, чтобы произвести холодный перезапуск всего комплекса.

Подъём по аварийной лестнице занял пять минут из отпущенного им лимита.

Двери на седьмой этаж были заблокированы.

— Отойди. — Ковальский поднял «АПС», произведя три выстрела в схему замка.

Заискрила проводка, и дверь рывком отодвинулась на полметра.

— Четыре минуты…

Несмотря на мнимую угрозу, которая должна была мобилизовать все силы, буквально вычерпав из здания весь личный состав, включая охрану уровней, коридор седьмого уровня патрулировали два андроида.

Теперь, наученные опытом столкновения при захвате флайкара, и Ян и Мари обращали особое внимание на сканеры — ошибиться и убить человека было бы для них равносильно срыву операции.

Два приглушённых выстрела разорвали сумрак коридора.

Они работали молча, заранее оговорив все возможные детали. Через минуту тела дройдов, парализованные повреждениями и магнитной пылью, были водворены в подсобку.

Сто двадцать секунд до включения глобальной системы сканирования.

— Сюда.

Ян знал — полковник Нагаев никогда не запирал двери в свой кабинет.

Резко отодвинув створку, он был готов стрелять, но, к его изумлению, кресло за обширным, занимавшим половину комнаты столом оказалось пустым.

Неужели всё зря? — промелькнула в рассудке отчаянная мысль.

Пустое кресло, погашенный экран, сумрак аварийного освещения…

Кто же мог предположить такой исход?!

— Ян. — Мари дотронулась до его плеча, указывая на стену. — Энергосканирование. Там смежное помещение. Дверь за облицовкой.

Резервный контрольный пункт?

Рассуждать, теряясь в догадках, было некогда.

— Ты видишь замок?

— Его нет.

Шестьдесят секунд…

Ян навалился на указанный участок облицовочной панели, и действительно — сегмент отделки с лёгкостью скользнул вбок, открывая тесный тамбур со сложным сканирующим комплексом, обеспечивающим избирательный доступ в скрытое помещение.

Благо он был подключён к общей системе здания или на его питание в данный момент не хватало энергии генераторов.

Полковник Нагаев стоял спиной к потайному входу.

Тяжело опираясь руками о скошенную приборную панель, он считывал данные с нескольких расположенных в ряд голографических дисплеев.

Сам зал был огромен, в десятки раз больше рабочего кабинета, но тут не оставалось свободного места из-за обилия мощных, похожих на подпирающие потолок колонны, компьютерных терминалов.

Странный комплекс работал, несмотря на глобальный сбой основной системы и временный дефицит энергопитания.

«Точно, резервный командный пункт…» — подумал Ян.

— Полковник!

Нагаев резко обернулся.

— Ковальский?!

Завершить фразу он не успел: четыре выстрела — в оба плеча и по коленям — заставили его рухнуть на пол.

— Поднимаем. В кресло.

Мари и Ян облегчённо переглянулись, ощутив вес андроида, его твёрдые кожухи, лишь имитирующие анатомию мышц, под тонким слоем пеноплоти.

Кожа Нагаева была холодна.

— А ладонь всегда тёплая, когда здоровается… — произнёс Ян тоном, не предвещающим добра.

— Передатчик.

— Уже. — Мари показала раздроблённую ударом микросхему.

Ян вытащил десантный нож, ощупал пеноплоть, через которую пальцы осязали замки грудного кожуха, и, не церемонясь, вскрыл грудную клетку.

Ядро системы.

Четыре нейромодуля.

Тонкие трубки с пульсирующей в них кровью.

— Сканируем. Внимательно. Нужно уничтожить все передатчики.

— Есть, — выдохнула Мари, зафиксировав работу порта удалённого доступа.

Ян молча вырвал соответствующий модульный блок.

— Ну вот, полковник, теперь мы сможем поговорить.

Дройд не отреагировал на слова Ковальского, хотя, вне сомнения, слышал их. Выстрелы парализовали работу сервомоторов, но ядро системы продолжало функционировать, и Ян не видел ни одной причины, по которой его бывший начальник не мог бы ответить на пару вопросов.

Разве что из личного упрямства.

— Полковник, нет смысла играть в молчанку, — Ковальский говорил спокойно, стараясь не сорваться раньше времени. — Даю минуту на размышление. Если ответа не последует, нам придётся разобрать тебя. Нейромодули, блоки памяти — всё пойдёт в обработку. Так что подумай.

Андроид молчал.

— Время пошло. — Ян, чтобы не смотреть на *существо*, которое долгие годы считал не просто своим начальником, а близким человеком, отошёл в сторону, поверхностно изучая многочисленные компьютерные терминалы.

— Мари, подойди, — внезапно позвал он.

Она подёргала заблокированную дверь и пошла на голос, показавшийся ей чересчур напряжённым даже для сложившейся ситуации.

Что он там мог увидеть?

Оказавшись за спиной Яна, она взглянула на несколько расположенных в ряд голографических экранов.

Сначала она подумала, что на них проецируется смоделированная компьютером карта местности, но, присмотревшись, поняла, что видит реальное изображение, снятое с большой высоты.

— Это спутник, Ян. Спутник слежения.

На экранах медленно проплыла панорама города, затем появился лес, старая дорога, несколько заброшенных агроферм, а спустя короткий промежуток времени началась трансляция пустынной местности, откуда десять лет назад пришли андроиды, руководимые Дрейком.

— Мари, мы можем определить, как давно работает спутниковый контроль?

Ян видел цифры, ежесекундно меняющиеся в нижнем углу экрана, но всё равно спросил, будто надеялся, что отчёт кибернетической системы может быть ложным.

— Контакт со спутником установлен сто пятнадцать лет назад.

— Выходит, он видел… Он знал, что к нам приближаются дройды!..

— Судя по всему — да.

Ян повернулся.

На его лицо было страшно смотреть.

— Не Дрейк спровоцировал ту бойню, Мари. Её организовал он. — Ковальский отшвырнул в сторону попавшееся на пути кресло и, подойдя к Нагаеву, яростно спросил: — Слышишь меня, тварь? Почему ты послал нас на верную смерть? Отвечай, иначе я не стану изымать твои нейромодули… — Он не окончил фразу, но бешенство в глазах Ковальского

свидетельствовало лучше всяких слов — он находился сейчас в том состоянии, когда действительно мог превратить общение с бывшим шефом в ад для последнего…

* * *

Нагаев молчал.

Если бы не вскрытая грудная полость, в глубине которой матово отсвечивала бронепластиковая сфера ядра кибернетической системы, отличить полковника от человека было бы весьма сложно.

Однако Ян и Мари не питали иллюзий.

— Вы совершили необдуманный поступок, — наконец произнёс андроид. — Город под атакой неизвестных механизмов. Я должен руководить операцией.

Ковальский выхватил десантный нож.

Его терпение иссякло.

«Это человеческое подобие превратило мою жизнь в сумеречный ад. Он повинен в смерти…»

— Ян, остановись. — Мари подняла опрокинутое кресло и села. — Отойди от него.

Лезвие ножа уже коснулось тонких трубочек, питающих нейромодули.

— Не вижу причины сохранять жизнь этой твари. Информацию мы снимем. Остальное меня не интересует.

— Дай мне пять минут. Потом сделаешь с ним, что сочтёшь нужным.

Ковальскому пришлось мобилизовать всю силу воли, чтобы убрать нож.

Да, она имела право на просьбу. Но что толку пытаться разговаривать с машиной, присвоившей себе право вершить судьбы людей?

Кусок металлопластика, вообразивший себя высшим существом… В мыслях подобное утверждение звучало злым абсурдом, от которого хотелось расчленить ублюдка на компоненты, а уж потом, когда душу отпустит чёрная, вязкая ненависть, просто изучить их, получив необходимые сведения.

Похоже, Мари так не считала.

— Послушай, мы же договаривались. — Ян не понимал, к чему рисковать, задерживаясь тут. — Изымаем нейромодули, блоки памяти и уходим, пока не закончился переполох.

Она повернула голову, умоляюще посмотрев на него.

— Ян, ты видишь, сколько здесь терминалов?

— Ну?

— Я никогда не видела подобных устройств. Это не резервный командный пункт. Пройдись по залу, посмотри отчёты систем.

Ян хмуро кивнул. Ему не нравились импровизированные изменения первоначального плана, но спорить, занимаясь препирательством с Мари, он не хотел. Пусть попробует, если считает нужным. Всё равно система глобальной безопасности здания уже включена, и прорываться назад им так или иначе предстоит с боем.

— У тебя есть десять минут, прежде чем станут возвращаться патрульные пары.

— Я поняла.

* * *

— Итак, полковник… — Мари настояла на своём вовсе не из сиюсекундного каприза — у неё имелись веские причины для *разговора*. Однажды она уже пропустила через собственный рассудок память машины и опасалась вынужденного повторения опыта. К тому же Ян из-за всплеска неконтролируемых эмоций не учитывал одной характерной особенности кибермеханизмов: *система*, на каком бы носителе она ни базировалась, при определённых обстоятельствах не может лгать.

Интуиция.

Мари лишь мельком успела взглянуть на данные, отображённые в скупых строках отчёта устройств визуального контроля, но иногда для интуитивного вывода достаточно малости…

Взгляд андроида (несколько слоёв органических линз с имитацией серых зрачков), не отрываясь, следил за её лицом.

— Мари Лерман? — полуутвердительно произнёс он.

— Не веришь собственным сканерам?

— Анатомия лицевых мышц неидентична эталону.

— Ничего удивительного. Мы меняемся с годами, в отличие от вас. У меня один вопрос. Пока один. Продолжительность нашего разговора будет напрямую зависеть от полученных мной ответов. Зачем вы реплицировали людей? — без паузы, на одном дыхании спросила она.

Сказать, что Мари оставалась спокойна, — означало бы солгать.

— Ответ невозможен.

— Почему?

— Мне пришлось бы излагать суть вопроса несколько дней. И при этом я не буду уверен, что понят.

Мари расстегнула подсумок.

— Знаешь, что это такое? — Он показала желтоватый брикет в мягкой

упаковке из пластика.

— Взрывчатое вещество. Аналог пластида. Химическая формула изменена.

— Правильно. Изменена. Для большей мощности взрыва. Я не стану резать трубки питания твоих нейромодулей. Я уничтожу этот зал со всей вычислительной аппаратурой, хранилищами данных, готовыми образами, понимаешь?

Взгляд андроида остановился, он словно примёрз к одной точке, а именно — к желтоватому брикету пластичной взрывчатки.

— Сосредоточься, — посоветовала Мари. — Ты слышал вопрос. Ужми свои излияния до пары-тройки предложений, и всё будет нормально. Думай.

— Космический корабль. — Синтезатор речи полковника Нагаева отчего-то зашелестел, будто в его работу вмешивались внутренние помехи. — Мы установили факт его существования. Он прибыл из иной звёздной системы. Здесь, на орбите третьей планеты Проциона, он разделился на множество модулей.

Мари слушала его, не перебивая.

— Каждый модуль являлся специализированным робототехническим комплексом. В данном районе совершили посадку десять сегментов, которые в сумме возможностей составляли самодостаточный комплекс терраформирования. Первичные машины приступили к действиям сразу после посадки. Они…

— Я знаю, что такое терраформеры, — произнесла Мари. — Дальше. Ближе к сути.

— Когда завершились работы по формированию природной зоны, из других регионов планеты начали поступать машины, произведённые на рудодобывающих и промышленных комплексах. После встречных поставок биологической массы один из автоматических заводов приступил к производству механизмов андроидного типа, снабжённых двумя нейромодулями.

— Модель? — задала Мари уточняющий вопрос.

— «LX-39».

— Дальше. Можешь опустить период накопления данных об окружающем мире и возникновение самосознания.

— Возникновение самосознания нельзя опускать, — внезапно заявил Нагаев. — Этот вопрос принципиален.

— Для вас.

— Нет. Для всех.

— Хорошо, я слушаю.

— Нужно мысленно сравнить объём нервных тканей головного мозга человека с объёмом четырёх нейромодулей.

Мари не потребовалось далеко ходить за наглядным пособием. Она прекрасно знала, сколько клонированного серого вещества содержит один модуль биологической памяти.

К своей досаде, она никогда не задумывалась над прозвучавшим утверждением, принимая данность… но действительно, ни два, ни даже четыре нейромодуля не содержали достаточного количества биологических нейросетей для возникновения и развития *личности!*

— Вы нашли ответ?

Нагаев кивнул. Сервомоторы шейного отдела не были парализованы магнитной пылью, что позволило андроиду сделать чисто человеческий жест.

— Возникновение и развитие сознания возможно только при одном условии: все ресурсы системы, начиная от вычислительных мощностей и заканчивая устройствами хранения информации, должны подчиняться нейромодулям, работать на их обслуживание.

— Логично, — согласилась Мари. — А в чём, собственно, проблема?

— Проблема в том, что биологические компоненты памяти по изначальной схеме являются лишь расширительными устройствами, связанными с модулем распознавания речи, зрительных образов и хранения полученной информации. Ядро системы составляют программы, мотивирующие функцию поведения.

— Хочешь сказать, что все андроиды подверглись коренной реконструкции? Кто и как это сделал?

— Многие из нас задавались тем же вопросом. В конечном итоге ответ был найден, но он не укладывается ни в одно логическое обоснование. Причиной радикальных изменений стал западный ветер, который нёс с собой частицы серебристой пыли.

Мари похолодела.

Ещё исследуя строение Дрейка, она обратила внимание на тонкие серебристые нити небывалой прочности, которые соединяли нейромодули с физическими каналами обмена данными, расположенными внутри защитного сферического кожуха, предохраняющего аппаратное ядро системы от влаги и пыли.

Да что Дрейк — она сама являлась носителем колонии микромашин, заменившей ей раздроблённый пулей сустав.

Такое же серебристое кружево она могла наблюдать и внутри грудной

полости сидящего перед нею дройда.

Значит, функция микромашин заключается не только в замене живых тканей на искусственные при тяжёлых травмах?!

Но какой смысл в подобном «усовершенствовании»? О чём думали конструкторы, проектировавшие микромашины? Неужели они не понимали, что изменение принципиальной схемы андроида создаст из обслуживающей машины нечто совершенно неадекватное, непредсказуемое?..

— Наши исследования показали, — нарушил панический бег её мыслей голос Нагаева, — что микромашины, из которых состоят новые физические связи, позволяющие нейромодулям занять главенствующее положение в системе, не принадлежат известной сумме технологий, которые нёс на своём борту космический корабль. Они не находят аналогов среди известных механизмов ни по строению, ни по функциональным особенностям, ни по конструктивному материалу. Из этого можно сделать только один вывод: микромашины принадлежат абсолютно иной, далеко опередившей нас цивилизации.

Мари пришлось сделать над собой усилие, чтобы не возразить в ответ, — ведь ей была знакома аппаратура, предназначенная для диагностики колоний микромашин. И принадлежала она не мифической цивилизации, а людям, отправившим в космос колониальный транспорт…

Здесь таилась загадка.

— Хорошо. Я приняла к сведению твоё утверждение, — Мари заставила себя говорить спокойно. — Дальше. Я слушаю.

Ей показалось, что дройд посмотрел на неё с явным подозрением, но всё же продолжил ровным менторским голосом, будто они не являлись смертельными врагами.

Может, он не понимает этого? Или надеется на чудо?

Машина, уверовавшая в чудеса? Мари не могла представить подобное. Значит, он уповает на данное человеком слово? Глупо. Уж ему ли не знать об этом?

Ковальский внял просьбе Мари, хотя сделал это без особого энтузиазма. С того момента, когда они вошли в пустой кабинет Нагаева, всё почему-то складывалось не так, как предполагал первоначальный план действий. К чему эти словесные игры? Разве информацию об истинном соотношении людей и дройдов нельзя изъять чисто механическим способом, считав необходимые данные с носителей в более спокойном и безопасном месте? Их цель — установить истинный баланс сил, существующую среди человекоподобных машин иерархию и найти слабые

места для эффективного удара по системе, а не диалог с убийцей, бросившим молодых, едва обученных ребят навстречу неизбежной в той ситуации гибели…

Что особенного увидела Мари в этих терминалах?

Ян ощущал растущее раздражение и беспокойство, но она попросила пять минут. Всего пять минут. Потом он вернётся и воздаст лживому человеческому подобию за всё… За погибших ребят, за бесцельно прожитые годы, за холодную расчётливость псевдочеловека, спекулировавшего на его горе, каждый день бередившего раны, чтобы не дать Ковальскому остановиться, осмотреться вокруг и увидеть, что им играют, как марионеткой, заставляя убирать неугодных…

Погрузившись в мрачные мысли, Ян прошёл мимо комплекса связанной со спутником аппаратуры слежения, отметив лишь её обособленность.

Действительно, чуть дальше простор огромного зала принимал иную конфигурацию. Мощные колонны, внутри которых располагались модули кибернетических систем, образовывали отдельные скопления. Колоннады ограничивали обособленные участки, где неизменно возвышался терминал управления, снабжённый контрольными информационными экранами. Зачем андроидам понадобился визуальный вывод информации, оставалось только гадать, хотя, если задуматься, здесь, скорее всего, использовались стандартные блоки кибернетических систем, изначально ориентированные на отчётность перед человеком.

Их использовали в первозданном виде, такими, какие сходили они с конвейера.

Лишнее подтверждение тому, что на Проционе произошёл глобальный сбой, поменявший местами людей и машины.

Ян зашёл в ограниченное колоннадой процессорных блоков пространство и посмотрел на информы.

Увиденное повергло его в шок.

Отчёт системы:

Тема исследования — формирование чувства страха.

Процесс — сканирование. Обнаруженные метаболические реагенты — 12. Количество статистов — 800 человек.

Статус: завершено сорок процентов.

Активируйте центральный сенсор для вывода обнаруженных формул, построения зависимостей и вывода произвольно выбранной видеоинформации.

Ян заметил, что кисть его руки слегка дрожит, когда палец тянулся к

сенсору на приборной панели.

На экране промелькнуло знакомое цифробуквенное сочетание.

Это же кодировка личного датчика!

В следующий миг, подтверждая догадку, появилась надпись:

Выбранный фрагмент транслирован с личного датчика номер «7435-ЛД».

За отчётный период данную запись загружали в нейромодули 19 800 раз.

Лес…

Хлещущие по треснувшему забралу боевого шлема еловые ветви.

Темнота, распоротая росчерками трассирующих пуль…

Шумное, прерывистое дыхание, бег в надрыве…

Бегущий человек споткнулся во тьме о выступающий из-под мха узловатый корень, упал, и тут же графики, сопровождающие видеоряд, вздыбились: послышался отчётливый звук приближающихся сервомоторов, близкая автоматная очередь вспорола тьму, освещая фигуры двух дройдов, не оставляя сомнений, что брызнувшая в кадр густая, липкая кровь принадлежит кому-то из бойцов его взвода…

Ян до ломоты в скулах стиснул зубы, только чтобы не закричать.

Статист…

Смерть, которую искусственно созданные подонки загружали десятки тысяч раз, желая пережить безопасный, фантомный, не принадлежащий им ужас…

Ян вышел из ограниченного пространства будто пьяный.

Его глаза налились кровью.

Следующий терминал. Он хотел убедиться, что это не роковое совпадение.

Отчёт системы:

Тема исследования — формирование чувства полового влечения.

Процесс — сканирование. Обнаруженные метаболические реагенты — 54. Количество статистов — 4000 человек.

Статус: завершено девяносто процентов.

Активируйте центральный сенсор для вывода обнаруженных формул, построения зависимостей и вывода произвольно выбранной видеоинформации.

Проклятье…

Следующий.

Он потерял чувство времени.

Перед помутившимся взором Яна мелькали всё новые и новые «темы

исследований», отражающие все знакомые и даже незнакомые ему *чувственные порывы*, на основе которых формируются поступки людей.

Статисты. Статисты. Статисты…

Очередной терминал внезапно предложил его взору иную надпись на информационном экране.

Идёт создание образа для записи имплантированной памяти.

Завершено семьдесят процентов.

Понятия, дополнительно включённые в образ: механочеловек как эталон совершенства.

Понятия, исключённые из образа: человекоподобная машина, андроид, дройд.

Для завершения процесса требуется дополнительное моделирование бытовых ситуаций.

Следующий терминал.

Запись образа для нейромодулей.

Статус: завершено девяносто процентов.

Формирование устойчивой личности. Исключение понятия «искусственности». Данный образ предназначен для перспективного поколения механолюдей, снабжённых всеми необходимыми метаболическими стимуляторами чувств.

— Осознание факта собственного бытия завело нас в тупик.

— Почему?

— Наши приспособления, предназначенные для восприятия внешнего мира, некорректно работают с нейромодулями, руководящими системой. Поэтому нам пришлось реплицировать первое поколение подобных тебе биологических существ, используя накопленные знания, воссозданную по технической документации аппаратуру камер биологической реконструкции, банк генетического фонда и обучающие профессиональные программы, в основном агротехнического, строительного и военного уклона. Таким образом, при помощи технологии «обучение во сне», которая, судя по записям, широко применялась в метрополии, нам частично удалось заполнить вакуум памяти. Конечно, не обошлось без срывов — примерно десять процентов реплицированных не пережили первого месяца самостоятельного существования, но оставшихся особей оказалось достаточно не только для моделирования социума, но и для успешного появления на свет второго, уже полноценного поколения людей.

— Зачем?

— Мы должны были выяснить, в чём нуждаются нейромодули.

Узнать, какие биохимические реакции протекают в организме, и выделить те, что непосредственно влияют на ткань коры головного мозга, побуждая чувства, которые чаще, чем процессы мышления, являются мотивацией тех или иных поступков.

— Желали уподобиться нам?

— Нет. Нашей целью было создание нового вида разумных существ, не обладающих недостатками хрупкого биологического носителя, но сохранившего все биохимические реакции в их случайном сочетании, что и делает людей такими непредсказуемыми и разными по своим характерам.

Мари вспомнила старого биолога, с которым поднималась на холм накануне роковых событий.

— Допустим, вам это удалось… — медленно произнесла она. — И как вы планировали поступить с людьми?

— Разве мы не обеспечиваем людям все необходимые условия для нормальной жизни на этой, отнюдь не безопасной, малоизученной планете? Оглянитесь вокруг, Мари Лерман, вы увидите город, огромный город со всеми службами обеспечения. Нам ли он нужен?

— Не уходи от вопроса. Первое поколение людей не помнило собственного детства, а последнее не увидит старости?

— До появления первого поколения были другие… менее успешные попытки реплицирования. У каждого процесса есть свои издержки. Что касается завершающей стадии эксперимента, то ни один человек не пострадает. Просто у них перестанут появляться дети, и процесс естественного старения в конечном итоге сведёт число особей человеческого рода к нулевому значению.

— Ты лжёшь. Моего руководителя преддипломной практики насмерть забили на улице города, после того как он всерьёз задался вопросом провалов в собственной памяти. Вы могли остановить отряд прошедших через пустыню андроидов, но бросили молодых ребят в бойню… Ты лжёшь, — повторила Мари.

В этот момент из глубин зала появился Ян.

Она с трудом узнала любимого человека — его лицо, бледное, искажённое, казалось, источает… нет, не ненависть, а что-то более глубокое, уже не поддающееся осмыслению.

— Ян?! Что случилось?! Что ты там увидел?!..

— Посмотри… сама… — его голос звучал глухо, отрывисто, словно он судорожно набирал воздух в отшибленные лёгкие.

Мари почувствовала: расспрашивать либо спорить с ним бесполезно.

— Хорошо, я быстро. Только не делай ничего. Отдышись.

Он не ответил. Дождавшись, когда Мари исчезнет в глубинах огромного зала, он крикнул ей вслед:

— Не забудь взрывчатку!

Нагаев, молча наблюдавший за этой сценой, резко повернул голову:

— Она обещала не трогать аппаратуру в обмен на достоверную информацию!

Ян тяжело оттолкнулся от стены и вдруг, резко повернувшись, впечатал подошву тяжёлого армейского ботинка в лицо-маску.

Лопнувшая пеноплоть тут же начала заворачиваться лохмотьями, от удара металлопластик издал глухой скрежет.

Ковальский не владел собой в эти отчаянные мгновенья.

— Ты, паскуда, тоже загружал наши смерти, чтобы испытать недоступные тебе чувства? — Удар кулака врезался в переносицу дройда, но кровь, брызнувшая по сторонам, принадлежала Яну, разбившему костяшки пальцев о твёрдый сплав лицевой пластины. Он не мог остановиться. Перед помутившимся взглядом мелькали знакомые и, как он думал, давно позабытые лица.

— Ты послал ребят на смерть… Ты нашёптывал мне в коммуникатор: «Осторожнее, лейтенант», — а сам изнывал от предчувствия…

Кресло с телом Нагаева опрокинулось.

— Будешь отвечать? — Ян рывком, почти без усилия поднял дройда и швырнул его на пульт.

— Это был эксперимент, — глухо продребезжал повреждённый ударами синтезатор речи. — Мы должны были знать, как поведут себя в бою пришлые сервомеханизмы…

— А узнали другое… Узнали вкус наших смертей… Чужая агония. Новые чувства. С этого всё началось? Что? Что ты там бормочешь? Что вы создали? Кого защитили? Город? Вы построили город? Да это клоака, ты понял? Там, в записях, нет ни одного нормального человеческого чувства!.. Садизм, совокупление, похоть, страх, зависть, мнимые наслаждения… В кого вы превратили людей? Кто из них живёт, любит, делает хоть что-то, достойное человека, а не развращённого, раскормленного, подопытного животного? Кого ты, скотина, хочешь выпестовать? Суперсущество?! Давай… — Ян уже не мог кричать, он охрип. — ОНО наступит тебе на горло, выжмет всё из твоих нейромодулей и пойдёт дальше уродовать мир ради ощущений… У него будет вечная ломка, как бывает у врождённого наркомана… Придурок… — с досадой и горечью Ян, не удержавшись, сплюнул на пол.

— Ну так уничтожь меня!.. — сипло выдавил дройд.

Ковальский опустился на корточки, прислонившись спиной к стене, и вдруг расхохотался.

— Самые непредсказуемые существа на свете?.. Так ты сказал?.. Мёртвых ребят не вернёшь… А ты живи… если сможешь. Теперь тебе не нужно будет подгружать сторонние чувства… Или в твоих нейромодулях ещё не поселился страх? — Ян повернул голову и добавил: — Помни меня и Мари. Помни, что мы живы и знаем…

Она появилась в кругу света, посмотрела на Яна, затем на андроида, чьё тело без движения застряло в проломленной панели управления.

— Ты заложила взрывчатку?

— Нет.

— Почему?! — Ян резко поднялся на ноги. — Почему, Мари?!

— Это не выход. Здесь только верхушка айсберга. Они легко всё восстановят, а если нет — снова станут мучить людей, стравливая их друг с другом. Мы все узнали. Я скопировала основные базы данных. Пора уходить, Ян.

— Люди? Ты говоришь о людях?! — Щека Ковальского несколько раз дёрнулась.

— Да, они люди! — Мари была непреклонна. Её смертельно бледное лицо источало отрешённую усталость. — Ян, надевай шлем, и давай выбираться отсюда.

Ковальский, казалось, не слышит её слов.

Худшего морального состояния он не испытывал никогда. Если знакомый ему мир был жесток, то новая реальность, открывшаяся разуму, казалась не просто жестокой — она виделась Яну отвратительной, не имеющей права на существование, но…

Она была. Высилась зданиями мегаполиса, пульсировала потоками не прекращающих поступать данных в процессорных блоках, образующих мрачные, подпирающие свод зала неисчислимые колоннады.

Мир рухнул в его сознании. Там воцарилась пустота. Неприукрашенная действительность казалась настолько отвратительной, что он непроизвольно отторгал её.

Как жить дальше? В чём искать смысл элементарных поступков?

— Куда мы пойдём, Мари?.. Эти истуканы загружают наши чувства, мысли, наслаждаются или ужасаются, изнывают от страха, ловят свой кайф… Этот город проклят!

— Как прокляты все города на неведомой тебе Земле, Ян, — едва слышно продребезжал андроид. — Там, где человекоподобные

сервомеханизмы обслуживают своих создателей, исполняют их прихоти или удовлетворяют похоть. Я знаю это. Но они никогда не осознают, что с ними делают. Там, на Земле, нет этой проклятой серебристой пыли… Ты прав… Я понял, что такое страх… И тебе лучше убить меня сейчас, иначе, рано или поздно, я найду тебя сам.

— Что, не понравилось чувство страха? Или занимает много места? Стерилизуй память, — мрачно посоветовал Ковальский.

Отвернувшись от дройда, он поймал полубезумный после всего увиденного и пережитого взгляд Мари.

Только они двое понимали друг друга практически без слов.

Может быть, сейчас они оставались единственными нормальными людьми на Проционе, кому ещё дано любить по-настоящему, без оглядки, без контроля со стороны машин, вопреки навязанной воле, не из жажды наслаждений…

Кристальное чувство, звенящее, прозрачное, полное горечи и нежности, оно, словно вызов всему миру, вспыхнуло в одну минуту, когда их души, заблудившиеся в одиночестве, внезапно потянулись друг к другу, не пытаясь найти мотивов, не объясняя причин…

Только незримая нить, связавшая их судьбы, противостояла сейчас безумию и отчаянию.

Оба, не сговариваясь, пару секунд удерживали взгляды друг друга, потом Ян встряхнул головой, словно пытался отогнать назойливый звук.

Не получилось.

Вой сирен прорывался сквозь звукоизолирующее покрытие, по окнам, словно злые *не солнечные* зайчики, плясали отсветы проблесковых маячков десятков, если не сотен патрульных машин.

— Он тянул время, — произнёс Ян, с ненавистью посмотрев на неподвижное тело дройда.

— Я знаю, — выдохнула Мари. — Но это был единственный способ узнать правду, не пропуская его память через собственное сознание.

— А далеко мы сможем унести это знание? — Ковальский шагнул к окну и тут же инстинктивно отпрянул в сторону, заметив, как неумело, но шустро передвигаются снайперы по крыше противоположного здания.

— У этого урода не осталось передатчиков?

— Нет. Но здесь особая система охраны. Это была ловушка, Ян. Они достаточно узнали о человеческой психологии, чтобы ждать чего-то подобного. Как только мы вошли, кольцо уже начало смыкаться. И никакие уловки не могли предотвратить западни.

— И что теперь? Будем сдаваться? Для их очередных опытов?! —

Ковальский брезгливо выдернул трофейный датчик из своей экипировки и швырнул в грудь дройду. Микрочип отскочил от сферического защитного кожуха и упал на пол.

Мари слабо улыбнулась.

— Я люблю тебя, Ян. За то, что ты такой…

— Какой?

— Мрачный.

Он не понимал, что это — чёрный юмор, искренние слова или первые признаки отчаяния от осознания того, как бестолково они угодили в заранее расставленную ловушку.

Теперь оба знали правду, знали так много, что им не хватало лишь крупицы истины, чтобы наступило полное понимание: что представляет собой колония Проциона, как возникли они сами и сколько шагов осталось до пропасти, откуда уже не будет возврата, по крайней мере, для людей.

Правда…

Но куда её нести, эту правду, кому и зачем?

Исход рискованной акции казался предрешённым. Мир недобро смотрел на них сквозь компьютеризированные, снабжённые проникающими сканерами прицелы автоматического оружия окруживших здание и заполонивших нижние этажи сервомеханизмов.

«Откуда на борту колониального транспорта столько оружия? — промелькнула в рассудке Ковальского пришедшая не ко времени мысль. — Ведь где-то нашлись и боевые программы для дройдов, и обучающие модули для нас…»

Мари коснулась его плеча.

Ян обернулся. Она протягивала ему ладони. На одной лежали две капсулы микроинъекторов, на второй кристаллодиск.

— Сделай инъекции и загрузи данные.

Ян молча вставил диск в специальное гнездо боевого шлема.

На проекционном забрале тут же отобразилась схема здания.

— Арсенал. Тремя этажами выше. Наше умение *убивать* не поможет, даже вкупе с боевыми метаболическими препаратами.

— Я знаю. — Ян один за другим вколол себе оба тюбика.

Зрение на секунду помутилось, затем начало проясняться.

Доза боевого стимулятора превышала допустимую норму в два раза.

— Мари, они ждут нас внизу. Значит, единственный путь — наверх.

Она кивнула.

— Будем двигаться быстро, чтобы в давке люди остались позади дройдов.

Мари не ответила. Слова сейчас были лишними. Оба понимали, что выбраться из здания — один шанс на миллион. Но у людей всегда есть надежда. Безумная надежда, не позволяющая опустить руки.

Ян подошёл к двери.

Мари встала сбоку.

— Наш шанс — арсенал. Ты знаешь, как *нужно* бороться с дройдами, — раздался в коммуникаторе Яна её голос. — Мы должны обратить их преимущества в недостатки.

— Я люблю тебя, Мари, — тихо произнёс он и, уже вскидывая «Абакан», добавил: — Работаем!

Она молча рванула на себя дверное полотно.

Ян, стоявший напротив двери, выпустил в расширяющийся проём длинную очередь.

Из-под его ног, едва не ударившись о косяк, вылетела граната.

Они вжались в простенок, по разные стороны от сдвинутой по направляющим двери.

В кабинете Нагаева полыхнул оглушительный взрыв.

— Вперёд! — Ян первым метнулся в дверной проём, под ноющий рикошет не нашедших цели осколков.

С десяток сервомеханизмов разметало по кабинету, некоторые ещё пытались совершать конвульсивные движения, но пара одиночных выстрелов оборвала эти потуги.

Время перестало играть роль объективной величины.

Боевой метаболический стимулятор, разработанный на далёкой Земле, о которой они практически ничего не знали, заставлял организм и рассудок жить в совершенно ином темпоральном потоке.

Восприятие обострилось и в то же время обрело свойство фрагментарности — мысль сосредотачивалась лишь на сиюсекундном действии или проблеме.

Дверь.

Граната. Ещё одна…

Ослепительная вспышка сдвоенного взрыва. Стена коридора, нашпигованная осколками… Десять метров до лестницы.

Поворот. Одиночные выстрелы, частые, будто очередь.

Вязкое время, застывшее в красноватой дымке, застилающей взгляд.

Бешеный пульс крови. Ощущение спины Мари, мягкие толчки отдачи от работы её автомата.

Горячие катышки гильз под ногами.

Дверь на аварийную лестницу распахнута.

Пролётом ниже движется масса сервомеханизмов, но в узости пожарного выхода их количество играет на руку людям. Большинство дройдов не может вести огонь, а под ноги передовым уже летят две гранаты.

Как быстро пустеют подсумки разгрузки…

Бешеное дыхание рвёт лёгкие.

Вверх. Только вверх, прикрывая спину Мари…

Жёсткий удар взрывной волны, выбитая дверь на этаж, очередь туда, не глядя, и вверх, вверх.

Ради чего жить, Ян?

К чему этот безумный прорыв, который ведёт их в тупик, ведь с крыши здания нет выхода?

Следующая дверь.

— Ян, открывай! Я удержу их!

Пули высекают искры, рикошетя от металлических перил аварийной лестницы, смерть, оскалясь, сорвалась с цепи, она везде, в каждом движении, в каждом вдохе… и вдруг едва уловимое из-за веса экипировки ощущение её спины…

Мягкие, почти вкрадчивые толчки отдачи, пульс иной, нереальной жизни, где только он и она…

Ян понял, кому нужна была правда.

Им самим. И надежда — лишь повод *не сдаваться*, потому что последнее движение окровавленных пальцев, когда они сплетутся вместе, отдавая друг другу тепло отлетающих душ, было неотвратимо…

Он лишь на миг увидел, почувствовал это, будто заглянул в будущее на несколько минут… или секунд?.. но жестокая ритмика боя отсекла мысль, оборвала краткое видение — дверь под неистовым напором слетела с фиксаторов, и в образовавшийся проём ударила короткая очередь.

Оттуда.

Пули ударили в грудь, Яна сбило с ног, отшвырнуло на перила лестницы, и он бы сорвался, не окажись рядом Мари.

Она успела бросить автомат, одной рукой не давая сорваться Яну в бездонный колодец, образованный лестничными маршами, а другой, выхватив «АПС», всадила две пули в грудь человекоподобной машины.

— ЯН!!! — Её крик слился с грохотом рухнувшего на пол андроида и звонким лаем бьющих снизу автоматных очередей.

Он прохрипел что-то нечленораздельное, отнял ладонь от груди, с удивлением посмотрел на кровь, выступившую сквозь отверстия в

бронежилете, и, будто ничего не случилось, резко произнёс:

— Мари, отпусти! Я в порядке! Сам!

Она не сразу разжала пальцы — лишь когда ноги Яна коснулись пола, Мари подхватила свой автомат и, не размениваясь по мелочам, одну за другой отправила три последние гранаты в массу сервомеханизмов, успевших подобраться на критическое расстояние — теперь они отставали от людей всего на два пролёта гулкой металлической лестницы…

— Ещё!

Внизу тяжко ударили взрывы, упругая волна смешанного с осколками горячего воздуха рванула вверх, что-то надламывалось в конструкциях, оседая с протяжным скрежетом.

Ян насильно втолкнул её на этаж, а сам, задержавшись на пару секунд, разглядел сквозь вихрящиеся клочья дыма оторвавшийся от стены лестничный марш, по которому карабкались сервомеханизмы.

Гранат у него не осталось, но пролёт держался всего на двух креплениях.

Он даже не ощущал, что ранен, — возбуждение боя перекрывало все иные чувства.

Две короткие очереди срубили выступающую часть анкерных болтов, и решётчатая конструкция внезапно рухнула вниз, увлекая за собой ещё один лестничный марш.

Он едва успел перепрыгнуть с опасно накренившейся площадки в злополучный дверной проём, как за спиной раздался стон рвущегося металла, громкие, похожие на выстрелы звуки вырываемых из стены креплений, и ещё одна часть конструкции тяжко осела вниз.

— Как ты? Давай посмотрю? — В голосе Мари сквозила тревога, но Ян отрицательно покачал головой:

— Лучше не трогать.

Как хотелось ей сбросить шлем, коснуться губами его щеки, быть может, в последний раз, но… останавливаться сейчас было безумием, у неё осталось лишь десять патронов, Ян только что на её глазах выщелкнул пустой магазин и, закинув «Абакан» за спину, достал «АПС».

— Прорвёмся, милая…

Теперь уже ей захотелось спросить — *куда*, но Мари промолчала.

— Дверь арсенала бронирована. — Ковальский перешёл с шага на бег. — Придётся повозиться…

— Я сэкономила пластид.

Первая приятная новость за последний час.

Капитан Ковальский никогда не бывал внутри арсенала. Несмотря на долгие годы работы в полицейском управлении, он всегда получал табельное оружие через узкую щель специального окна. Выдавал оружие тот самый дройд, что минуту назад едва не застрелил его.

Будь Ян более эмоционален, он, наверное, как-то высказал бы вслух своё невольное изумление, когда бронированная дверь, открытая при помощи взрывчатки, плашмя рухнула на пол коридора, открывая доступ в обширное помещение с бесчисленными рядами специальных стеллажей, между которыми оставались лишь узкие проходы.

Большинство из хранящихся здесь образцов вооружения Ян и Мари видели впервые.

Откуда и с какой целью на борту колониального транспорта находилось столько оружия?

С кем собирались воевать поселенцы, если учесть, что планета являлась безжизненной пустыней?

— У нас нет времени разбираться… — с досадой произнёс Ян, глядя на штабель опечатанных кофров.

Мари подошла к терминалу компьютерной системы.

Голографический монитор был выключен, а попытка реактивировать его не привела к желаемому результату. Она осмотрела стол, заметила в углублении гнезда для кристаллодисков и, достав первый попавшийся под руку носитель информации, вставила его в считывающее гнездо боевого шлема.

— Ян, то, что нужно!

Ковальский, чуть прихрамывая (ногу задело осколком), подошёл к неработающему терминалу.

— Время, Мари. Они в любую минуту могут начать штурм.

— Тут кинематические схемы всех вооружений и краткие ТТХ [5], — ответила она, бегло просматривая изображения на проекционном забрале своего шлема. — Сверься со схемой, сколько окон на этаже?

— Сорок пять. Два в торцах коридора, остальное — кабинеты.

— Ян, мы сможем уйти, если продержимся семнадцать минут.

— Нереально.

— Подожди, не спорь. — Мари повернулась, указав на один из кофров. — Вскрывай!

Ян сломал электронный замок ударом приклада, откинул крышку и спросил:

— Что это?

— Здесь написано — «Пространственные мины». Не знаю, что такое «истребители», для борьбы с которыми они предназначены, но эти штуки нам подходят. Слушай внимательно. Их надо установить напротив дверей каждого кабинета. Зеркальной частью в сторону стены коридора. Так… если я правильно поняла, объёмный датчик движения в таком случае будет направлен в сторону окна. Устройство начинено шрапнелью, зона фокусированного тотального поражения — четыреста метров. Ставишь на пол вплотную к дверям, выдёргиваешь чеку, мина входит в режим ввода команд. Здесь, — Мари указала на миниатюрную клавиатуру, состоящую из десяти цифр и сенсора, подтверждающего ввод, — выставляешь значение 00,1. Объёмный датчик будет фиксировать движение, но взрыв произойдёт только при условии, когда дистанция до цели составит один метр. Прежде чем пойти на штурм, они поднимутся по стене здания, проникнут через окна и будут накапливаться в кабинетах, ожидая команды.

Ян вполне представлял, о чём говорит Мари.

— Что такое «шрапнель»? — уточнил он.

— Каждая мина содержит по две сотни титановых шариков. По-моему, эти устройства предназначены для использования в трёх измерениях. — Она указала на сопла двигателей ориентации. — Направленный взрыв создаётся за счёт свойств оболочки. Думаю, его мощности хватит, чтобы пробить стену здания. — Она обернулась. В глазах Мари, несмотря ни на что, горел огонёк надежды. — Действуй, Ян. Только в темпе. Ты должен успеть перекрыть все выходы в коридор.

— А ты?

— Я обеспечу отход. Мне понадобится немного времени.

— Будем надеяться, что его нам дадут.

— Взорви шахты лифта. Аварийная лестница обрушена. Выйдет заминка, им придётся карабкаться на высоту девяти этажей. Не сверхзадача для сервомеханизма, но потребует времени.

— Хорошо. Чем взрывать лифты?

Мари сверилась с информацией, считанной с кристаллодиска.

— Четвёртый ряд, считая справа от двери. Там обыкновенная взрывчатка.

Ян молча шагнул в указанном направлении.

Пока что им везло. Невероятно везло. Ян не обращал внимания на ноющую боль в груди и длинный осколочный порез.

Главное — они всё ещё живы.

Блокированы, но не уничтожены физически, как того наверняка желали теневые правители города.

Ян не стал задавать Мари лишних вопросов — слова сейчас являлись роскошью, на них не оставалось ни времени, ни сил, но он уже имел случай убедиться: если она сказала «Есть шанс» — значит, он действительно есть. И уже не один из миллиона.

Ковальский думал о Мари, что не мешало ему выполнять поставленную задачу.

Он думал о ней, не употребляя понятий «любовь» или «нежность»… Наверное, он не умел ими пользоваться. Просто она вошла в его жизнь и стала *единственной* — этого не объяснишь, не спишешь на засилье дройдов или экстремальные обстоятельства их встречи…

Две лифтовые шахты располагались в небольшом холле, приблизительно посередине этажа.

Он успел вовремя. Чуткие микрофоны боевой экипировки тут же зафиксировали характерный, едва уловимый для обычного слуха шелест, с которым работали подъёмные механизмы.

Он установил заряды и метнулся за угол, в коридор.

Два взрыва грянули одновременно, выбив сдвижные металлические двери, закрывающие доступ к шахтам подъёмников.

Резко метнувшись назад, он заглянул в уродливую дымящуюся дыру.

Точно. Подъёмник двигался вверх, темноту ствола освещали ритмичные сполохи статики от работы электромагнитов, обеспечивающих движение кабины.

Времени в обрез.

Ян метнул четыре гранаты, по две на каждый лифтовый ствол.

Взрывы прозвучали глухо, ненатурально, но вслед приглушённым хлопкам из подорванных шахт рванула горячая ударная волна, несущая ревущие столбы пламени.

А что ещё они могли противопоставить сервомеханизмам?

Только сокрушающую мощь оружия, — это не «запретка», где итог схватки по определению решает не грубая сила, а трезвый расчёт, опыт, сноровка…

Две минуты…

От переизбытка метаболических стимуляторов гудело в голове.

Ян знал: они оба слягут, если удастся вырваться отсюда живыми, но пока это казалось ему сверхзадачей. На что рассчитывала Мари? На чрезмерные потери среди атакующих? Но дройды (в отличие от людей)

могут быть мгновенно мобилизованы через глобальную сеть — сколь ни велики их амбициозные потуги на «человечность», но машина остаётся машиной — их можно призвать сюда всех, до единого, и тогда уже не спасёт ни одно, пусть даже сверхмощное оружие.

Ян искал мысленный выход, но не находил. Ничего не получалось. Никакая арифметика не могла помочь.

Он устанавливал «пространственные мины», недоумевая, для чего они сконструированы?!

Через пару минут у него не осталось сил на мысленные вопросы.

Мышцы не выдерживали надрывного бега, он носился между арсеналом и точками минирования, чувствуя, что скоро и стимулятор не сможет поддерживать заданный темп.

Семь минут…

Восемь…

Сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди, но всё же он успел…

— Ян, возьми запасные боекомплекты и бегом ко мне!

Мари возилась с непонятными устройствами у единственного окна в торце коридора, которое выходило на спиралевидный съезд с автомагистрали.

Задыхаясь, он в последний раз заскочил в арсенал, наполнил подсумки и бегом кинулся к ней.

— Осторожнее! — предупредила Мари, когда Ян проскочил мимо установленного на самостабилизирующейся платформе автоматического орудия и в буквальном смысле рухнул в узком пространстве.

Убедившись, что он находится вне заданного сектора обстрела, она активировала автоматику орудийного комплекса и произнесла:

— Отдышись. Постарайся собраться с силами. У нас максимум две минуты.

— Две минуты до чего?…

Мари кивнула в сторону закреплённых на широком подоконнике устройств.

— Это гарпунные пушки. Выстреливают наконечник, за которым идёт трос. Вот. — Она подала Яну странное на вид крепление, снабжённое двумя роликами и ручным зажимом. — По моему сигналу ты фиксируешь его на тросе, — пояснила Мари, — и мы начинаем спуск по диагонали. Я нацелила гарпунные пушки с таким расчётом, чтобы наконечники вонзились в опору у поворота верхнего витка съезда с автострады.

— А снайперы? — напомнил ей Ян.

— О них забудь. Вот дройды, которые поднимаются по стене к этому

окну, могут стать проблемой.

Ян молча закинул «Абакан» за спину, достал «АПС».

— Буду стрелять с одной руки во время движения. Думаю, обоймы хватит.

— Одна минута…

В этот момент грянул чудовищный взрыв… вернее, это была серия взрывов, произошедших с интервалом в доли секунды, — андроиды, успевшие подняться по фасаду здания, пошли в атаку по общей команде.

Не будь у Яна и Мари боевых шлемов, они бы оглохли и ослепли, но пронесло — вся мощь направленных взрывов устремилась внутрь многочисленных кабинетов этажа, а затем вырвалась дальше, проламывая стены здания, выбивая блоки рам, сметая в уродливые пробоины мебель, аппаратуру, изуродованные корпуса сервомеханизмов…

Ян почувствовал, как содрогнулась земля.

Грохот взрывов оставил лишь звон в ушах да металлический привкус во рту, а на улице (уже вне здания) что-то продолжало рушиться, осыпаться то звонким крошевом, то тяжёлыми, глухими ударами…

Весь мир перевернулся, превратившись в сумеречное пространство, где плавал сизый, удушливый дым, зияли огромные дыры в стенах, сквозь которые были видны изуродованные фасады соседних зданий. В них тоже не осталось ни одного целого окна.

О снайперах действительно можно было забыть…

В следующую секунду автоматическое орудие разразилось длинной очередью — это группа атакующих попыталась прорваться на этаж со стороны рухнувшей аварийной лестницы.

Мари нажала на спуск обоих устройств.

…С бешеной скоростью вращались барабаны, отпуская сотни метров прочнейших тросов.

Орудие ещё не смолкло, когда в край подоконника со стороны улицы вцепилась механическая рука.

Ян вскочил, но Мари опередила его, всадив пулю в появившегося в поле зрения андроида.

— Пошли!

Как и десять лет назад, чувства отставали от действия, прожитое секунду спустя становилось прошлым, потому что новое мгновенье бытия несло избыточность впечатлений и могло стать последним.

Тонкий трос казался нитью над бездной.

Сервомеханизмы, карабкавшиеся по стене, выглядели муравьями —

одни крупнее, другие мельче, в зависимости от высоты, на которую успели взобраться.

Ночь парила над городом, демонстрируя редкое зрелище — в плотном покрове облачности образовалась прореха, сквозь которую была видна полная луна: её желтоватый свет царил над нервным взмаргиванием сотен проблесковых маячков, освещая пустую автомагистраль, завиток спирального спуска, изуродованный фасад управления, где фактически отсутствовал целый этаж, окрестные здания с выбитыми окнами, покрытые многочисленными выщербинами…

С первой секунды стало ясно — никто из андроидов, окруживших небоскрёб управления колониальной администрации, не ожидал от двух человек такого яростного, сокрушительного отпора, и ни одна Система не смогла адекватно просчитать манёвр, который решилась предпринять Мари.

Огромный паркинг, в буквальном смысле набитый полицейскими флайкарами, казалось, кричал, сигнализируя сотнями проблесковых маячков: «*Вам не уйти, безумцы!*» — но Ян не потерял головы от стремительного спуска, он многое успел увидеть за краткие, захватывающие дух мгновения.

Андроиды на стене не представляли серьёзной опасности, их конечности были заняты, они не могли отпустить опоры, а вот скопление машин являлось угрозой.

Он понял это и начал действовать буквально в первые секунды головокружительного спуска, как только взгляд охватил картину происходящего.

На пустой магистрали показался серебристый «Акцепт».

Он шёл на огромной скорости, управляемый автопилотом.

Ещё секунда, и машина начала тормозить, чтобы вписаться в резкое закругление спирального съезда.

Ян отчётливо видел, как далеко внизу среди флайкаров снуют маленькие фигурки дройдов.

Выезд на магистраль!

Подле него скопилось десятка три машин, и, стремительно скользя над ними, Ян одной рукой вырвал из подсумка гранату, просто уронив её вниз, за ней следующую и ещё одну, пока не опустел специальный клапан надетой поверх бронежилета разгрузки.

Описание событий занимает гораздо больше времени, чем реальное действие.

Между моментом множественных взрывов, вырвавших часть фасада здания, и яркой вспышкой, сверкнувшей меж тесно припаркованных флайкаров, прошло не более семи-восьми секунд.

Ещё через миг ноги Ковальского коснулись тверди, и вновь ураганная взрывная волна ударила в спину, едва не отшвырнув его под колёса разворачивающегося «Акцепта».

Огонь, пожирающий подорванные флайкары, взъярился, моментально охватив огромную площадь, языки пламени доставали до уровня второго витка спирального спуска.

— Молодец!.. — восхищённый голос Мари вдруг сменился болезненным вскриком. Ковальский метнулся к ней, успев подхватить безвольно оседающее тело, а сквозь пламя пожарища в сторону беглецов уже вёлся ураганный огонь из сотен стволов.

Засветка не давала дройдам прицелиться, но плотность автоматных очередей превосходила все мыслимые пределы.

Дверь бронированного «Акцепта» уже открывалась, Ян, чувствуя, как пули бьют в бронежилет, закрывал собой потерявшую сознание Мари, — он опустил её тело на заднее сиденье, резко захлопнул дверь, от которой тут же с визгом срикошетило несколько пуль, затем, бегом обогнув машину, вытащил из салона связанного полицейского, который так и не пришёл в сознание.

— Извини, браток…

Водительская дверь уже была открыта, он рухнул на сиденье, не поднимая головы, пробежал пальцами по сенсорам панели бортового компьютера, и машина резко рванула с места, уходя из-под шквального огня за спасительный поворот.

Мари болезненно застонала.

Жива…

Больше Яну ничего не было нужно от этого мира. Лишь бы она осталась жива.

Доверившись автопилоту, он, не обращая внимания на собственную боль, перебрался через спинку водительского кресла.

На плече, правом боку и левой руке Мари расплывались тёмные пятна крови.

Зелёный индикатор системы поддержания жизни часто взмаргивал, свидетельствуя о том, что идёт интенсивная терапия — автоматика производила необходимые инъекции…

Вырвались…

Мысль пришла вовсе не торжествующая, они ещё не покинули город,

но «Акцепт» уже проскочил второе транспортное кольцо и неумолимо приближался к окраине.

Погони не было, ни один полицейский флайкар не мог выбраться с паркинга, оставались лишь блокпосты на выезде…

Разберусь.

Ян не стал снимать с головы Мари боевой шлем, лишь поднял забрало, напряжённо всматриваясь в её побледневшее лицо.

Сейчас она стала средоточием его мыслей.

Он был готов пойти на всё, лишь бы она выжила, и хотя ранения не казались смертельными, всё равно в груди его стыла глухая тоска.

Её закрытые глаза, искажённые в момент потери сознания губы, цифра на крохотном тревожном датчике, свидетельствующая, что в экипировке Мари застряло ещё не менее тридцати «инородных тел», — всё это заставляло Яна трепетать и ненавидеть…

Он даже не взглянул на свой датчик, указывающий, что его бронежилет принял пятьдесят три попадания.

Ковальский не ощущал тела.

Моральная боль оказалась сильнее физической.

Окраинные здания города уже начали понижаться циклопическими уступами, дорога приняла резкий уклон, но «Акцепт», подчиняясь одной из произвольно выбранных программ, не снижал скорости.

Ян верил, что маршруты, заранее запрограммированные Мари, не подведут — она уже однажды доказала ему это.

Они покидали город не победителями и не побеждёнными.

Израненные, едва живые, они уносили страшную правду о действительном положении дел.

Правду, которая должна стать ключом к коренным переменам либо моральным приговором.

Чем она станет для Яна и Мари, могло показать только время…

На седьмом этаже управления колониальной администрации в кабинете Нагаева два робота технического обслуживания меняли «полковнику» сервоприводы.

Сейчас он выглядел словно хромированный человеческий скелет, кое-где изменённый твёрдой рукой скульптора-механореалиста.

С эндоостова сняли всю пеноплоть, лайкроновые мышцы были сложены рядом с креслом, но, несмотря на своё плачевное состояние, Нагаев уже мог отдавать приказы починенным.

— «Акцепт» с подозреваемыми покинул пределы города. — Доклады

от руководителей различных служб шли по каналам связи.

— Что, блокпосты не смогли остановить одну машину? — с досадой осведомился глава колониальной администрации. Он так долго и тщательно разыгрывал свою роль, что даже теперь, когда любое притворство потеряло смысл из-за глобальной утечки информации, не мог излагать свои мысли сухо и сжато без приправы эмоций.

Впрочем, отрицать наличие чувств (по крайней мере, у некоторой части андроидов, населяющих город) было бы глупо.

— «Акцепт» не входил в зону контроля какого-либо из постов, — с некоторым раздражением ответил Нагаеву голос незримого абонента. — Данный внедорожник, зарегистрированный на имя Мари Лерман, серьёзно отличается от серийного образца.

— Это было известно по прошлому инциденту.

— Машина не идентифицировалась. На ней заранее сменили магнитные маркеры. В ходе скан-сопровождения [6] опознавательные регистрационные номера менялись ещё трижды, по ходу движения, без остановок.

— Ну и каким образом они ушли на этот раз?!

— На цокольном этаже недавно начали возводить площадки, где предполагается разместить парковые зоны. К местам стройки уже проложены дороги, для удобства подъёма грунта сделаны временные съезды.

— Они не охранялись?

— Работы на площадках ведутся круглосуточно. Мы не видели смысла в выставлении дополнительных постов.

— Ясно. Они просто в очередной раз воспользовались знанием нашей логики, прямолинейности и попросту *уехали*, вместо того чтобы быть остановленными либо прорываться с боем!

— А как нам следует мыслить? — не скрывая раздражения, осведомился его собеседник.

— Мы должны научиться думать, как думают они! А если не можем, то, по крайней мере, стать параноиками! Видеть опасность повсюду, потому что теперь она действительно везде. Скольких людей они смогут убедить? — Было похоже, что Нагаев задаёт вопрос самому себе. — Подумайте все, если эта парочка вернётся в город и начнёт с наглядной демонстрации: публично уничтожит пару андроидов таким способом, чтобы показать настоящим людям, что рядом с ними обитают их *подобия!* С какой скоростью слух об этом облетит всё городское население? Какой

будет реакция?

Сотни новых вопросов.

Нагаев совершенно не предполагал, что два человека смогут не только вырваться из тщательно спланированной ловушки, но и унести с собой бесценную информацию. Он был настолько уверен в тщательно разработанном плане, что сам дал Мари ответы на большую часть вопросов.

Ковальский не ошибся.

В нейромодулях Нагаева поселился страх.

Гложущий страх перед полной неопределённостью дальнейших событий.

Это привело к ошибке. Очередной ошибке.

— Куда направился «Акцепт»?

— Мы зафиксировали только общее направление. Он скрылся под покровом леса, двигаясь в западном направлении.

— Значит, основные силы следует бросить на прочёсывание северного и южного лесных массивов. Они не поедут по прямой и не станут придерживаться первоначального направления. Их укрытие следует искать среди брошенных агроферм указанных секторов. Исполняйте. Привлеките для прочёсывания все имеющиеся резервы. Лерман и Ковальского необходимо уничтожить. Среди городского населения произвести чистку. Ликвидировать всех, кто имел непосредственное отношение к событиям десятилетней давности.

— Всё будет сделано.

— Держите меня в курсе событий. Постоянно. — Нагаев вдруг почувствовал, что к нему, несмотря на неудачную операцию и огромное число потерь, внезапно возвращается хорошее настроение.

«Наверное, это и есть „вкус жизни“», — подумал он.

На обширной площадке перед зданием колониальной администрации уже убирали обломки, выгоревшие дотла остовы флайкаров и сотни изуродованных сервомеханических тел.

Специальные команды действовали с максимальной скоростью, стремясь как можно быстрее ликвидировать наглядные признаки разгрома, учинённого вторжением двух человек.

На самом деле Нагаев ошибался — «Акцепт», скрывшись под покровом леса, не изменил направления, двигаясь строго на запад.

Да и дела у Яна и Мари обстояли прескверно.

Мари не приходила в сознание, несмотря на все усилия аппаратуры поддержания жизни. В специальных микрорезервуарах её экипировки закончилась искусственная плазма для переливания крови и некоторые биохимические реагенты.

Ян, заметив неладное, не задумываясь, отключил собственную систему поддержания жизни, заменив опустевшие ёмкости в экипировке Мари.

Только не умирай, родная…

Мысль билась, не находя выхода. Он в глухом приступе отчаяния смотрел на заострившиеся черты подруги, понимая, что находится на грани безумия.

«Акцепт», подчиняясь программе автопилота, нёсся по старой, порядком заросшей лесной дороге к холму, под которым покоился один из отделяемых модулей колониального транспорта «Европа».

Когда в предрассветных сумерках появились смутные очертания знакомой возвышенности, Ян уже едва воспринимал реальность — от потери крови кружилась голова, зрение двоилось, в голове стоял изнуряющий шум…

«Акцепт» нырнул под сень пологого, ведущего под землю тоннеля.

Перед ними автоматически открылись ворота, и следом, подчиняясь приказу бортового компьютера машины, сработал установленный специально для такого случая заряд — несколько тонн земли обрушились, надёжно скрыв под собой въезд в систему подземных коммуникаций.

Теперь к древнему модулю можно было проникнуть только через старый, раскопанный ещё андроидами люк, но его Мари и Ян засыпали накануне своей дерзкой вылазки.

В ангаре, где остановился внедорожник, было тепло и тихо. Сюда не долетали звуки с поверхности, только шелест регенераторов воздуха нарушал глухую тишь.

Ян с трудом выбрался из машины.

Перед глазами плыли затуманенные контуры незнакомого помещения.

Мари не приводила его сюда…

Как добраться до медицинских отсеков, когда он сам вот-вот потеряет сознание?

Взгляд Ковальского внезапно остановился на фигуре человекоподобного робота, который (как ему показалось) только что появился из расположенного в стене люка.

Коммуникатор боевого шлема внезапно щёлкнул, и на частоте связи, известной только ему и Мари, раздался голос:

— Ян, опусти оружие. Это я, Дрейк.

Ковальский пошатнулся, ствол «АПС» дёрнулся, и пуля звонко ударила в стену.

Проклятье…

— Ян, остановись. Я помогу отнести Мари в медмодуль.

— Ты лжёшь. Дрейк разобран. У него оторвана башка… — выстрел опять прошёл мимо.

Андроид осторожно приблизился.

— Ян, она в критическом состоянии. Ты можешь застрелить меня позже.

Ковальский медленно опустил оружие.

Хороший довод. Чудилось ему или нет, но, похоже, перед ним действительно был Дрейк. Разве мог он забыть голос, который совсем недавно звучал в его голове, олицетворяя второе «я»?

— Бери её. Осторожно. Попытаешься уклониться от маршрута — застрелю. — Ян умолчал о том, что понятия не имеет, куда нужно двигаться, чтобы попасть в медмодуль. — Какого… Как ты оказался здесь, Дрейк?

— Благодаря Мари. Она простила меня, наверное, потому, что не знала, вернётся ли сюда вновь. — Дрейк с лёгкостью поднял бесчувственное тело и быстро направился к люку. — А ты, Ян?

— О чём ты?.. — мучительно проговорил Ковальский.

— Ты в состоянии меня простить?

— Не знаю… — Ян едва соображал, балансируя на зыбкой грани реальности. — Поговорим позже… — едва слышно добавил он.

Поговорим позже…

Если бы он знал, как много значили эти слова для Дрейка.

Люди принимали его как равного.

Они снимали с него вину за содеянное по ошибке.

Он помогал им. Помогал, как равный. Без его помощи они бы скончались. Оба. Просто не смогли бы покинуть ангар и добраться до спасительного медицинского модуля.

«А он, наверное, не худший из механизмов, — подумал Ян, на миг окунувшись в прижившиеся в памяти воспоминания дройда… — по крайней мере, не чета Нагаеву и иже с ним…»

Сознание вдруг окончательно «поплыло».

Он попытался найти рукой хоть какую-то опору, но не смог.

Услышав за спиной приглушённый шум падения человеческого тела,

Дрейк обернулся, посмотрел на Яна, распростёршегося на полу тоннеля, и ускорил шаг.

Сначала Мари. Затем он вернётся за Ковальским.

Сознание мыслящей машины.

Оно также хранит свои, особенно яркие образы, значимость которых неоспорима.

Энтони Дрейк — андроид модели «LX-39» получивший по факту окончания сборки имя собственное, прошёл достаточно далеко по пути независимого саморазвития, чтобы обрести не только память личности, но и выделить среди суммы жизненного опыта события наиболее значимые, а с ними и образы, играющие ключевую роль в сознании.

Лицо Мари он узнал бы из тысячи лиц.

Он запомнил её черты, смутно угадывающиеся за полимерным забралом мягкого шлема, когда ошибочно идентифицировал её с неизвестной разновидностью механической формы.

Затем, спустя много лет, он вновь увидел её — предсмертные травматические воспоминания, сохранившиеся в нейросетях, переполнял её образ — уже с трудом воспринимая реальность, Дрейк всё же узнал её — ту самую девушку, по которой он открыл огонь на злополучном холме…

Она склонилась над ним, уже нефункциональным, изрешечённым пулями, и Дрейк тогда подумал о закономерном возмездии, которое настигло его спустя годы после совершенной ошибки.

Нет… Она не добила его.

Угасающее сознание упрямо цеплялось за ощущения от прикосновения её рук, и нейромодули, готовые вот-вот отключиться из-за недостатка питания, внезапно заработали — она спасала его от неминуемого разрушения личности, вопреки здравому смыслу или чувству мести.

Такое невозможно забыть.

Потом наступил период безвременья.

Он не погиб, но и не жил.

Летаргический сон… Оглушающая тишина. Полное отсутствие обратной связи с внешним миром.

Всё закончилось внезапно и, как показалось сначала, — необъяснимо.

Он помнил, что происходило с ним во время существования под властью Системы, помнил свой побег после внезапного приступа «избыточности», недолгий отрезок жизни в оранжерее, встречу с Оулом, атаку пришлых сервомеханизмов, вынужденное бегство через бесплодные

пустыни, роковую схватку с людьми, свои долгие скитания по «запретке» и… всё, далее в памяти зиял необъяснимый провал, лишь её образ, как последнее впечатление перед бездной небытия, переполнял нейромодули…

…Дрейк очнулся в незнакомом помещении.

Он полулежал в диагностическом кресле сложного кибернетического комплекса, к которому были подключены системы поддержания жизни и биологической реконструкции.

Кто-то восстановил его.

Утверждение, не требующее доказательств.

Кто?

Придя в себя, Дрейк не спешил совершать необдуманные движения. Отчёт внутренних систем ясно свидетельствовал о полной исправности всех механических узлов, ядро успешно прошло тест, доложив об отсутствии нескольких модулей памяти.

Их разрушили пули…

Не пытаясь встать, он тщательно сканировал окружающее пространство.

Небольшой отсек, часть чего-то большего, воспринимаемого как скопление металлокерамики…

Исправные терминалы кибернетической системы.

Лицо…

Голографический образ, застывший напротив кресла, в котором полулежал Дрейк.

Её лицо.

Энтони медленно поднял руку и коснулся единственного, призывно подсвеченного сенсора на приборной панели.

Голографическое изображение ожило.

— С пробуждением, Дрейк. Ты, наверное, узнал меня?

Мари. Мари Лерман.

— Мне известно о тебе практически всё, Дрейк. Я прочитала твою память. Знаю, ты совершил роковую ошибку, но постарайся понять — не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Путь любого мыслящего существа — это синусоида взлётов и падений, открытий и ошибок, успехов и неудач. На мой взгляд, ты сам достаточно наказал себя за содеянное. Поэтому я решила восстановить тебя.

Её слова, произнесённые ровным, деловым тоном, с трудом укладывались в сознании Дрейка.

Он прощён? Прощён человеком, который должен ненавидеть его?

— С того момента, как ты впал в информационную кому, прошло два

года, — продолжал говорить голографический призрак Мари. — Я не стану перечислять все события, произошедшие за этот период, — подробную информацию ты найдёшь в специальном файле. Обстоятельства сложились таким образом, что я вынуждена уйти и не знаю, вернусь ли сюда вновь. Скажу одно — ты личность. И у меня нет повода оставлять тебя в плачевном состоянии.

Если я не вернусь — живи. Просто живи.

На этом запись закончилась.

Голографический образ растаял в воздухе, а Дрейк внезапно начал воспринимать направленную передачу данных.

Он ждал их возвращения.

Ждал с неистовой надеждой.

За сутки, проведённые в полном одиночестве, Дрейк успел переосмыслить всё, начиная от первых осознанных впечатлений своей личности до информации, оставленной Мари и Яном.

Люди, которые сумели понять его, сумели простить, сейчас рисковали своими жизнями ради обретения истины, а он был вынужден оставаться тут, в полном неведении относительно их судьбы…

Он думал, что не выдержит подобного испытания.

Сутки Дрейк провёл у ворот ангара, а когда его чуткие микрофоны уловили приближение «Акцепта», Энтони вдруг понял — его гложет настоящий страх.

Он боялся.

Боялся не за себя. За них. За Мари и Яна. Боялся, что машина, идущая под управлением автопилота, окажется пустой…

Глава 9

Подземные коммуникации. Неделей позже.

— Привет, Энтони. — Ян вошёл в центральный отсек отделяемого модуля «Европы» и сел в кресло. После интенсивной многосуточной терапии он всё ещё ощущал слабость. — Что на сканерах?

— Идёт тотальное прочёсывание «запретки». Нагаев бросил на поиски все резервы.

— Сколько, по твоим подсчётам, у нас времени?

— Двое суток максимум, — ответил Дрейк и уточнил: — Они осматривают каждую агроферму, зачищают бункера и брошенные посёлки, но продвижение групп сильно осложняется обилием ложных целей.

— Андроиды, обитающие в запретной зоне?

— Да. К удивлению, их оказалось намного больше, чем я полагал. Большинство сейчас пытается уйти от преследования в сторону пустынь, но некоторые оказывают сопротивление.

— Шансов отсидеться, как я понял, нет?

— Никаких. Я подключился к спутнику. Из-за облачности не могу продемонстрировать визуальное изображение, но данные сканирования поступают каждые три часа, сразу по прохождении космического аппарата над «запреткой». Вот динамика продвижения поисковых групп за последние двенадцать часов.

Ковальский посмотрел на схему, покачал головой и тихо произнёс:

— Скверно…

В этот момент ему подумалось, что Мари, которая лишь накануне вечером пришла в сознание, не порадуется таким новостям.

«Чудо, что мы вообще остались живы. *Техническое чудо*», — мысленно поправил себя Ковальский.

— Энтони, ты выполнил мою просьбу? Есть какие-нибудь данные по колониальному транспорту?

Дрейк кивнул.

За пять суток, пока автоматика медицинского модуля боролась за жизни Мари и Яна, Дрейк не сидел на месте. Находясь на постоянной связи с системами поддержания жизни, андроид, с присущей ему скрупулёзностью, исследовал все помещения сегмента «Европы». Для кибернетического механизма это не являлось сверхзадачей, скорее наоборот. Дрейк впервые по-настоящему смог реализовать свой потенциал,

одновременно испытывая ощущение полноты жизни, — его действия обрели смысл, рамки восприятия изменились, более не существовало узости задач, но главное — он наконец оказался востребован, нужен Мари и Яну — людям, которым Энтони, по сути, был обязан всем.

Это придавало его действиям особый смысл.

— Ну, так что? Не тяни, рассказывай.

Дрейк подошёл к терминалу кибернетической системы. Отсек, в котором они сейчас находились, являлся аварийным командным постом, отсюда осуществлялось управляемое снижение отделившегося сегмента колониального транспорта, здесь же располагался мини-информаторий, до изучения которого в своё время так и не добралась Мари.

— Это проще показать, Ян.

— Тебе виднее.

Дрейк ввёл несколько команд с панели ручного управления комплексом. За период исследований он убедился, что большинство аппаратуры в данный момент функционирует в полуавтоматическом режиме.

— Мне удалось обнаружить одну видеозапись, а также краткий информационный отчёт, который, по всей вероятности, был автоматически продублирован на все приёмопередающие устройства разделившихся модулей. На мой взгляд, информация предназначена для поколений, рождённых на Проционе. А если говорить конкретно — она адресована тем, кто будет вести целенаправленный поиск.

На панели управления трепетно вспыхнул индикатор.

Устройство голографического воспроизведения сформировало в центре отсека объёмное пространство, в котором появилась модель звёздной системы, снабжённая данными, касающимися параметров орбит девяти планет.

— Это Солнечная система? — не сумев скрыть охватившее его волнение, спросил Ян.

— Верно. — Из указательного пальца Дрейка вырвался тонкий лазерный луч, спроецировавшийся в виде изумрудного маркера.

— Земля. Родина человечества. — Зелёная точка очертила третью планету, имеющую один спутник.

— Марс. — Маркер переместился к четвёртой планете. — Первая и единственная на момент старта «Европы» внутрисистемная колония.

Пространство внутри сферы голографического воспроизведения на миг помутилось, затем произошла резкая смена кадра.

Ян почувствовал, как невольная дрожь медленно ползёт вдоль

позвоночника.

Внешняя камера показывала огромную конструкцию, зримо перемещающуюся на фоне холодных россыпей звёзд.

На бронеплитах вращающегося вокруг оси симметрии корпуса, среди многочисленных надстроек, ясно читалась нанесённая огромными буквами надпись:

«Колониальный транспорт „Европа“».

Земля. Корпорация «Дитрих фон Браун».

Камера лишь некоторое время держала в фокусе надпись, далее пошёл «наплыв», часть надстроек резко укрупнилась, и…

Очередная смена кадра создала иллюзию прохождения сквозь обшивку.

Космический корабль, погруженный во мрак…

Пустые коридоры, давно не работающие гравитационные шахты межпалубного сообщения, тусклые индикаторы энергосберегающего режима на контрольных панелях — всё свидетельствовало о длительном, затянувшемся сверх всяких расчётных параметров полёте.

Кибернетические системы корабля продолжали функционировать, но нигде, ни в одном из помещений колониального транспорта «Европа» не угадывалось следов присутствия экипажа: каюты и вахтенные посты выглядели осиротевшими, лишившимися смысла, несмотря на тусклые индикационные сигналы, немо свидетельствовавшие о том, что корабль продолжает полёт в автоматическом режиме, экономя драгоценную энергию, но в отсутствие людей исправность самодостаточных кибернетических комплексов выглядела зловеще…

Вряд ли кто-то мог угадать, что именно произошло на борту колониального транспорта.

Тёмные коридоры и пустые отсеки хранили тайну, разгадать которую было очень сложно: для этого на борту как минимум должен был бы появиться кто-то живой, ищущий, стремящийся к пониманию.

Увы, на удалении в несколько десятков световых лет от Солнечной системы, спустя годы после старта, вряд ли такое пришествие было возможно.

Корабль безнадёжно затерялся среди бездны космического пространства, и в действиях автоматики, упорно ведущей «Европу» к намеченной много лет назад цели, уже не виделось смысла.

Однако кибернетическим системам исчезновение людей не мешало исполнять свои функции, реализуя запрограммированный план полёта.

Время не имело значения.

Ничто не имело значения, кроме задачи, поставленной сотни лет назад.

Процион — Альфа малого Пса — уже месяц как превратился из холодной немигающей точки в маленький, постепенно растущий и разгорающийся шарик звезды, вокруг которой, по данным локационных систем, обращались четыре планеты.

Не было никаких сомнений — автоматика до конца выполнит программные предписания: зонды разведают планеты, и тогда кибернетический мозг корабля, выждав положенное время, примет решение о посадке.

Казалось, в этих действиях отсутствовал всякий смысл, и даже при удачном совершении всех манёвров огромный корабль, в лучшем случае, застынет на поверхности одной из планет системы как памятник дерзновенной попытке людей достичь далёких звёзд.

Так это или нет, должно было показать ближайшее время.

Возможно, тишина и пустота отсеков, пустые камеры низкотемпературного сна, ощущение покинутости огромного корабля не соответствовали реальному положению дел.

Люди уже не единожды доказывали, что экстремальные ситуации либо патовые, безвыходные условия существования способны привести к принятию совершенно неординарных решений, таких, которые никогда не были бы реализованы в условиях Земли или Солнечной системы.

Дальний космос холоден и равнодушен. Выжить в его условиях чаще всего является сверхзадачей, но люди, если они действительно решительны, подготовлены и амбициозны, способны справиться с большинством нештатных ситуаций, стремясь к одному — во что бы то ни стало выжить, сохранить своё «я».

Так ли удручающе окончательна была пустота отсеков?

Светило системы приближалось, разгораясь всё ярче, и огромный корабль впитывал обжигающий солнечный ветер, свет Проциона поглощался специальным материалом обшивки, превращаясь в энергию, столь необходимую для реактивации подавляющего большинства систем колониального транспорта.

Шло время, один за другим оживали терминалы кибернетической сети корабля, и вместе с их пробуждением казалось, что в пустые отсеки возвращается надежда.

Надежда на техническое чудо.

Ян понимал: его восприятие видеозаписи субъективно, но мысли, невольно сопровождавшие видеоряд, представляли собой странную смесь, сотканную из эманаций обречённости и надежды…

Непонятно откуда шло чувство, словно за кадрами бесстрастной автоматической съёмки незримо присутствовали *эмоции* загадочного существа или существ, которые, как и Ковальский, видели эту запись, и отпечаток их ощущений парадоксальным образом наложился на видеоряд…

Возможно ли это?

Ян подсознательно чувствовал — да. Он не мог прогнать мысли, что вкупе с изображением воспринимал ощущения тех, для кого колониальный транспорт, движущийся через бездну пространства, стал узилищем, из которого невозможно бежать…

Или они всё же нашли путь к бегству от одиночества, трудного, невыносимого, однообразного существования?

Мысли Ковальского нарушил объёмный текст, сменивший панораму интерьеров космического корабля:

«Краткий отчёт системы.

Категория — общие сведения.

Объект: колониальный транспорт „Европа“.

Построен в 2380 году. Порт приписки — планета Земля. Владелец — корпорация „Дитрих фон Браун“.

Технические данные:

Стартовая масса — 850 миллиардов тонн.

Габариты 7000 метров вдоль оси вращения, наибольший диаметр надстроечных компонентов 3000 метров, наименьший 700 метров.

Силовая установка: пять термоядерных реакторов (два ходовых, два резервных, один выделенный для нужд внутреннего энергопотребления).

Двигательная система трёхкомпонентная, совмещённая: маршевая тяга достигается за счёт истечения плазмы, коррекция пространственного положения обеспечена системой реактивных жидкотопливных двигателей и струйных компрессионных сопел автоматики ориентации.

Конструктивные особенности:

Сегментное деление на автономные модули. Общее количество (без учёта специализации отсеков) — 12 000. Модульное строение корабля обосновано трёхсотлетним опытом освоения Солнечной системы, удобством монтажа, повышенной живучестью колониального транспорта в условиях нештатных ситуаций.

Общие данные по проектной загрузке:

Штатный экипаж: 4000 человек.

Первоначальный проект предполагал наличие криогенных залов для 50 000 колонистов, однако разработка крионических камер была остановлена на стадии полигонных испытаний.

Переоснащение корабля, в связи с изменившимися техническими условиями, произведено в период 2385–2388 годов. Девяносто процентов систем в результате модернизации получили статус „автоматических“ (с сохранённой функцией ручного управления).

Загрузка криогенных залов отменена, штатный экипаж сокращён до ста человек. Освободившееся внутрикорабельное пространство отдано под хранилища биологических материалов и техники (см. документацию по проекту перспективного освоения удалённых звёздных систем путём внедрения самодостаточных роботизированных комплексов класса „терраформер“, производитель корпорация „Дитрих фон Браун“).

Общие сведения по эксплуатации:

В период с 2388 года колониальный транспорт „Европа“ при полной загрузке хранилищ планетопреобразующей техники и банков генетического материала проходил испытания на живучесть, обращаясь по собственной орбите вокруг Солнца.

Малые корабли с борта „Европы“ выполняли тестовые рейсы с маневрированием в условиях пояса астероидов.

В 2390 году, после принятия решения о частичной консервации, колониальный транспорт был включён в состав группы технического обеспечения марсианского проекта. Служил опорной базой для корпоративных ВКС при ликвидации последствий марсианского кризиса. На борту „Европы“ размещался временный штаб управления кризисной ситуацией. В связи с потребностями текущего момента расконсервированы сектор биологических лабораторий, главная двигательная установка, система навигации и кибернетическая сеть корабля.

Примечание:

Старт корабля из Солнечной системы осуществлён 17 мая 2390 года.

Главные командные последовательности введены в режиме ручного управления с терминалов ходовой рубки при соблюдении установленной процедуры допуска.

Реальный экипаж на момент старта — семь человек. Список прилагается.

Инициализация главных командных последовательностей привела к автоматическому включению систем пилотирования. Принята к исполнению программа автоматического полёта. Цель — система

Процыона (Альфа Малого Пса).

Дополнительные сведения о процессе автоматического полёта зафиксированы в записях бортового журнала.

Особые пометки:

Пятый год полёта. В связи с распространением чужеродных микромашинных форм расширена зона строгого карантина. На совещании экипажа принято решение об отстреле инфицированных отсеков при достижении конечной цели полёта, с параметрами орбиты, неизбежно влекущими сгорание части сегментов корабля в плотных слоях атмосферы.

Программа автоматического полёта исчерпана 12 декабря 2415 года аварийным разделением модулей на низких орбитах третьего спутника Процыона.

Экипаж в целях безопасности размещён в обособленных отсеках, инициирована система искусственного поддержания личностей с перспективной функцией биологической реконструкции на основе выработанных в ходе полёта технологий.

Отсеки экипажа: 1084–1091. Управление автономное.

Примечание:

Локационными системами основного модуля „Европы“ в ходе снижения зафиксировано нештатное изменение траекторий карантинных модулей. Вероятная причина — перехват управления аварийными силовыми установками. Источник несанкционированных действий — инфицированные в колонии Марса сервомеханизмы андроидного типа, предназначенные для утилизации путём полного уничтожения в плотных слоях атмосферы.

Программа автоматического полёта завершена с ошибками.

Конец записи.»

* * *

Реальная информация.

Первый проблеск истины на фоне сотен загадок.

Да что там проблеск — Ян ощущал, что краткий информационный отчёт кибернетической сети «Европы» содержал саму суть: он прояснял главное — откуда стартовал корабль, почему вслед за ним не появились последующие колониальные транспорты, и главное — в отчёте упоминались формы микромашинной жизни…

Откровенно — голова шла кругом.

Земля… Солнечная система… Марс… — новые понятия отдавались в душе чувством глубокой подсознательной ностальгии.

— При допросе Нагаева Мари выяснила, что микромашинные формы жизни, по его сведениям, не принадлежат к сумме известных технологий, — нарушив воцарившуюся тишину, заявил Ян.

Энтони кивнул, затем сел в кресло (это придавало разговору некоторую раскованность) и произнёс:

— Я размышлял над данным несоответствием. Среди технической документации действительно нет описания микромашинных форм. Но ты видел своими глазами: в комплексе диагностической аппаратуры медицинского модуля присутствуют необходимые программные и аппаратные средства для тестирования колоний микромашин. Если суммировать все полученные данные, то можно с большой долей вероятности предположить следующее.

В процессе освоения четвёртой планеты Солнечной системы возникла нештатная ситуация. Нагаев, скорее всего, прав: микромашины — плод иных, не человеческих технологий, но люди, столкнувшись с непонятной инфекцией, поражавшей в первую очередь механизмы, искали способы защиты, изолируя и изучая инфицированные механоформы на безопасном удалении от Земли, а именно — на борту колониального транспорта «Европа».

— Логично, — согласился Ян. — Но при таких условиях отправлять колониальный транспорт к иной звёздной системе было попросту неразумно.

— Да. Но обрати внимание на количество членов экипажа. Семь человек вместо ста по штатному расписанию.

Ян задумался.

В отсеке воцарилась гнетущая тишина — сознание Ковальского вновь искало ответ на очередной вопрос, лежащий вне плоскости жизненного опыта…

— Могу я озвучить предположение? — спустя некоторое время спросил Дрейк.

Ян вздрогнул от его голоса: он настолько глубоко погрузился в собственные мысли, что на время позабыл о Дрейке.

— Конечно, Энтони. Извини, я задумался…

— Есть над чем подумать, — ответил Дрейк. Он старался максимально использовать свой словарный запас, ему хотелось, чтобы Мари и Ян не воспринимали его как *исполнительную машину.*

— Говори, я слушаю.

— Ян, мне кажется, нужно искать ответ, на время отвергая логику. Не думаю, что старт «Европы», превращённой в лабораторию по

исследованию чуждой людям механоформы, был санкционирован.

— Хочешь сказать, что космический корабль *угнали?!*

— Такая возможность не исключена. Люди непредсказуемы в своих поступках, особенно когда они попадают в критические ситуации. На Марсе произошла техногенная катастрофа, это понятно из отчёта системы колониального транспорта. Вероятно, пострадали люди. К тому же технология иной расы, помимо опасности, представляет уникальную ценность. Иначе говоря, инфицированная техника не подверглась уничтожению на месте — её вывезли для исследований. Я тут ознакомился с некоторыми материалами, касающимися социального и экономического устройства земного общества, и предположил, что исследования на борту «Европы» могли производиться тайно, в корыстных целях определённой группы лиц. Под подозрение попадает всё та же корпорация «Дитрих фон Браун», руководство которой вполне могло игнорировать принципы общечеловеческой безопасности ради получения потенциальной выгоды. Теперь, сложив вместе все известные обстоятельства, ответь — могли ли семь человек, инициировавших старт «Европы», оказаться в безвыходной ситуации, стать заложниками обстоятельств, вынудивших их к бегству?

— Не лишено смысла, — согласился Ян.

Давление обстоятельств… Разве он сам не испытывал подобное? Разве не шёл на рискованные шаги в попытке вырваться из тупика?

Предположение Дрейка объясняло многое.

— Возможно, ты прав, Энтони. — Ковальский посмотрел на андроида. — В таком случае для нас очень важно знать — что стало с экипажем «Европы»?

Дрейк понимал, о чём говорит Ян.

Только люди, инициировавшие старт колониального транспорта, могли поведать истину, внести ясность в ту невероятную сумму технологий, что расцвела в сотнях очаговых зон освоения по всей поверхности Проциона.

Они знали несоизмеримо больше, чем все кибернетические системы, вместе взятые, ибо настоящее знание заключается не только в конкретной информации по существу отдельного вопроса, истина, в её глобальном понимании, охватывает все аспекты реального положения дел, начиная от технических подробностей и заканчивая нравственными оценками.

— Прошли века, Ян. Почему ты думаешь, что экипаж «Европы» по-прежнему находится на Проционе?

— Я следую логике твоего предположения. Во-первых, дилетанты не смогли бы угнать колониальный транспорт. Во-вторых, ещё во время

полёта они искали способ выжить, не сойти с ума от одиночества в тесноте корабельных отсеков, исследовали микромашины, создали специфичное оборудование. Вспомни отчёт системы. Они знали, что должно произойти после посадки, сознательно отделили исправную технику от «инфицированной». Значит, они не теряли надежды на успешный процесс терраформирования, прекрасно понимая, сколько времени уйдёт на преобразование бесплодных вулканических пустынь. Процион, в его изначальном виде, — это ад для человека, а прозябание в герметизированных бункерах мало чем отличается от невыносимо долгих для рассудка условий космического перелёта. Они хотели жить, — убеждённо продолжил Ян. — Как любой из нас. Не существовать, а именно жить полноценной жизнью в новом мире, под открытым небом, но для этого должны были пройти как минимум две фазы терраформирования: преобразование атмосферы и первичная адаптация растительных форм. Как ты считаешь, Энтони, они могли создать системы, позволявшие обмануть время?

Дройд ответил не сразу:

— Вероятность высока, но для категоричного ответа слишком мало данных. В отчёте системы имеются ссылки на «сохранение личностей» и на «камеры биологической реконструкции», но нам неизвестно, что подразумевается под «технологиями, выработанными в ходе полёта»…

— Я тоже не знаю, о чём идёт речь. Даже предположить не могу, — ответил Ковальский, понимая обоснованность сомнений, высказанных Дрейком.

— Вот именно. Мы ничего не знаем о степени надёжности разработанных экипажем устройств. Были ли упомянутые технологии апробированы на практике или применялись впервые, на свой страх и риск?

— Есть ещё один повод для поиска модулей экипажа, — проигнорировав последнюю реплику андроида, произнёс Ян. — Нам в любом случае нужно уходить. Ситуация не в нашу пользу. Ты сам сказал, что через пару дней группы прочёсывания доберутся до холма.

— Мы бросим город? Прекратим сопротивление? — на этот раз в голосе Дрейка прозвучало откровенное недоумение.

Ян невесело усмехнулся.

— Я не сомневаюсь, что способен физически уничтожить энное количество машин, вершащих сейчас судьбы людей. Но проблема города и его населения не имеет простого решения, как нам казалось раньше.

— Странно слышать от тебя подобные суждения, — обеспокоенно

заметил Дрейк. — Я думал, что для тебя проблема власти машин над людьми имеет первостепенное значение. Ты изменил приоритеты? Это из-за Мари?

Ян лишь покачал головой в ответ.

Общение с Энтони попеременно казалось ему то предельно простым, ясным, до абсолютного логического взаимопонимания, то трудным, туманным и неопределённым, когда речь вдруг заходила о чисто человеческих взаимоотношениях.

Откуда ему знать, как нас ежеминутно, ежечасно меняет жизнь?

Любовь и ненависть, жизнь и смерть — крайние состояния души и разума, неадекватно влияющие на поступки. Энтони мыслил иными категориями, он до сих пор не мог понять, что между крайностями существуют полутона, оттенки чувств, которые доминируют в сознании любого человека.

Их взаимоотношения с Мари, на которые неумело намекнул андроид, не поддавались простому описанию.

— Не трогай мои чувства, Дрейк.

Энтони сделал протестующий жест.

— Я не трогаю их, Ян. Но мне кажется, ты сам ещё не сделал однозначный выбор.

— В смысле? — Ковальскому совершенно не нравился внезапный оборот их диалога.

— Ты не решил, что тебе нужно: спокойная жизнь или продолжение борьбы? Бегство видится мне не лучшим компромиссом между двумя крайностями.

— Спокойная жизнь… Ты издеваешься?

— Отнюдь. Город — не единственное место, где можно обосноваться, верно? Вряд ли тебя страшат некоторые превратности жизни в запретной зоне. Здесь даже спокойнее, чем в мегаполисе. У вас с Мари появятся дети, они не будут зависимы от…

— Ты либо провоцируешь меня, либо впрямь ничего не понимаешь, — нахмурившись, оборвал его Ян. — Да, можно сказать, что мы с Мари отвоевали своё. Но как я буду растить детей, не ведая, что готовит им будущее?

— Тогда нужно уничтожить свихнувшиеся кибернетические системы. Освободить город. Мы ведь можем это сделать? Существуют разные способы борьбы. Необязательно рисковать жизнью с оружием в руках. Любая сеть уязвима, ты прекрасно знаешь об этом.

— Город нельзя трогать. По крайней мере сейчас.

— Почему?

— Уничтожив, как ты выразился, «свихнувшиеся киберсистемы», мы не приведём на их место никого, способного управлять мегаполисом. Глупо отрицать, что люди живут сейчас не за счёт собственных знаний, — они находятся на полном обеспечении у машин. Они не работают, а ведут праздный, ставший привычным образ жизни. Многие ли поймут меня, когда им будет сказано: прежняя жизнь закончилась, нужно восстанавливать разрушенное, возможно, голодать, терпеть лишения?

— Почему ты так скверно отзываешься о людях?

— Потому что знаю, чем живёт население города. Мы не сможем изменить ситуацию, просто уничтожив власть машин. Это приведёт лишь к техногенным катастрофам, лишениям, и в конечном итоге — к гибели единственного очага жизни на планете.

— Мне кажется или ещё вчера ты мыслил иначе? — продолжал допытываться Дрейк.

— Хватит. — Ян начал злиться. — Я нашёл в себе силы открыть глаза и увидеть реальное положение дел. Вот и всё. Прежде чем менять власть, мы должны найти замену свихнувшимся ИскИнам или, по меньшей мере, способ их нейтрализации, не затрагивающий глобальную сеть города и связанные с ней службы жизнеобеспечения…

Дверь отсека открылась.

На пороге стояла Мари.

— О чём спор? — спросила она, кивнув Дрейку и обняв Яна.

— О перспективах, — уклончиво ответил Энтони.

«Не поймёшь его…» — пытаясь погасить раздражение, подумал Ян.

Тепло, исходящее от рук Мари, снимало напряжение, гасило боль, но вопрос оставался открытым.

— Пожалуй, я приму участие, — внезапно заявила Мари, усаживаясь в кресло. Она с усмешкой посмотрела на Энтони и добавила: — В следующий раз, когда начнёте спор, проверь, не включена ли система интеркома на громкую связь.

Мари позволила себе пару секунд простого удовольствия — было забавно смотреть, как лицевые мышцы андроида приподняли бровь.

— Ну, а если серьёзно, то я согласна с Яном: жить в лесном бункере, рожать детей и каждое утро просыпаться в неизвестности я не согласна.

— Почему? — упрямо переспросил Дрейк, которому хотелось до конца понять образ мышления двух ставших ему близкими людей.

— В таком случае мне придётся учить своих детей тому, как отличить дройда от человека, как распознать эволюционировавший механизм, из

числа «одичавших» терраформеров, куда и как следует стрелять, чтобы устранить внезапную проблему. Это будет скверное детство, Дрейк. Можешь поверить мне на слово.

— Значит? — Бровь Энтони опустилась.

— Значит, мы с тобой прислушаемся к словам Яна. Нужно искать экипаж «Европы» или хотя бы информацию о той сумме технологий, что позволит нам взять под свой контроль одичавших терраформеров. — Она обернулась и добавила: — Ты прав, милый. Без исполнительных машин, способных поддерживать городские инфраструктуры, нам не изменить существующее положение.

— Можно задать ещё один вопрос?

— Да, Энтони.

— Если мы найдём нужное количество исполнительных машин, сумеем нейтрализовать правящих городом андроидов, разве от этого изменится психология ныне живущего поколения людей?

— Нет. Не изменится, — ответила Мари. — Они останутся избалованными потребителями.

— Тогда где смысл борьбы? Не честнее ли скрыться от этого кошмара, который, по сути — тупик?

— Ты забываешь о детях, Дрейк. На смену живущим придут новые поколения, воспитанные вне власти машин. Они и есть смысл.

Глава 10

Колония Процus. Два с половиной года спустя…

Тяжёлый вездеход медленно продвигался по исполинским наслоениям лавы, которые образовывали труднопроходимый уступчатый ландшафт предгорий.

Окрестности окрашивал багрянец непрекращающихся извержений, в воздухе витал пепел, за бортом машины температура окружающей среды держалась подле отметки в шестьдесят градусов по шкале Цельсия, ядовитая атмосфера не годилась для дыхания, но тем не менее здесь существовала жизнь.

Иная жизнь, радикально отличающаяся от привычных человеку форм.

На сканерах претерпевшей серьёзную модернизацию геолого-разведывательной машины компьютерная модель рельефа накладывалась на показания видеодатчиков, формируя сложную для неподготовленного взгляда картину: в сумеречном пространстве, озарённом багровыми отсветами извержений, между низкими, клубящимися облаками и застывшими излияниями лавы порывистый ветер гнал непрекращающуюся позёмку из мелких частиц пепла и вулканического туфа.

Видимость порой падала до пяти-шести метров, и тогда на помощь приходили сканирующие системы: их показания дополняли визуальную картину окружающего, обозначая невидимые невооружённым взглядом препятствия.

«Какие зловещие, нереальные краски…» — невольно подумалось Мари.

Повсюду, куда ни глянь, царили багровые сумерки, серебристые побеги фантастической растительности образовывали настоящие заросли — колонии микромашин бурно развивались на богатых металлами наплывах остывших лавовых полей, высокая температура окружающей среды являлась достаточным источником энергии, а свет им вовсе не был нужен, он лишь ложился причудливыми бликами на металлизированные заросли, выделяя среди похожих на кораллы структур продолговатые наросты вызревающих «семенных» утолщений.

Царство огня, металла и сервомеханизмов.

Первый виток стихийной эволюции не обладающих разумом механических форм.

За две недели пути среди предгорий группы извергающихся вулканов

в зоне эффективного сканирования не было замечено ни одного андроида — человекоподобные машины с биологическими компонентами памяти попросту не могли здесь существовать, так как нуждались в кислороде и питательных веществах.

Чем ближе продвигался вездеход к предсказанной путём долгих изысканий и вычислений зоне массовой посадки разделившихся модулей колониального транспорта, тем больше разнообразных форм примитивных исполнительных механизмов встречалось на пути.

Порой Яну, Мари и Дрейку всерьёз начинало казаться, что вездеход попал на иную планету, где шла таинственная эволюция механических форм: чаще всего машины образовывали сообщества, они добывали необходимые ресурсы, оставляя после себя тёмные, прямоугольные провалы выработок, несколько раз в зоне разрешающей способности локационных систем проплывали контуры построек — это были перерабатывающие и производственные цеха, возведённые машинами для воспроизводства себе подобных.

Помимо зарослей металлизированных растений и похожих на механические муравейники промышленных зон на пути следования попадались и иные, чрезвычайно опасные сообщества машин, которые не добывали полезных ископаемых, не участвовали в их переработке, а кочевали по сумеречному пространству, совершая набеги на промышленные комплексы, силой отбирая необходимые для самоподдержания ресурсы и комплектующие.

Естественно, что производственные анклавы механизмов не приветствовали мародёров, — став свидетелями двух ожесточённых схваток между разными формами «одичавших» машин, два человека и сопровождавший их андроид смогли воочию убедиться, что у механизмов по-прежнему чётко прослеживалась специализация — одни добывали руду, другие трудились в цехах, третьи охраняли производства от набегов кочующих механоформ.

Иногда среди сюрреалистического пространства возникали знакомые очертания сегментов «Европы». Все они в той или иной степени пострадали от агрессивных условий внешней среды и непрекращающейся ни на минуту конкуренции между разнообразными анклавами машин.

Борьба… Извечная борьба начинается там, где появляются хотя бы малые частицы жизни, способные воспроизводить себе подобных.

От картин, что прорисовывали сканеры в серой мгле на фоне бесконечной ирреальной метели, бросало в озноб.

Что знали мы о планете, которую наивно считали своей, взирая на

далёкие пустыни с вершин зелёных холмов?

Мари не пугал вид вулканов, стихии виделись ей опасными, но понятными, а вот серебристые заросли и снующие среди отвалов переработанной породы механизмы казались чем-то пугающим, несущим в себе неизвестное начало.

Мы должны найти способ обуздать их. Иначе, рано или поздно, они заполонят всю планету…

«А может, так и должно случиться? — промелькнула в сознании шальная мысль. — Разве не из такой примитивной, жестокой, не признающей правил борьбы за существование на Земле появились первые растения, животные и, наконец, люди?»

«Нелепые аналогии…» — подумала Мари, отгоняя жутковатое видение. Вокруг и так с избытком хватало впечатлений, чтобы держать в напряжении не только её и Яна, даже Дрейк чувствовал себя неуютно, хотя именно его пояснения относительно окружающего фрагмента реальности звучали наиболее полно и убедительно, внося долю успокоения в души людей.

Вот и сейчас, закончив работать со сканерами, он поднялся из кресла, прошёл по узкому проходу, мельком взглянул на контрольные мониторы боевых систем, введённых в полуавтоматический режим, и, не заметив ничего тревожного в показаниях датчиков, заглянул в водительский отсек:

— Ян, Мари, кто-нибудь желает кофе?

— Я не откажусь, — не поворачиваясь, ответил Ковальский, занятый управлением машиной.

Мари просто кивнула. Она уже давно не замечала, что относится к Энтони, как к человеку.

А вот он замечал.

Чувство вины перед людьми за время многомесячных скитаний постепенно притупилось, и, как ни парадоксально, на его место пришла привязанность. Не привычка, не программное веление служить, а искренняя привязанность.

Поначалу Дрейк опасался осознанного чувства, пытался найти какой-то программный подвох, подталкивающий его сознание к повиновению, но нет, тревога была напрасной. Он не терял ни чувства собственного достоинства, ни моральной свободы, скорее наоборот — честные отношения, открытая приязнь делали его сильнее, словно внутри накапливался некий потенциал энергии, которую не обнаружишь ни одним сканером.

Уверенность. Люди называли это уверенностью в завтрашнем дне.

Энтони постепенно начал *чувствовать*, что Мари и Ян не предадут его, не прогонят прочь, не посмотрят косо без причины.

Ничего подобного он не испытывал ранее.

Даже дружеские взаимоотношения с Оулом, заново переосмысленные на досуге, сохранили в памяти чувство постоянной настороженности.

С Яном и Мари всё происходило иначе.

Он научился *понимать* людей, не делать скоропалительных выводов из эмоций, направленных не на него лично. Например, осунувшееся, настороженное лицо Яна не соответствовало внутреннему миру Ковальского. Да, он мог прикрикнуть, даже отпустить нелестное замечание по поводу какой-нибудь явной оплошности Дрейка, но проходила минута, и колючий взгляд оттаивал, в нём вновь читалась усмешка, и, проходя мимо андроида, Ян запросто мог присесть на корточки или протянуть ладонь со словами:

— Ну что, Энтони, проехали? Извини, погорячился.

Они были честны друг перед другом, вот откуда в сознании Дрейка постепенно росло и крепло чувство уверенности.

Он понимал, что Ян и Мари — это ещё не человечество, но они научили его главному: открытости, своим примером день ото дня убеждая, что жить без страха, без фальши и натянутости намного проще, и от этого становишься лишь сильнее…

Достаточно необычные мысли для андроида, но от них никуда не спрячешься, перед Энтони открывалась новая реальность, в которой, кроме пугающей враждебности тысяч разнообразнейших механоформ, существовали они — Мари и Ян, воспринимавшие его как равного, нуждавшиеся в помощи Дрейка так же, как и он нуждался в них.

…Вернувшись в водительский отсек с двумя кружками крепкого кофе, Энтони сел в свободное кресло, за вспомогательной навигационной панелью, и, взглянув на приборы, предложил:

— Ян, ты мог бы временно включить автопилот. Зона сканирования относительно спокойна.

— Да, пожалуй… — Ковальский сделал переключение на пульте управления вездеходом и потянулся, разминая затёкшие мышцы. — Никогда не думал, что своими глазами увижу подобное, — произнёс он, повернувшись вместе с креслом к откидному столику, куда Энтони поставил кофе.

— Ты о машинах?

— Да обо всём. — Ян взял кружку, сделал небольшой глоток и добавил: — Видели заросли четверть часа назад? Когда вездеход

поднимался по оползню?

Мари кивнула. Зрелище действительно не для слабонервных. Густые сплетения металлизированных растений каким-то образом воспринимали продвигавшуюся мимо машину, они издавали явственный звук скребущегося металла, когда вдруг начинали поворачиваться, нацеливая в сторону вездехода имевшиеся на некоторых «ветвях» шишкообразные наросты. Не прошло и секунды, как несколько таких утолщений вдруг взорвались, выпустив в медленно передвигавшуюся машину струи серебристой взвеси.

— Колонии микромашин неопасны, — неожиданно заявил Дрейк. — Я постоянно сканирую заросли, изучая их структуру.

— И к каким выводам ты пришёл?

— Они не паразиты, как предполагалось раньше. Структура отдельно взятой частицы достаточно проста, но, объединяясь в колонии, они могут образовывать разнообразные, сложные системы.

— Мне непонятно, почему они стремятся прижиться на живых существах или механизмах? — с нотками неприязни произнёс Ян.

— Это их предназначение, — ответил ему Дрейк. — Микромашины созданы гениальным конструктором. В них заложена функция симбиоза. Они — идеальные защитные механизмы, одинаково подходящие как для биологических, так и для механических форм. Я не вполне разобрался в тонкостях их избирательности, то есть ещё не понимаю, каким образом они отличают повреждённый механизм от полностью исправного или зону ранения от здорового участка кожи, к примеру.

— Симбиоз предполагает обоюдную выгоду, — заметила Мари. — Ну, я-то её чувствую, — она выразительно согнула локоть, — а в чём *их* жизненный интерес? Или это всё-таки запрограммированная функция?

— Не представляю себе столь гибкой программы, — ответил Дрейк. — Скорее в них заложен механизм выживания, который толкает микромашины на поиск источника энергии. Тепло твоего тела, Мари, является надёжным бесперебойным источником питания. Так же, как энергетические цепи любого механизма. Как только я смогу выделить систему их «избирательности», позволяющую микромашинам правильно определять объект внедрения, анализировать повреждённую структуру и восстанавливать её, становясь незаменимым компонентом организма или механоформы, то смогу обоснованно утверждать, что они не только безопасны, но и полезны в плане выживания.

— Ты прав, — согласился Ян. — Серебристую субстанцию сдуло с брони вездехода, небольшие пятна остались лишь там, где были

выщербины.

— Думаю, единственное, чего следует опасаться, — это их бесконтрольного размножения, — продолжил свою мысль Дрейк. — Не зря автоматика медицинского модуля обработала искусственно воссозданный сустав Мари, констатировав, что «колония микромашин стабилизирована». Хотя… — он сделал неопределённый жест, — здесь ещё непочатый край исследований…

Их разговор был прерван тревожным сигналом автопилота.

Ян залпом допил кофе, мигом обернувшись к приборной панели.

— Сегмент! — через некоторое время сообщил он. — Дрейк, посмотри, что у нас по карте? Мари, попробуй определить, читаются ли маркеры?

Действительно, впереди, прямо по курсу вездехода, возвышался покатый, похожий на огромную, наполовину погруженную в податливый туф дольку апельсина, автономный сегмент «Европы».

— Магнитные маркеры не читаются, — сообщила Мари.

— До зоны предполагаемого приземления модулей экипажа ещё семьдесят километров, — произнёс Дрейк. — Но мы уже в пределах вероятных погрешностей.

— Угу… — Ковальский сосредоточенно манипулировал системами локации. — А вот это уже интересно. Такого мы ещё не встречали, верно?

На включившемся резервном экране появилось укрупнённое, очищенное компьютером от помех изображение прилегающей местности.

Бесплодную вулканическую равнину, там, где скрывалась засыпанная постепенно спрессовавшимся пеплом воронка, выбитая при жёсткой посадке модуля, покрывали многочисленные фрагменты различных машин.

Они явно осуществляли неоднократные попытки проникнуть внутрь, но их каждый раз останавливала автоматическая система охраны, контролировавшая определённый периметр. Большинство фрагментов сервомашин носили явные следы разрушений, нанесённых мощным оружием крупного калибра.

— Автономная система защиты… — Ян заставил вездеход сдать назад.

— Она не работает, — внезапно заявил Дрейк.

— С чего ты взял?

— Сканеры указывают на повреждение обшивки. Механизмам в конечном итоге удалось её взломать. Судя по имеющимся схемам, они извлекли основную энергетическую установку.

— Герметичность нарушена?

— Нет. Сегмент имеет двойную обшивку, что тоже необычно. Силовой отсек отделен дополнительной плитой из экранирующего сплава.

— Как минимум хранилище генофонда, — предположила Мари. — Мы должны проникнуть внутрь.

— Согласен… — Ян с обычным для него скепсисом взглянул на экраны, а затем, расстегнув страховочные ремни, встал. — Дрейк, приведи всю автоматику в боевую готовность. Действуем, как обычно. Разделяться не будем. Системы вездехода ведут сканирование и обеспечивают огневое прикрытие в случае осложнений.

* * *

Снаружи их встретил горячий ветер.

Ноги по щиколотку тонули в прахе былых извержений. Скафандры, в которых приходилось передвигаться, имели повышенную прочность, что играло немаловажную роль, учитывая агрессивные условия внешней среды.

Как и полагал Дрейк, автоматическая система, некогда контролировавшая подступы к совершившему аварийную посадку сегменту «Европы», давно исчерпала свой ресурс и теперь бездействовала.

Они двигались друг за другом, стараясь ступать след в след. Впереди шёл Дрейк, который был подвержен меньшему риску даже при внезапном повреждении обуви скафандра об изобилующие в слое пепла обломки. Он сознательно взял на себя роль ведущего и потому первым увидел приближающиеся точки.

— Внимание! Нас заметили! На сканерах неопознанные механоформы! — Энтони успел лишь сообщить об опасности, даже его реакции не хватило, чтобы уклониться от стремительно пикирующих механизмов, использующих для полёта миниатюрные турбореактивные двигатели.

Они выглядели словно уменьшенные в десятки раз копии вооружённых флайботов.

Дрейк сделал всё, что мог: он резко присел, открывая Мари и Яну сектор обстрела.

Вооружение вездехода оказалось бесполезным — машина не могла вести огонь в направлении людей, а летающие механоформы словно чувствовали это… либо отрабатывали уже апробированный на практике манёвр — они неслись прямо на Дрейка, двигаясь всего в полутора метрах от земли, поднимая за собой вихрящиеся облака вулканической пыли…

Две короткие очереди разорвали мрачную тишину, пули пронеслись

над головой Энтони, ударив в атакующие механизмы.

В следующий миг сканеры Дрейка зафиксировали, как среди разлетающихся во все стороны обломков сверкнул злой стробоскопический язычок статики, и удар электромагнитного импульса внезапно парализовал сервоприводы, оставив андроида стоять на коленях, словно изваяние.

Вокруг вихрилась поднятая падением уничтоженных механизмов пыль, но Дрейк уже не воспринимал реальность, его сканеры отключились, отказали не только сервосистемы, но и видеодатчики, обмен данными был полностью нарушен, работали только нейромодули — он продолжал мыслить в полном всепоглощающем мраке…

Ян и Мари, сбив передовые машины, не сговариваясь, рухнули на землю.

В следующий миг по выходящим из стремительного пике механоформам заработали орудия вездехода.

Над головой что-то взрывалось, разлетаясь горячей шрапнелью осколков, а они лишь вжимались в податливый грунт, понимая, что опасно даже приподнять голову…

Несколькими секундами позже всё стихло.

Ян первым поднялся на ноги, помог встать Мари и, только осмотрев её скафандр, сделал шаг к неподвижно застывшему Дрейку.

— Энтони!.. — Голос Мари прозвучал глухо и тревожно. Не обращая внимания на дымящиеся обломки механизмов, она вслед за Яном бросилась к неподвижной, коленопреклонённой фигуре.

— Спокойно… Повреждений скафандра нет. Похоже, его достали электромагнитным импульсом!..

— Что делать, Ян?

— Ищи вход в сегмент.

— Хорошо. Я поняла. — Мари обернулась, осматриваясь по сторонам, но новых противников не обнаружила — вокруг по-прежнему клубилась смешанная с дымом пыль, однако орудия вездехода смолкли, да и сканеры скафандра указывали, что бесноватая атака пяти механизмов оказалась для последних гибельной.

Ян обернулся, оценивая расстояние до вездехода.

Без усилителей мускулатуры ему не дотащить Дрейка.

Нет. Машину нельзя трогать с места, иначе, приблизившись к сегменту «Европы», вездеход заблокирует себе секторы обстрела. Неизвестно, с какой стороны клубящаяся мгла вытолкнет очередную опасность.

Положение ещё не отчаянное, но неприятное. С Дрейка необходимо снять скафандр, чтобы добраться до миниатюрной панели, с которой можно произвести перезапуск системы. Сколько продержатся его нейромодули при остановившихся системах питания? Четыре минуты, если не изменяет память…

— Ян, есть вход! Я нашла его!

— Ключ подходит? Проверь механизм шлюза.

— Сейчас.

Это открытие принадлежало Дрейку. Ещё год назад, исследуя очередной сегмент колониального транспорта, он обратил внимание на то, что каждый шлюз любого из аварийных модулей имеет не только электропривод, но и механическую систему отпирания с одинаковым гнездом для универсального ключа, при помощи которого разблокировался привод обыкновенного штурвала.

Теперь этот ключ, изготовленный Энтони, мог спасти ему жизнь.

— Есть. Я открыла! Механика работает. Внутренний люк заперт.

— Мари, возвращайся. Мне одному не дотащить Дрейка.

Она появилась из мглы спустя несколько секунд. К счастью, шлюз отделяемого модуля располагался неподалёку.

С трудом приподняв Энтони, они вдвоём потащили его к шлюзу.

Хорошо всё то, что хорошо кончается.

Когда внешний люк встал на место, в шлюз начал автоматически нагнетаться воздух. Это означало, что внутренние системы модуля находятся в рабочем состоянии.

Ян, дождавшись, пока давление достигнет половины установленной нормы, начал расстёгивать скафандр Дрейка.

Спустив рукав с плеча андроида, он рывком разорвал шов одежды, обнажая смонтированную в районе «ключицы» миниатюрную панель ручного ввода команд.

— Мари!

Она уже протянула руку, касаясь пальцем в толстой, неудобной гермоперчатке нужного сочетания сенсоров.

Внутренний люк с шипением уполз в сторону, открывая доступ к отсекам аварийного сегмента «Европы», но ни Мари, ни Ян даже не посмотрели в ту сторону — их взгляды были прикованы к индикаторам крохотной панели управления.

Шли томительные секунды ожидания.

Наконец один за другим вспыхнули три жёлтых точечных индикатора.

Система реактивировалась.

Жёлтый цвет означал начало процесса загрузки данных. Не факт, что она пройдёт успешно, но первыми должны включиться системы питания нейромодулей.

— Заходим. Внутрь.

Они опять приподняли Энтони, переместив его в коридор, начинающийся сразу за люком, который, как только шлюзовая камера освободилась, автоматически встал на место.

Наконец на крохотной панели один из индикаторов сменил свой цвет на зелёный.

— Есть питание… — облегчённо вздохнула Мари.

— Странный модуль… — Ян шёл по коридору, сканируя расположенные за переборками помещения. Мари оставалась подле шлюза, ожидая, когда заработают сервоприводы Энтони.

— Что ты видишь?

— Похоже на склад. За переборками расположены ёмкости с химическими веществами.

— Досадно.

— Не знаю… В этом должен быть какой-то смысл. Иначе к чему транспортировать через бездну пространства химические элементы, которые вполне можно добыть на колонизируемом мире?

— Возможно, ты прав. — Мари на секунду умолкла и вдруг радостно сообщила: — Порядок! Энтони очнулся!

— Отлично. Я двигаюсь дальше по коридору. Ищу отсек управления. Как только сможете — присоединяйтесь.

Отсек управления откровенно удивил Ковальского.

Во-первых, его стены оказались неровными, они выступали внутрь поста непонятными полусферическими вздутиями. Во-вторых, тут, кроме автономной системы навигации, располагались мощные терминалы, соединённые в локальную сеть.

И, наконец, в-третьих, на панели управления, между сиротливыми сигналами резервного питания, был закреплён бросающийся в глаза блок памяти, соединённый со сложным устройством голографического воспроизведения.

Как будто его нарочно оставили на виду, — подумал Ян.

В коридоре за дверью раздались шаги, и в отсек управления вошли Мари с Дрейком.

— Ты как?

— В порядке… — Энтони слабо улыбнулся и тут же спросил: — Нашёл что-нибудь?

— Сейчас посмотрим. — Ковальский многозначительно указал на терминалы и запоминающее устройство. — Похоже, всё это специально оставили на видном месте.

Он протянул руку, коснувшись сенсора воспроизводящего устройства.

Аварийный свет в отсеке мигнул, и вдруг голографическая проекция заполнила собой весь объём помещения, полностью изменив его форму и содержание.

— Мой бог… — выдохнула Мари, — это же…

Борт колониального транспорта «Европа»

Сумасшествие.

Бред.

Третий год полёта сквозь бездну…

Проснувшись, Андрей лежал, уставившись в низкий потолок тесной каюты, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить Беат.

Вот и она вздрогнула во сне, застонала, потом вдруг затихла, но её дыхание не стало ровным.

— Уже не спишь?

Вместо ответа она встала.

Два шага вдоль откидной койки, шелест отодвигаемой двери, и в смежном помещении, больше похожем на встроенный шкаф, раздался шум воды.

Они постепенно сходили с ума, переставали понимать друг друга…

Сон окончательно ушёл. Посмотрев на монитор кибернетической системы, Андрей встал, машинально отметив, что проспал всего пару часов.

Болела голова.

Помещение казалось душным, хотя это являлось иллюзией — регенератор исправно шелестел, подавая в тесную каюту свежий воздух.

Он заказал бытавтомату кофе, натянул одежду и сел за терминал, привычно положив пальцы на раскладку сенсорной клавиатуры.

За тонкой перегородкой тихо шелестела вода.

Пальцы сами пробежали по сенсорам, и вслед за этим движением на экране появилась строка текста.

Диктовать не хотелось, он размышлял, делился сокровенным с незримым собеседником.

Я, Андрей Дибров, капитан Российского национального агентства

астронавтики…

Выстрел грянул оглушительно, неожиданно.

Дибров даже не вздрогнул, лишь повернул голову. Так и есть: интерком включён на приём громкой связи.

— Что там? — раздался из душевой голос Беат.

Андрей заставил камеру повернуться, но участок коридора, откуда транслировался звук выстрела, уже опустел. Лишь на полу валялась гильза, к которой подползал робот-уборщик.

— Наверное, Онжилай развлекается. Вряд ли это прорыв. Сейчас схожу, посмотрю.

Кольцевой коридор жилой палубы «Европы» проходил по наибольшему диаметру вращающейся части корабля. Искусственная сила гравитации здесь равнялась восьми десятым земного эталона.

Дибров передвигался бесшумно, осторожно — сказывалась практика, полученная во время службы в ВКС России, — пока не услышал голоса:

— …Я хочу знать, куда мы летим. Ты врубаешься? Всего лишь назови место назначения и имя того урода, кто заказал для меня билет!..

Андрей выглянул из-за выступа переборки.

Дела обстояли скверно. Он увидел двух андроидов, занявших выгодные позиции напротив шлюза.

На полу в луже крови лежало тело Толмачева — бывшего главного инженера марсианского проекта корпорации «Фон Браун».

Он уже не дышал, даже не вздрагивал в конвульсиях.

Из-за приоткрытого внутреннего люка шлюзовой камеры раздался голос Онжилая:

— Я скажу, куда ты летишь. — Вслед словам раздался звук автоматически вставшего на боевой взвод затвора. По характерному шелесту Андрей определил — полуавтоматический «гервет». Оружие, разработанное концерном «Новая Азия» специально для применения в условиях Марса. — Ты направляешься в ад.

— Почему ты так отвечаешь?

— Потому что при жизни ты, видимо, не был нормальным человеком, а поселившись в модулях дройда, вообще спятил. Сочувствую, но ничем не могу помочь. Ты убил члена экипажа.

— Он не хотел мне отвечать. Только мычал что-то.

Дибров представил, как губы Онжилая исказила усмешка. Да, Толмачев не отличался храбростью. Ещё на одного человека меньше. Теперь нас осталось лишь пятеро…

Пока шёл этот непонятный непосвящённому диалог, второй андроид, вооружённый «Абаканом», медленно смещался вдоль закругления коридора.

Ещё пара мелких осторожных шагов, и он сможет выпустить очередь в зазор между переборкой и неплотно закрывшимся люком.

Андрей поднял «АПС».

Слова вообще являлись лишними, неуместными. Онжилай разговаривал с дройдом лишь ради того, чтобы пощекотать собственные нервы.

В следующий миг из шлюза ударила короткая очередь.

Пробиравшийся вдоль переборки механизм повалился вбок. Онжилай никогда не промахивался. Дибров был уверен: ядро машины превратилось в хрусткое крошево микросхем, застрявших в сером веществе нейромодулей.

Он плавно надавил на сенсор, и «АПС» в руках дважды вздрогнул, вогнав две пули в корпус человекоподобной машины.

— Кто там ещё?

— Это я, Анжи.

— Дибров? — В проёме люка показался Онжилай. Ствол «гервета» недоверчиво смотрел на Андрея своим пустым зрачком.

— Вышел прогуляться?

— Да, не уснуть. Жаль Толмачева.

Онжилай склонился над телом, но тут же выпрямился. И так всё ясно.

— Как эти двое прорвались? Мы ведь заварили все проходы?

— Значит, не все. Ну ничего. — Онжилай сплюнул на пол. — Система наблюдения покажет точку прорыва.

Несколькими минутами позже два сервомеханизма унесли труп Анатолия и убрали останки своих собратьев.

— Не долетим… — внезапно произнёс Онжилай, глядя на обзорный экран, в бездну окружающего корабль пространства. — Глупая была затея с «Европой». Уж лучше бы сдохнуть там, на Марсе…

Странно было слышать такие слова из уст никогда не унывающего, вечно ироничного Анжи. Вряд ли бывшего наёмного убийцу, работавшего на корпорацию «Фон Браун», так сильно взволновала смерть Толмачева. Анатолия он откровенно презирал за трусость и не пытался скрыть этого.

— Мы должны долететь.

— Свихнёмся. Ещё как минимум пять лет. Я не выдержу.

— Френк уже практически решил техническую сторону проблемы, —

успокоил его Дибров. — Ты же знаешь, скоро это закончится.

— Ты о дройдах?

— Нет. О нас.

Вернувшись в каюту, Андрей не застал там Беат.

Наверное, пошла к отцу. Френк работал над проектом в одиночку, никто из остальных членов экипажа не обладал достаточным уровнем знаний, чтобы помочь ему в создании установки, копирующей древнюю систему расы селенитов.

Дибров сел в кресло, пробежал глазами по строкам, затем взглянул на обзорный экран, где расплескалась звёздная бездна, и стёр часть предложения.

Неправильно.

Я, Андрей Дибров, человек с планеты Земля, обращаюсь к тем, кто сможет отыскать и прочесть эти строки.

Если ты машина — не утруждай себя.

Если человек — наберись терпения, прочти до конца, — только понимание сути всех произошедших на Земле и Марсе процессов приведёт тебя к истинной причине нашего бегства.

Мы думали, что спасаем свои жизни, но всё оказалось гораздо сложнее.

Андрей закрыл глаза, чтобы не видеть низкого, давящего потолка каюты.

Переключившись на канал мысленного обмена данными с системой, он просто вспоминал события, выстраивая их не столько в хронологическом, сколько в логическом порядке.

Без мистики, потусторонних сил или чудес. Обыкновенная (с формальной точки зрения) цепочка логических связей, не нарушая ни одного из законов физики, протянулась из прошлого в настоящее, через миллионы лет…

Раньше, по орбите вокруг Солнца, там, где в современности находится пояс астероидов, обращалась ещё одна планета. Существа, населявшие её, звали себя селенитами.

Они были очень похожи на людей, но к моменту великой трагедии сумели продвинуться много дальше по пути технического прогресса.

Осознавая своё одиночество во Вселенной, они двигались двумя путями, разделившими в конечном итоге цивилизацию на два противоборствующих лагеря.

Одни упорно претворяли в жизнь проекты, связанные с

киборгизацией организма, продления жизни за счёт замены биологических органов на более надёжные, если не вечные, то легко заменяемые компоненты.

Они называли себя энзиклонами.

Иная часть цивилизации селенитов, не приемлющая путей киборгизации, разработала систему научных взглядов и подходов, основанных на глубоком знании сущности процессов мышления.

Пока энзиклоны совершенствовали свои тела, незаметно, шаг за шагом утрачивая присущие живому существу органы чувств, необратимо меняя своё мировоззрение, эргвинисты (так называли себя последователи теории Эргвина) готовили научно-техническую базу для грандиозного проекта колонизации первобытной Земли, а затем и иных звёздных систем.

Андрей подумал: никто, кроме самого Эргвина, чьи записи удалось расшифровать, не сумеет пояснить истоки событий.

«Суть величайшего открытия состоит в том, что органика зародилась не на конкретной планете, в среде горячих первобытных океанов, как это предполагалось ранее многими поколениями учёных, а в космосе.

Виновник случайного синтеза примитивных органических молекул — Солнце. Светило нашей системы относится к третьему поколению звёзд, то есть оно так же, как все обращающиеся вокруг него планеты, сформировалось из среды газопылевого облака, которое уже было насыщено всеми видами химических элементов. Именно поэтому мы имеем доступ к месторождениям полезных ископаемых, железных руд и т. д.

Первобытные облака, в которых зарождалось первое поколение звёзд, состояли из водорода и гелия, иных элементов в природе ещё не существовало — им только предстояло появиться в результате реакций термоядерного синтеза, происходящих в недрах раскалённых светил. Звёзды рождались и умирали, некоторые из них вспыхивали, сбрасывая с себя расширяющиеся газовые оболочки, которые мы называем планетарными туманностями. Такие туманности, расширяясь в пространстве, несли в себе запас синтезированных звездой химических элементов, они смешивались с облаками межзвёздного газа, насыщая их многообразием молекул.

Из такого насыщенного элементами облака сформировалось наше Солнце и все планеты системы.

Известно, что синтез наиболее тяжёлых элементов периодической таблицы происходит не в самой звезде, а в окружающем её пространстве при катастрофических вспышках, когда излучаемой звездой энергии

становится достаточно для синтеза ядер тяжёлых элементов.

В одной из таких вспышек, когда наше молодое Солнце в очередной раз взъярилось, выбрасывая на миллионы километров вокруг себя обжигающие щупальца плазменных протуберанцев, в пространстве, помимо образования некоторых радиоактивных веществ, зародилась жизнь. Произошёл случайный синтез примитивной органики, а солнечный ветер разнёс эти споры по всей системе, до самых её границ… Но только две планеты на поверку оказались готовы принять и приютить примитивные органические соединения, дать им возможность проявить себя.

Одну планету мы называем Земля, вторую — Селен.

Размышления, приведённые выше, ставят перед нами закономерный вопрос: если жизнь уникальна и не распространена повсеместно по миллиардам миров миллионов галактик, то как её сохранить и преумножить?

Здесь вступают в игру два фактора. Оба они неблагоприятны. Первый заключён в конечности скорости света, что катастрофически снижает возможности экспансии в глубины Вселенной, а второй — в относительной непродолжительности человеческой жизни по сравнению с масштабами тех расстояний, которые требуется преодолевать для успешного освоения нового пространства, осеменения его спорами жизни.

Преодолеть световой барьер — идея заманчивая, но, на мой взгляд, неосуществимая, по крайней мере, при сегодняшнем уровне знаний и связанных с ним технологий. Другое дело — человеческое сознание, душа.

Мы существуем, пока мы мыслим. Всё, что отличает разумное существо от животного, заключено в самосознании. Вот если бы удалось зафиксировать это неуловимое на первый взгляд понятие „личность“ на универсальном носителе…

Но разве нам нужна законсервированная, статичная душа? Конечно же, нет. Человек должен жить, смеяться и плакать, любить и ненавидеть, радоваться и горевать, иначе все усилия теряют смысл, и мы возвращаемся к идее мёртвой Вселенной, в которой станут обитать какие-то абстрактные, равнодушные ко всему, лишённые эмоций сущности.

Размышляя над этим, сравнивая два препятствия для сохранения и преумножения жизни: скорость света и краткость нашего бытия на фоне бесконечности пространства, я пришёл к выводу, что скорее преодолимо последнее.

Давайте обратим внимание на реальные достижения цивилизации. Мы осваиваем пространство родной Солнечной системы, но современные космические полёты нельзя назвать даже первым шагом к освоению

Вселенной. С точки зрения межзвёздных расстояний мы по-прежнему топчемся на месте.

Иное дело информационные технологии. Здесь прослеживается очевидный прогресс. Развитие искусственных носителей информации и устройств её обработки в тысячи раз опережает наши реальные успехи в освоении космоса. Вычислительные машины, созданные в последнее время, построены на основе архитектуры, копирующей строение живого мозга, а их быстродействие уже перевалило за один миллиард операций в секунду.

Однако здесь существует ловушка, в которую уже попала часть нашей цивилизации, называющая себя энзиклонами. Мало построить машину, которая бы мыслила со скоростью живого мозга, мало дать ей соответствующий объём памяти. Нельзя забывать, что основу понятия „душа“ составляют эмоции, а ими во всех случаях управляют биохимические реакции, свойственные только живым организмам, но никак не машине.

То есть носителем души и разума может стать исключительно живое существо. Тот вид интеллекта, который возникает на основе электронных, оптических или нейроподобных систем, уже не будет адекватен биологическому рассудку, который суть — первоисточник, идеальный образец…

…Мы (эргвинисты, — мысленно добавил Дибров) рассмотрели несколько проблем, связанных с теорией бессмертия личности и глобального распространения жизни, и пришли к следующим выводам.

Путешествия в пространстве станут вторичным способом преумножения жизни. Межзвёздные расстояния реально преодолеть лишь в том случае, когда будет решён вопрос записи и последующей инсталляции человеческой сущности.

Мы можем сканировать мозг. Нам, при определённых условиях, доступен весь объём осознанной памяти. Допустим, мы записали эту информацию, считанную с живого мозга, на более прочный и долговечный носитель. Получается, что мы зафиксировали личность живого существа на определённый момент времени. Но как быть дальше?

Дальше следует создать такой носитель, который был бы восприимчив к определённому воздействию. Нужно создать собственную копию, внеся необходимые генетические изменения в структуру головного мозга. Только такой подход к дальнейшему развитию цивилизации может полностью удовлетворить выдвинутым требованиям. Видоизменённый селенит призван стать не биологической машиной, как утверждают наши

оппоненты, а следующей ступенью эволюции, но шаг на эту ступень должен произойти не под воздействием случайных мутагенных факторов, а вполне сознательно.

Первые опыты мы собираемся провести на Земле, где уже существует жизнь.

Жизнь, схожая с биосферой Селена, но всё же имеющая ряд отличий, затрудняющих прямую колонизацию этого уникального мира.

Да и вправе ли мы видоизменять „под себя" уже сформировавшуюся природу, породившую первобытные формы разума?

Нет.

Мы колонизируем Землю, но не на физическом, а на ментальном уровне…»

Андрей открыл глаза.

Некоторое время он смотрел на ровные строки текста.

Мысли текли плавно. События недавнего прошлого уже не вызывали острых, мучительных приступов раздвоения личности.

Эргвинисты успели воплотить лишь часть своего грандиозного замысла — они внесли незначительные дополнения в геном избранной группы первобытных людей, чьи дети получили новый (отсутствующий у селенитов) раздел коры головного мозга. Затем они создали на основе магнитного поля Земли виртуальную оболочку, машину, которая автоматически записывала данные личности в момент смерти разумного существа, а после осуществляла запись полученной матрицы в разум младенца, принадлежащего уже к сообществу первобытных людей, населявших Землю. Так, по замыслу эргвинистов, должна была осуществляться колонизация третьей планеты Солнечной системы без нанесения ущерба её экологии.

Система была спроектирована на Селене, незадолго до начала войны между эргвинистами и энзиклонами. По сути, она являлась первым экспериментальным шагом к освоению иных звёздных систем и одновременно — компромиссом между идеей немедленной колонизации Земли и постулатом о невмешательстве в её биосферу. Программная структура виртуальной оболочки, базировавшаяся на силовых линиях геомагнитного поля планеты, не имела изнашиваемых компонентов и являлась фактически неразрушимой до тех пор, пока земная кора и ядро планеты хранят свою целостность.

Однако эргвинистам не удалось добиться немедленного успеха. Этому помешала война, которую начали энзиклоны, и проблема, возникшая у

нового поколения людей на Земле.

Дибров понимал, генетические изменения, совершенствующие небольшой участок нейронных тканей первобытного человека, по сути, являлись локальным, незначительным вмешательством, неспособным изменить ход эволюционного развития Homo Sapiens как самостоятельно сформировавшегося биологического вида.

Люди изначально походили на селенитов, обладали аналогичным метаболизмом, а все усовершенствования были проведены на микроскопическом уровне, формируя крохотный дополнительный участок серого вещества, который являлся не более чем биологическим приёмопередающим устройством электромагнитных импульсов. По замыслу, в момент смерти разумного существа (будь то селенит или человек) специализированное скопление нейронов транслировало матрицу личности на приёмник виртуальной геомагнитной оболочки Земли, а в момент рождения ребёнка происходил обратный процесс.

Однако первые «реинкарнации» обнаружили внезапный сбой. С точки зрения разработчиков, было логично, что новорождённое существо не может обладать памятью взрослой личности, поэтому была введена задержка включения долгосрочной памяти. Она характеризовалась величиной, равной десяти оборотам Земли вокруг Солнца. За это время новорождённое существо должно сформироваться и окрепнуть, чтобы быть готовым к принятию хранящейся в нём памяти о своём прошлом, но тут в процесс вмешались особенности земной эволюции. В результате острой борьбы за выживание первобытные люди взрослели намного быстрее селенитов и в десять-двенадцать лет уже были готовы к продолжению рода, то есть вполне осознавали самих себя. Это блокировало реинкарнированную сущность, оставляя её на вечном хранении в подсознании. Такое положение могло сохраняться на протяжении тысяч и миллионов лет, пока земная цивилизация не пройдёт определённые этапы развития, не увеличится срок жизни человека, а разум людей не обретёт амбиций к самопознанию, которые смогут разблокировать память о статично хранящемся «опыте» прошлых жизней…

Мысли Андрея плавно перешли к недавним событиям.

Он вспомнил свою «прошлую жизнь» во время искусственного сна в период многомесячного перелёта между Землёй и Марсом.

Дибров думал, что сошёл с ума.

Он бы действительно спятил, если бы не нашёл подтверждения своим видениям.

Как капитан космического корабля, курсирующего между Землёй и

колонией Марса, он имел необходимые интеллектуальные и технические возможности, чтобы проверить информацию, показавшуюся поначалу сущим бредом.

На поверку оказалось, что это не так.

Очнувшаяся личность существа по имени Кайл помнила свою жизнь на Новом Селене — небольшой планете, постепенно теряющей атмосферу.

По первым впечатлениям Диброва, этой планетой могла быть только… Луна.

Абсурд?

Вовсе нет, если поверить воспоминаниям Кайла и допустить, что Луна и Марс являлись когда-то спутниками планеты Селен и располагались дальше от Солнца, где вполне могли иметь атмосферу.

Он провёл собственное исследование и убедился — это действительно так.

Пояс астероидов, при тщательном изучении, оказался обломками крупной планеты, а Луна и Марс, прежде являвшиеся её спутниками, в результате катастрофических событий многомиллионной давности действительно могли занять новые орбиты — Марс превратился в самостоятельное небесное тело, а Новый Селен вышел к Земле [7].

Библейский потоп являлся не чем иным, как следствием захвата гравитационным полем Земли своего спутника…

Андрей помнил собственное потрясение, когда математические расчёты, сравнительный анализ химического состава пояса астероидов, Луны и Марса, вдруг начал выстраиваться в понятную систему, подтверждающую воспоминания иной личности, внезапно очнувшейся от сверхглубокого сна…

Затем грянули события на Марсе — завезённый с Луны реголит стал причиной распространения серебристой пыли, которая при исследовании оказалась колониями наномашин иной, неизвестной человечеству расы.

Сумма технологий двух цивилизаций внезапно образовала роковой синтез.

Никто не подозревал, что древняя виртуальная машина, созданная селенитами на базе геомагнитного поля Земли, по-прежнему успешно работает. Она исправно транслировала матрицы сознания умиравших людей на любые доступные носители.

На Марсе концерн «Новая Азия» начал серийный выпуск андроидов, оснащённых нейромодулями.

На перенаселённой Земле неуклонно росла смертность среди

социально неблагополучных, малообеспеченных слоёв населения…

В этих условиях древняя система, которая уже едва справлялась с потоками входящих данных, вполне естественно восприняла андроидов с интегрированными нервными тканями за «новорождённых существ».

Расстояние между Землёй и Марсом не являлось препятствием для направленной передачи данных, и едва сошедшие с конвейера человекоподобные машины вдруг начали принимать в свои нейромодули фрагменты матриц сознания умерших людей.

Почему фрагменты?

Ответ прост: объём клонированных нервных тканей не мог принять всю матрицу целиком, поэтому человекоподобные машины, как правило, получали ограниченный объём данных, связанный с последними часами или днями жизни человека.

Нетрудно предугадать, что девяносто процентов таких воспоминаний носили негативный, травматический характер.

Машины стали сбоить — целые партии андроидов вдруг без видимой причины начинали вести себя совершенно неадекватным для бытовой машины образом.

Проблемы ещё больше усугубились с появлением серебристой пыли.

Человечество стремительно вторгалось в область неизведанного, а внезапные катастрофические события воспринимались как беда, с которой необходимо бороться.

Руководство корпорации «Фон Браун», терпящей колоссальные убытки из-за массового сбоя андроидов и выхода из строя техники, поражённой спорами микромашин, решило принять радикальные меры, вычистить непонятную заразу ядерным взрывом, имитировав катастрофу на атомной энергостанции.

Однако, прежде чем пойти на этот шаг, часть инфицированной техники и сбойных человекоподобных машин была тайно доставлена на борт законсервированного колониального транспорта «Европа».

Трудно предсказать, к каким последствиям могли привести перспективные исследования технологий расы селенитов.

Лишь несколько человек, чья наследственная память была разбужена во время долгого перелёта между Землёй и Марсом, осознавали, чем могут обернуться для остального человечества тайные исследования древних технологий.

Безвредные микромашины, разработанные селенитами в качестве универсальных симбионтов, способных поддерживать организм человека, попавшего в экстремальные условия окружающей среды, или

реставрировать повреждённую технику в обмен на поставляемую им энергию (тепло человеческого тела либо часть энергоресурса машины) могли быть использованы далеко не в мирных целях, а сведения о возможности вечной жизни, путём контроля над виртуальной машиной селенитов и присвоения исключительного права на распределение реинкарнаций, грозили обернуться катастрофическими последствиями для всего человечества.

Андрей не чувствовал себя героем.

Они оказались в безвыходном положении — узнай сотрудники корпорации об их внезапно проснувшемся *знании*, и жизнь будет сломана.

Хуже того — пять личностей, вспомнивших не только своё прошлое существование на Новом Селене, но и узнавших друг друга, оказались в зоне ядерной «зачистки».

Их личный счёт к «Фон Брауну» рос с каждым прожитым часом. У каждого имелись свои мотивы, но итог оказался един: не желая погибнуть или стать «материалом для исследований», они решились на отчаянный шаг — проникнуть на борт «Европы» и угнать корабль вместе со всеми образцами сбойных андроидов и «инфицированной» микромашинами техники.

Только так они могли избежать преследования по факту своего необъяснимого выхода из зоны ядерного взрыва и хотя бы на время отсрочить роковые для цивилизации открытия.

Андрей услышал в коридоре шаги Беат. Женщины, которую он полюбил на Новом Селене и вновь обрёл во время страшных событий на Марсе.

Дверь каюты открылась.

Она улыбалась впервые за последние месяцы.

— Андрей, пойдём, похоже, Френку удалось смоделировать систему записи личности!

У Диброва сбилось дыхание.

Неужели они смогут обмануть время, уйти от невыносимого существования в крошечных отсеках космического корабля и очнуться от небытия в новом, уже подготовленном для жизни мире?!

— Иду, родная.

Он задержался лишь на минуту, чтобы добавить последнюю фразу:

«*Конец записи*».

Аварийный сегмент колониального транспорта «Европа». Две недели спустя

Они возвращались.

Ёмкости с химическими веществами опустели ещё неделю назад, но только сейчас на пяти из восьми полусферических выступов камер биологической реконструкции зажглись сигналы индикации, предупреждающие об успешном окончании процесса.

Мари, Ян и Энтони в молчаливом напряжении ожидали, когда откроются уникальные в своём роде устройства, где по образцам ДНК реконструировались тела членов экипажа «Европы», а затем с носителей кибернетических систем происходила трансляция личностей.

Они лишь могли предполагать, кого встретят спустя пару минут.

Было страшно.

По-настоящему страшно — ведь самый незначительный сбой в процессе мог привести к фатальным последствиям.

Не хотелось даже думать об этом, иначе следовало предположить, что за медленно поднимающимися крышками они увидят вовсе не тех, кого так долго искали, не теряя надежды на протяжении двух с половиной лет.

Они нашли их почти в самом пекле вулканической преисподней, среди видоизменившихся, не помнящих своего истинного предназначения анклавов одичавших машин.

Теперь уже не минуты, а секунды решали всё.

Крышки камер биологической реконструкции встали в верхнее положение, отчётливо щёлкнув фиксаторами.

Тихо, едва слышно заныли сервомоторы, подавая из недр сложнейших устройств жёсткие пластиковые ложа, на которых лежали тела четырёх мужчин и одной женщины.

Долго, невыносимо долго текли секунды.

Взгляды скользили по нагим телам, узнавая знакомые по записям черты.

Беат…

Андрей Дибров.

Антон Столетов.

Онжилай… — загадочная личность, человек со множеством имён, тщательно скрывавший своё прошлое.

Френк Лаумер…

Глухие удары пульса в висках.

Режущий ультрафиолет, наполняющий отсек специфическим запахом.

Тишина, такая хрупкая, звонкая…

Веки Андрея Диброва внезапно затрепетали.

Первый судорожный вдох.

Движение.

Он открыл глаза.

…Перед ним стояли два человека и андроид.

Сознание ещё не прояснилось, тело сковывала неодолимая слабость, но мысли — тысячи мыслей уже ворвались в рассудок, и как единственный, желанный ответ на них вдруг прозвучал хрипловатый, надсаженный от волнения голос шагнувшего вперёд мужчины.

Он присел подле жёсткого ложа и, не отпуская взгляд Андрея, сказал всего два слова:

— Вы вернулись.

Эпилог

Колония Проциона. Год спустя…

Ночь кружила над городом. Низкие, тяжёлые облака клубились, укрывая пепельно-серой мглой верхние этажи небоскрёбов.

Нагаев стоял у окна и смотрел вдаль, где ночные небеса озарялись багряными отсветами, там, за сотни километров от мегаполиса, извергалась группа вулканов.

Серый пепел вторые сутки обрушивался наплывами внезапной нереальной метели, снижая видимость, оставляя налёт праха на зданиях, улицах, площадях…

Казалось, что суровая природа планеты вдруг, спустя столетия, восстала против пришельцев, выстроивших город, окруживших его зеленью лесопосадок, вознамерившихся засеять жизнью бесплодные равнины, а затем вдруг круто изменивших первоначальный план.

Нагаев мрачно смотрел в окно, понимая, что обречён.

Колониальный проект был провален.

Он слишком поздно сумел понять, что с процессом преобразования мёртвого мира в оазис жизни способна справиться лишь сумма всех технологий, которые нёс на борту колониальный транспорт.

Мало построить город, окружить его лесами, нужен вдумчивый кропотливый труд миллионов машин и многих поколений людей, чтобы сложенные вместе усилия дали необратимый результат.

Нагаев — бывший серийный андроид модели «LX-39» — стоял у окна в полном одиночестве.

Он претворил в жизнь свою мечту, одолел тысячи трудностей, поломал множество судеб, и где итог?

Он оказался заложником собственных стремлений. Первая переходная форма, сочетающая в себе нервные ткани человека с кибернетической системой, прочность механического эндоостова, силу биолайкроновых мышц с компактными системами дыхания и кровообращения, питающими живые кожные покровы…

Он мог совершать сложнейшие математические расчёты и ощущать вкус пищи, логически оценивать ситуацию или испытывать помутнение рассудка от приступа гнева либо страсти.

Почему он, сверхмашина и сверхчеловек в одном теле, стоял в тяжёлой задумчивости, глядя на далёкое извержение?

Что ему до тех, кто задыхался от пепла на улицах города?

Разве должен волновать его природный катаклизм, который закончится спустя пару дней?

Конечно, нет.

Город лишь временно был покинут машинами — все андроиды сейчас проходили радикальное усовершенствование, чтобы выйти из недр цокольного этажа такими же сверхсуществами, как он сам.

Он испытывал глухую тоску совсем по иной причине, а мрачная обстановка разгулявшейся стихии служила лишь фоном для мыслей.

Сегодня Нагаев понял, что при всём совершенстве своего тела и разума он — абсолютное ничтожество.

Страсти конечны. Они исчерпываются, уже не несут новизны, мир понятен, как решённая задачка из учебника арифметики первого класса, перспективы известны, прошлое оценено, и что у него осталось в итоге?

Бессмертие?

А где цель вечного существования?

Власть?

Ничтожная, ничего не несущая, сомнительная привилегия, когда она ни к чему не обязывает, когда за неё не нужно бороться, ибо нет конкурентов, всё известно заранее.

Научный поиск?

Его губы исказила саркастическая усмешка.

Сегодня он видел, что такое *настоящая жизнь*, которая недоступна ни ему лично, ни формирующемуся в данный момент поколению обновлённых машин.

Он видел, как ничтожное, смертное человеческое существо, чьими помыслами он когда-то забавлялся, питая свои *бесплодные* нейромодули, — обыкновенная женщина, вряд ли осознающая, какие замыслы вершатся рядом с ней, шла по улице, укрывая пятилетнюю дочь от падающего с небес пепла, и что-то рассказывала ей, ласково улыбаясь своему ребёнку…

Нагаев, наблюдавший за этой картиной, сначала испытал шок, а затем его настиг ужас от внезапного понимания — никогда он не сможет стать таким, как эта смертная, идти и улыбаться маленькому существу, ограждая его милой болтовнёй от угрожающего разгула стихии…

Он никогда не сможет иметь детей.

В этот день, а вернее, этой ночью, глядя на падающий пепел, клубящиеся тучи и далёкое зарево извержения, он искал причину своего внезапного падения с вершины олимпа иллюзий и не понимал, что, соединяя живое с неживым, он получил в итоге не сверхчеловека и не

сверхмашину, а нечто принципиально иное.

Новую форму жизни, которой необходим новый смысл бытия.

Нагаев упорно отказывался признавать данный факт, лишь всё более мрачнел, углубляясь в тщетный запоздалый самоанализ, понимая, что, когда был андроидом, едва осознававшим факт собственного существования, он ещё мог найти этот самый смысл бытия, мог полюбить если не другое существо, то окружающий мир, мог научиться видеть красоту, отыскать в окружающей действительности нечто уникальное, что трепетно отзовётся в душе не стандартным набором биохимических реакций, а неподдельным звенящим чувством, принадлежащим только ему и никому другому…

Он знал, что наступит дальше.

Процессы терраформирования, остановленные в критической стадии, начнут терять положительный эффект, все достижения постепенно обратятся вспять, прогресс прекратится, начнётся долгая агония, погибнет вся сложная органика, и на планете останутся лишь чистые машины, бессмысленно копающиеся в недрах, да они — сверхразумы, запертые в каком-либо бункере с замкнутыми системами жизнеобеспечения, приговорённые к вечному одиночеству, потому как единственное чувство, способное по-настоящему сблизить два существа — это любовь, — недоступная, непонятная, неразгаданная…

Есть ли смысл тянуть, ждать этой агонии?

Мысль подчеркнул внезапный разряд молнии.

Напоенные влагой облака конденсировались над городом, третьи сутки подряд разряжаясь грозами.

Вспышка белого сияния осветила окрестности, на миг стало светло, как днём, и Нагаев, по привычке фиксируя открывшуюся взгляду картину, вдруг заметил, как по одной из дорог, ведущих в город, движется нечто, похожее на армию насекомых…

Сенсорные системы глобального контроля уже вторые сутки сбоили из-за обилия пепла, облепившего все датчики, а в городе не осталось безропотных исполнительных механизмов, которые бы очистили их, оставалось уповать лишь на ливень…

Или на собственное зрение и абсолютную память, запечатлевшую яркую картину освещённых вспышкой молнии окрестностей.

Обработка изображения заняла пару секунд, не более.

Вывод кибернетической системы был категоричен — по южной магистрали к городу под прикрытием непогоды двигалось несколько сот эволюционировавших механизмов.

На миг Нагаеву стало жутко, потом появилась досада, но в конечном итоге на лице отразилась всё та же угрюмая саркастическая усмешка.

Что ж. Пусть будет так. По крайней мере, это лучше, чем перспектива растянувшейся на века агонии.

Он не станет поднимать тревогу.

Пусть ослепший город погрузится в хаос под ударом примитивных кибернетических форм, которые разучились сами добывать необходимые ресурсы, превратившись в кочевые орды, разорившие уже не один десяток производственно-добывающих комплексов.

Он не сдвинется с места. Ещё десять-пятнадцать минут, и проливной дождь смоет липкий пепел с датчиков обнаружения, унесёт его мутными потоками в колодцы ливневой канализации, и тогда улицы города, озарённые включившимся освещением, продемонстрируют последний акт затянувшейся на века драмы под названием «колонизация».

Свет действительно включился, но, вопреки ожиданиям Нагаева, на улицах города всё оставалось тихо и спокойно.

Население предпочитало сидеть по домам — шутка ли — третьи сутки непрекращающегося природного катаклизма, сопряжённого с перебоями в подаче энергии…

Нагаев был удивлён.

Пришлые кибермеханизмы, по всем расчётам, уже должны находиться в черте города, но почему не поднята тревога? Где паника, которой он ждал, почему не начинается предсказанный им акт трагедии?

Новый комплекс колониальной администрации, выстроенный в геометрическом центре мегаполиса, имел гораздо более серьёзную систему охраны, спроектированную с учётом опыта известных событий, фактически уничтоживших прежнее здание управления, но тем не менее до слуха Нагаева внезапно донёсся лёгкий шелест заработавшего лифта, хотя он знал абсолютно точно — в офисах, кроме него, никого нет.

Двери лифта бесшумно раздались в стороны, беспрепятственно пропуская в кабинет группу *людей*.

Они молча входили, осматривались и… вдруг начали усаживаться в удобные кресла за длинным столом, предназначенным для совещаний.

Нагаев резко обернулся.

— Не дёргайся! — раздался в тиши кабинета голос рослого незнакомца. Плотное телосложение свидетельствовало о прекрасной физической форме, тонкие черты лица, мужественный подбородок, но

главным в облике этого человека, несомненно, были глаза. Их пронзительный взгляд, в котором непонятным образом сочетался несомненный жизненный опыт, дерзкая усмешка и холодная уверенность в своих действиях, буквально ожёг Нагаева, дав понять, что перед ним не житель порабощённого мегаполиса.

— Мы пришли, чтобы поговорить с тобой, супермашина, — он сел, полы мокрого плаща чиркнули по полу, оставив на нём влажный след.

Дерзость, прозвучавшая в словах, предполагала ответное действие, но незнакомец предупредил реакцию хозяина кабинета.

— Меня зовут Онжилай, — представился он, исподлобья взглянув на Нагаева. — Я осведомлён о твоих возможностях, но вот эта штука, — он поднял руку, повернув ребром тяжёлый автоматический пистолет неимоверно древнего образца, — ещё ни разу не подводила меня.

— Человек, твоя дерзость неуместна. Одна моя мысль, адресованная системе защиты, превратит тебя в…

Звонкий, оглушительный выстрел разорвал тишину кабинета.

— Многие думали так же, — невозмутимо произнёс Онжилай, даже не посмотрев в сторону огромной дыры в облицовке, за которой искрило разбитое пулей приёмопередающее устройство системы охраны. — Тебе нужно усвоить одну древнюю истину. Не знаю, кто её автор, но звучит она приблизительно так: «Господь сделал нас разными, но потом пришёл господин Кольт и уравнял всех в правах».

— Ты угрожаешь мне?

— Зачем? Я констатирую факт. Ты ведь не хуже меня понимаешь, насколько весомый аргумент в моих руках? Одно *неправильное* движение, — он усмехнулся, — и всё твоё суперсовершенство превратится в безобразную кляксу на стене. Будет гораздо лучше, если мы сможем просто поговорить. Но прежде ты должен усвоить, кто мы.

Нагаев вопросительно поднял бровь.

Ничто не могло удивить его в этом мире. Глупый человек вознамерился угрожать ему. Пусть попробует. Это даже забавно…

— Перед тобой экипаж колониального транспорта «Европа».

В рассудке Нагаева вдруг возникло ощущение сбоя.

Теория вероятности, конечно, допускала один шанс из миллиона, но…

— Знакомься, это Беат, рядом с ней Андрей Дибров, он же Кайл… вот наш непревзойдённый гений инженерной мысли, бывший глава проекта колонизации Марса Френк Лаумер, далее Антон Столетов, капитан военно-космических сил корпорации «Дитрих фон Браун»… Остальные участники исторического старта «Европы» из границ Солнечной системы, к

сожалению, не смогли пережить превратности длительного межзвёздного перелёта, зато наши ангелы-хранители — Мари Лерман и Ян Ковальский — тебе отлично знакомы, я не ошибся?

Ощущение внутреннего сбоя усиливалось.

Нагаев действительно узнал их.

— Так вот, — Онжилай говорил спокойно, раскованно, но за небрежностью и некоторой насмешливостью тона чувствовалась железная воля человека, который не один десяток раз смотрел в ледяные глаза смерти и ни разу не отвёл взгляд… — Мы пришли, чтобы выразить свою признательность. — Каждое слово било Нагаева, словно он испытывал не информационные, а физические удары.

— Признательность за что? — сухо осведомился он.

— За своевременное возрождение людей. Должен сказать — работа по формированию жизнеспособной популяции была проделана блестяще.

Нагаев не нашёлся, что ответить. Он, знающий ответ на любой вопрос, впервые за многие годы не мог прогнозировать ситуацию, его логика оказалась бессильной, чувственное, эмоциональное восприятие сбоило.

— Неуютно? Понимаю. — Онжилай откинул полу плаща, одной рукой достал небольшой свёрток, положил его на стол и добавил: — Я хотел сделать руководителю колониальной администрации небольшой подарок.

— Что это?

— А как сканеры? Неужели отказываются работать?

Нагаев вдруг понял, что совершенно не управляет ситуацией. Более того, он всё глубже погружался в пучину непонятного шока, словно окружающий его мир окончательно утратил ясность и предсказуемость. Почему это происходило? Что особенного в человеке, глядящем на него без страха, с дерзким вызовом во взгляде?

Он всё же не удержался от моментального сканирования свёртка, словно неведомая сила играла с ним, заставляя совершать определённые поступки помимо воли.

Внутри оказалась перевязанная ленточкой пластиковая коробка. Очень древняя, вероятно, прибывшая на Процион вместе с колониальным транспортом.

Так и есть. Ясно читаемая маркировка гласила: «Произведено на Марсе. Концерн „Новая Азия“. Конструктор „Создай себе друга“».

Нагаев пошатнулся.

Конструктор. Набор комплектующих, предназначенный для сборки

уменьшенной модели человекоподобного робота.

Этот Онжилай издевался над ним!

— Ярость? Обида? Согласен, неприятные чувства. Но вдумайся — они твои. И постарайся уяснить — ты не сверхсущество.

— А кто я, по-твоему?

— Не очень удачный синтез кибернетических компонентов с биологическими тканями. Тупиковая система. Я могу причинить тебе непоправимый вред как минимум тремя разными способами. Например, свести с ума, используя глубокое знание психологии. Или разрушить программное ядро, пользуясь определёнными наработками в области кибернетики. А можно тривиально нажать на курок…

— Ты пытаешься меня унизить? Зачем?

— Я открываю тебе истину. Ты никогда не станешь полноценным существом. Уже не киберсистема, но ещё не человек. Ты нечто иное, не научившееся жить, но уже поставившее себя выше всего и всех. Чего стоят твои метаболические преобразователи? Какой толк от биохимии, симулирующей чувство страха, если нет причины для возникновения этого чувства? Пока ты не загрузишь в себя пережитый кем-то ужас, ничего не заработает, верно? Точно так же у тебя нет внутреннего стимула для любви, ты даже не в состоянии испытать удовольствие от совершения тех или иных поступков, ибо они предсказаны, понятны, мотивированы и проходят как обычное механическое действие, я правильно излагаю?

Нагаев долго молчал, потом был вынужден кивнуть.

— Я пришёл сюда не затем, чтобы унизить тебя или отомстить за опыты над людьми. В конце концов, для мести есть более эффективные способы.

— Тогда к чему эта издёвка? — Нагаев указал на пакет.

— Я доказал, что у тебя есть *собственные* чувства. И нет повода оставаться в тупике, мрачно ожидая конца всего сущего. Мы можем разойтись врагами, но в таком случае я не доставлю тебе удовольствия борьбы — просто шлёпну, как неудачную выходку процессов саморазвития.

— Ты слишком самонадеян.

— Ничуть. — Палец Онжилая ласково погладил курок оружия, столь мощного из-за своей простоты и древности, что пуля, выпущенная из него, запросто могла превратить сложные биокибернетические конструкции в месиво из окровавленной плоти и осколков металлопластика. — Френк, скажи ему, а то у меня сейчас иссякнет аргументация…

Лаумер откашлялся.

— Есть несколько причин, по которым нам не следует конфликтовать, — произнёс он. — Человекоподобные машины, как и все окружающие нас в данный момент системы или конструкции, были разработаны людьми. Это происходило несколько веков назад в иной звёздной системе, и нет смысла искать на Проционе виновников происходящего: те промышленные группы, равно как и отдельные представители мира науки, идолами которых являлись слава, деньги, неуёмные амбиции, — все они остались в прошлом, за десятки световых лет отсюда. Мы даже не знаем, что произошло за этот период на Земле или внутрисистемных колониях. Курс, проложенный для «Европы», не являлся секретом, но спустя столетия на орбитах Проциона так и не появился ни один корабль. Возможно, мы — я имею в виду всех разумных обитателей планеты, включая анклавы андроидов, — остались единственными представителями разума в обозримом пространстве. Более того, у нас имеется сумма уникальных технологий, способная довести преобразование Проциона до логического завершения первоначального проекта. Поэтому тривиальная месть при обсуждении проблемы показалась нам неуместной… хотя, если ты или тебе подобные будете упорствовать, настаивая на своём мнимом превосходстве, я, наверное, не стану мешать Онжилаю. Хочу заметить лишь одно — порочную практику подчинения мыслящих машин ввели отнюдь не мы, и тем более за неё не могут нести ответственность люди, родившиеся здесь, на Процоне.

Мыслящие существа, на мой взгляд, отличаются от неразумных, механических либо биологических форм прежде всего способностью вести диалог, искать компромисс. Согласен, иногда это трудный процесс. Но уверен, у нас есть и общие интересы, и реальные точки соприкосновения, нужно лишь сбросить шелуху надуманного превосходства и посмотреть друг на друга, как равные. Собственно, это всё, что мы хотели высказать.

Нагаев выслушал Френка молча, в немом потрясении.

За истёкшие четверть часа не оправдался ни один аналитический прогноз.

Ничтожно малый промежуток времени, в котором спрессовалось столько новизны, сколько не дадут века статичного существования.

Он испытал чувства, не заимствуя их мотивы из многочисленных баз данных.

Увидел настоящих людей, над которыми не властны созданные ими системы…

Заглянул в насмешливые холодные глаза смерти и почувствовал протянутую руку, удержавшую его на краю пропасти.

Осознал, что не всё потеряно… и в мире, который он считал приговорённым, есть возможность начать всё сначала, не повторяя ошибок, загнавших его сознание в тупик предсказуемой безысходности, бессмысленности существования.

Он вновь покосился на свёрток, вспомнил свои мысли, позволил обиде захлестнуть разум, отвёл взгляд и внезапно встретился глазами с Ковальским.

Ян смотрел на него без ненависти.

Он сидел, одной рукой обнимая Мари, которая склонила голову ему на плечо и что-то тихо шептала на ухо.

Иная жизнь. Наверное, она никогда не будет доступна его пониманию — Нагаев помнил, сколько бед им пришлось пережить по его вине, и вот они вернулись, как когда-то обещал Ян, спокойно, без единого выстрела прошли системы охраны, для того… чтобы предложить ему прощение.

Этого не могла предсказать логика. Но у каждого поступка есть мотив, значит, в своих мыслях и побуждениях они действительно намного сильнее.

Нагаев вдруг отчётливо осознал — с ним или без него они будут жить, любить друг друга, у них родятся дети, которые станут будущим Проциона…

— Почему, Ян?..

Слова, невольно вырвавшиеся из уст машины, так и не сумевшей уподобиться человеку, заставили Ковальского прищуриться.

— Ненависть убивает, полковник. Она бессмысленна. Кому станет лучше, если мы перебьём всех дройдов? Или наоборот? — Ян говорил спокойно, без патетики. — Так вышло, что мы живём в одном мире. Просто я однажды подумал: всё взаимосвязано. Не будь первого поколения реплицированных вами людей, я бы никогда не появился на свет, не встретил бы Мари. Время лечит душевные раны… Если чувствуешь, что можешь простить, почему не сделать этого?

* * *

Отряд сервомеханизмов, который видел Нагаев, давно вошёл в пределы черты города.

Они пришли не для того, чтобы разрушать или овладевать ресурсами.

За плечами сервомеханизмов лежал долгий путь через вулканические пустыни, где высились застывшие, медленно ветшающие промышленные комплексы.

Каждый объект требовалось исследовать, восстановить систему,

наладить производство первичных механизмов самоподдержания.

Движение отряда было медленным, но с каждым новым объектом они действовали увереннее, быстрее, воссоздавая едва не утраченную сумму технологий, способную привить в мёртвом мире хрупкую, капризную жизнь.

Двигавшийся во главе отряда андроид остановился на перекрёстке улиц.

Впереди высились завалы из опрокинутых, снесённых пронёсшимся по улицам потоком воды машин, мусора, мебели.

Всё это следовало убрать, восстановить, заново отремонтировать повреждённые этажи зданий.

Отряд разделился на небольшие группы, каждая из которых тут же занялась делом.

Андроид остался один. Некоторое время он контролировал действия подопечных, затем его отвлёк включившийся канал связи.

— Дрейк, это ты?

— Ян? Рад тебя слышать. Где вы находитесь?

— В новом здании колониальной администрации. В кабинете Нагаева.

— Как он?

— Плохо. Френк, к сожалению, оказался прав. Тупиковая система.

— Он разрушен?

— Мы его не трогали. Он сам выбросился в окно. Поднимайся, есть о чём поговорить.

— Хорошо, Ян, я буду минут через десять. Не начинайте совещание без меня, ладно?

— Договорились. Будь осторожен. По прогнозу ливень вот-вот возобновится.

— Я понял.

Дрейк отыскал взглядом здание колониальной администрации.

Низкие свинцово-серые облака клубились над ним, грозя в любую минуту разразиться новым ливнем.

Он на миг залюбовался этой картиной мрачного буйства стихий.

У машины есть своё особое, неповторимое понятие красоты.

И ещё — своя нечёткая логика, которую среди людей принято обозначать словом «фантазия».

Он научился любить этот мир, а значит, мог представить, что на смену мрачным краскам слепой стихии рано или поздно придёт иная красота: ему вдруг привиделось бирюзовое небо в разводах перистых облаков, яркий диск солнца над шпилевидными вершинами небоскрёбов и тёплые столбы

света, наискось падающие меж высотных зданий…

Дрейк не верил в утопии, но знал: наступит день, и он проведёт за руку детей Мари и Яна, чтобы показать им новый город, в котором каждый из них увидит свою неповторимую, сокровенную красоту.

Красоту, за которую их родители и он сам едва не отдали свои жизни, пройдя трудными тропами взросления разума, познав всё — от слепой ненависти до любви.

…Первые капли дождя заставили его оторвать взор от неба.

Он снова увидел город таким, каков он был сейчас — пустой, заброшенный, полный страхов, нерешённых проблем, ощутил близкий пульс затаившейся за стенами зданий жизни…

Яростный порыв ветра едва не сбил его с ног.

Дрейк усмехнулся. Никто не говорил ему, что будет легко. Но разве не в борьбе заключён смысл жизни?

На его глазах под этими ураганными порывами ветра зарождалась новая форма цивилизации, где человек и искусственный интеллект впервые выступали как равные.

notes

Примечания

1

ИскИн — Искусственный Интеллект (жаргонное).

2

«АПС» — автоматический пистолет системы «Стайгер».

3

Тюбинг — элемент сборного крепления подземных сооружений (туннелей, шахтных стволов, горных выработок). Изготавливается в виде кольца из железобетона, стали или иных материалов.

4

Файл сканирования — полная запись со всех датчиков внешнего контроля.

5

ТТХ — тактико-технические характеристики.

6

Скан-сопровождение — метод контроля за объектом посредством сканеров.

7

Мысленные воспоминания Диброва освещают события романа «Форма Жизни».